

7 1/13.

1
A871

СРЕДИ

РАСКОЛЬНИКОВЪ И СЕКТАНТОВЪ

ПОВОЛЖЬЯ.

Историко-бытовые очерки раскола и сектантства въ
Нижегородскомъ краѣ.

С. А. Архангелова.

Государственный музей
Толстого
Библиотека
№ 20961

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание П. П. Сойкина

12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1899 года.

LDAN STACK

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. № 12.

175

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало раскола въ Нижегородскомъ краѣ и причины широкаго распространенія его здѣсь.

Издавна Нижегородская губернія, особенно ея уѣзды—Семеновскій и Балахнинскій были гнѣздомъ и разсадникомъ раскола. Почва для возникновенія раскола въ этомъ краѣ была самая благопріятная. Въ старыя годы обширныя лѣсныя пространства нижегородскаго Заволжья почти вовсе не имѣли церквей. Въ рѣдкихъ, отдаленныхъ одна отъ другой деревняхъ жилъ тамошній людъ, какъ отрѣзанный отъ остальнаго крещенаго міра. Дѣтей крестили у нихъ бабушки-повитухи, свадьбы-самокрутки вѣнчали въ лѣсу, вокругъ ракитова кустика, хоронились (погребались) заволжане зря, гдѣ попало. „Жили въ лѣсу, молились пенью, вѣнчались вокругъ ели, а черти имъ пѣли“, такъ говаривали Московскіе люди про лѣсныхъ обитателей Заволжскаго края. Главными требоисправителями у заволжанъ были хлыновскіе попы съ Вятки. Это—попы самоставленные: они не признають надъ собой никакой духовной власти. Въ своей невѣжественной дѣятельности они не справляются ни, съ какими уставами и чиноположеніями и одинаково свободно вѣнчаютъ четвертые, пятые, даже седьмые браки. Препятствій (родство, жизнь жены или мужа брачующихся) для нихъ здѣсь не существовало. Эта свобода дѣйствій поповъ нравилась народу. Она льстила и угождала его желаніямъ, дѣлала для него изъ невозможнаго возможное, изъ незаконнаго—законное. И народъ

дорожить такими попами. При всемъ своемъ усердіи къ вѣрѣ и церкви, онъ знать не хочетъ русскихъ архіереевъ съ митрополитомъ во главѣ. Свято почитая старину, старыя книги и обряды, онъ придерживается самоставленныхъ бѣглыхъ поповъ. Такъ было въ XV вѣкѣ. Митрополитъ Московскій Геронтій (конца этого вѣка) говорилъ про хлыновскихъ поповъ такъ: „не вѣмы, како и нарицати васъ, и отъ кого имѣете поставленіе и рукоположеніе“. Въ такомъ состояніи церковной независимости находилось заволжское лѣсное населеніе даже въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Съ XVII столѣтія въ непроходимыя заволжскія дебри стали являться новыя насельники. Остатки вольницы, что во времена самозванцевъ и лихолѣтія разбоемъ да грабежомъ исходили вдоль и поперекъ чуть не всю Русскую землю, находили здѣсь мѣста безопасныя, укрывавшія удальцовъ отъ припасенныхъ для нихъ кнотовъ и висѣлицъ.

Бѣглые попы, пашенные крестьяне, не смогшіе примириться съ только что возникшимъ крѣпостнымъ правомъ, отягощенные оброкомъ и податями слобожане, лишенные промысловъ посадскіе люди, бѣглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистнаго имъ иноземнаго строя: все это валомъ валило за Волгу и ставило тамъ свои „починки“ и „заимки“ по такимъ мѣстамъ, гдѣ до того времени человѣкъ ноги не накладывалъ.—Всякій посельникъ приносилъ съ собой въ этотъ край неудовольствіе на порядки жизни и тяжесть положенія.

Возникновеніе раскола старобрядчества въ Нижегородской губерніи совпадаетъ съ началомъ его на Руси, относящимся къ 1655 — 1666 годамъ. Особенно благоприятно было для раскола время между-патріаршества, т. е. время удаленія патріарха Никона отъ дѣлъ правленія, продолжавшееся въ теченіе 8-ми лѣтъ, отъ 1658 до собора 1666 г. Въ удаленіи патріарха Никона

была едва ли не главная причина сильнаго распространенія раскола въ Россіи. По крайней мѣрѣ такъ думали современники Никона *). Въ это именно время расколь распространился и утвердился, если не по всей Россіи, то въ тѣхъ мѣстахъ ея, гдѣ топографическія условія благопріятствовали этому распространенію. Расколь распространялся преимущественно въ мѣстахъ, покрытыхъ лѣсами и болотами, въ мѣстностяхъ дикихъ и пустынныхъ, гдѣ раскольники могли удобно скрыться отъ преслѣдовавшей ихъ власти церковной и гражданской.

Нижегородская губернія по своему географическому положенію, при рѣкахъ Окѣ и Волгѣ, покрытая густыми и темными, почти непроходимыми лѣсами, представляла самое удобное мѣсто для распространенія въ ней раскола. Потому-то въ предѣлахъ Нижегородскихъ расколь распространился едва-ли не ранѣе, чѣмъ гдѣ либо. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что во времена Никона, въ числѣ главныхъ расколоучителей являются выходцы Нижегородскіе, именно: старецъ нижегородецъ Сергій, монахъ Ефремъ Потемкинъ, іеромонахъ Авраамій и другіе. Опишемъ кратко ихъ жизнь и дѣятельность.

Первоначальная жизнь Сергія, этого по отзыву раскольниковъ „второго Іліи“, въ предѣлахъ Нижегородскихъ мало извѣстна. Сергій выступаетъ на сцену исторіи во дни собора, бывшаго въ 1666 г., вмѣстѣ съ главными расколоучителями: Аввакумомъ, Никитою, Лазаремъ, Θεодоромъ и другими. Царь Алексѣй Михайловичъ, „отнелѣже хулу услыша и прочте богомерскіе свитки (раскольническіе), повелѣ собору быти всѣхъ архіереевъ своея благочестивыя державы, въ царствующемъ преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ“. Соборъ этотъ состоялся въ февралѣ 1666 г., „на новоявленные раскольники и мятежники святыя православно-каеолическія церкви“. На немъ присутствовали митро-

*) Древ. Россійск. Вивлюе. ч. III, стр. 404.

политы: Питиримъ Новгородскій, Лаврентій Казанскій, Юна Ростовскій, Павелъ Сарскій и Подонскій, Θεодосій митрополитъ „Сербскія земли“; — архіепископы: Симонъ Вологодскій, Филаретъ Смоленскій, Иларіонъ Рязанскій, Іоасафъ Тверской, Арсеній Псковскій. Предъ этимъ соборомъ русскихъ архипастырей въ числѣ другихъ расколоучителей предстали расколоучители и Нижегородскіе: Сергій, Ефремъ Потемкинъ и Авраамій. Въ 8-мъ дѣяніи этого собора говорится, что прежде бывшій раскольникъ и мятежникъ православно-каѳолическія церкви іеромонахъ Сергій, горько возрыдавъ, принесъ покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и твердо рѣшился держаться на будущее время исповѣданія святаго.

Соборъ русскихъ архипастырей, видя искреннее покаяніе Сергія, „дарова ему благодать прощенія и разрѣшенія отъ клятвы“. Насколько покаяніе Сергія, принесенное на соборѣ 1666 г., было искренно, на сколько онъ дѣйствительно созналъ свое заблужденіе предъ отцами собора, на долго ли Сергій былъ вѣренъ своему слову, долго ли оставался онъ православнымъ — неизвѣстно. Извѣстно только то, что Сергій измѣнилъ православію. Получивъ прощеніе на соборѣ, Сергій, вмѣстѣ съ Аврааміемъ, удалился въ Керженскіе лѣса и здѣсь, по всей вѣроятности, опять совратился въ расколъ. Онъ распространялъ здѣсь письма Аввакума, присланныя ему этимъ расколоучителемъ. По просьбѣ взбунтовавшихся стрѣльцовъ, вмѣстѣ съ Саввою Романовымъ, который прежде былъ келейникомъ у архимандрита Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, Никитою Борисовымъ и Иваномъ Курбатовымъ, Сергій участвовалъ въ составленіи челобитной, которая и была читана раскольниками 5-го іюля 1682 г. въ присутствіи царевны Софіи и святѣйшаго патріарха Іоакима. При этомъ собраніи былъ, между прочимъ, и раскольническій попъ Никита Пустосвятъ. Послѣдній, будучи пьянымъ, кричалъ въ присутствіи Высочайшихъ особъ, какъ бѣсоватый: въ при-

сутствіи всѣхъ бросился бить Холмогорскаго архіепископа Аѳанасія, котораго съ трудомъ могли вырвать изъ рукъ иступленнаго изувѣра. Сергій былъ сдержаннѣе Никиты. Извѣстно, чѣмъ кончилось собраніе 5-го іюля: Никита Пустосвятъ, какъ важнѣйшій изъ бунтовщиковъ, былъ схваченъ и казненъ 21-го іюля того же года отсѣченіемъ головы, а инокъ Сергій сосланъ въ ярославскій монастырь въ заточеніе.

Другой извѣстный расколоучитель и распространитель раскола въ предѣлахъ Нижегородскихъ, монахъ Ефремъ Потемкинъ, былъ постриженникъ Бизюковскаго монастыря. Онъ, по словамъ собора 1666 года, „многія христіане, живя въ пустыни въ Нижегородскомъ и Ветлужскомъ уѣздахъ, на Козлецкихъ блатахъ, прельстилъ баше и отъ церкви отлучаше“ *). Онъ, какъ говорили отцы собора, хотя и не былъ отлученъ отъ церкви, но за свои раскольническія мнѣнія подлежалъ, на самомъ дѣлѣ, анаемѣ. Будучи спрошенъ, почему онъ прельщаетъ народъ и заставляеть его уклоняться отъ церкви, почему хулить символъ вѣры и новоисправленныя книги, проповѣдуетъ антихриста, уже пришедшаго, проповѣдуетъ наступленіе седмилѣтняго голода, неправо толкуеть Апостольскія и Евангельскія слова, не принимаетъ трехъ-перстнаго сложенія и благословенія іерейскаго, Ефремъ не зналъ, что отвѣчать на эти вопросы, и тотчасъ же принесъ покаяніе предъ соборомъ.

Принявъ покаяніе, соборъ рѣшилъ простить Ефрема только съ условіемъ, чтобы онъ отправился на прежнее мѣсто своего жительства, въ Нижегородскій край, и обращалъ тамошнихъ раскольниковъ къ православію. Чтобы Ефремъ не отступился отъ своей клятвы предъ соборомъ и вѣрно исполнилъ возложенное на него порученіе, ему назначены были двое спутниковъ „честный старецъ Знаменскаго монастыря Филареть и діаконъ

*) Доп. къ акт. Ист. т. V стр. 452—453.

Василій“. Названные старецъ Филаретъ и діаконъ Василій, а вмѣстѣ съ ними и Ефремъ, готовы уже были отправиться въ путь, какъ въ это самое время, старица Новодѣвичьяго монастыря Марина, мать Ефремова, и другая старица, сестра его, подали собору челобитную, чтобы онъ не посылалъ Ефрема „въ помяненный путь, съ таковымъ прелестей его обличеніемъ, послѣдовательно и самаго себѣ посрамленіемъ и укореніемъ“. Прочитавъ эту челобитную, отцы собора заподозрили искренность обращенія Ефрема и спрашивали его: не по его ли совѣту мать и сестра писали челобитную? Ефремъ письменно отрекся отъ всякаго соучастія съ сестрою и матерью въ подобномъ дѣлѣ. Послѣ этого всѣ трое отправились въ назначенный путь. Ефремъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе и возвратился въ Москву, представивъ собору дневникъ своего пути. Тогда соборъ, по данной ему власти—вязать и рѣшить, принялъ покаяніе Ефрема и включилъ его въ число истинно вѣрующихъ сыновъ Церкви. Ефремъ былъ отосланъ въ монастырь. Всю ли остальную жизнь онъ оставался въ отведенномъ ему монастырѣ—неизвѣстно.

Первоначальная жизнь старца Авраамія, также какъ и Сергія и Потемкина, мало извѣстна. Вѣроятно это былъ тотъ самый Авраамій, о которомъ рассказывалъ св. Димитрій Ростовскій въ своемъ „Розыскѣ“. По словамъ святителя, „Авраамій монахъ содѣла себѣ скитъ на рѣкѣ Керженцѣ“. По обыкновенію всѣхъ расколочителей, онъ являлся великимъ постникомъ, многихъ увлекъ въ расколъ и перекрещивалъ приходящихъ къ нему въ скитъ. Въ скитѣ, вмѣстѣ съ нимъ, жили „изряднѣйшія“ двѣ монахини, Киликія и Матрона, изъ коихъ съ первою онъ жилъ, какъ съ женою, и прижилъ сына, а послѣднюю называлъ своею дочерью. Спустя нѣсколько времени Киликія заболѣла и была при смерти. Авраамій, думая, что она умретъ, постригъ ее въ схиму

и началъ жить съ Матроною, какъ съ женою. Сверхъ его ожиданія Киликія въздоровѣла и захотѣла жить съ Аврааміемъ. Когда же онъ на это не согласился, Киликія подговорила двоихъ человѣкъ, чтобы убить Авраамія. Авраамій отдѣлался отъ подосланныхъ тѣмъ, что получилъ рану въ плечо и бѣжалъ. Черезъ нѣсколько времени этого самаго Авраамія видѣли вмѣстѣ съ Матроною, въ Ярославлѣ. Въ Москвѣ Авраамій познакомился съ Аввакумомъ и сдѣлался его духовнымъ сыномъ. Здѣсь же, вмѣстѣ съ другими послѣдователями раскола, онъ присутствовалъ на соборѣ, на которомъ раскольники „совѣтъ творили о нынѣшнемъ православномъ никоніанскомъ крещеніи, бывающемъ по новопечатнымъ книгамъ, и присудиша, что никоніанское нынѣшнее крещеніе за крещеніе не вмѣняти“. За это, между прочимъ, жалобы Царю на Никона, онъ и позванъ былъ на соборъ 1666 года. На соборѣ Авраамій, хотя и раскаялся, но, вѣроятно, не на долго. Спустя немного времени послѣ собора, онъ, вмѣстѣ съ Сергіемъ, является въ лѣсахъ Керженскихъ. Извѣстно также, что онъ послѣ собора, писалъ къ Аввакуму „грамотку, и въ той грамоткѣ своей зѣло его хвалилъ и о великихъ дѣлахъ вопрошалъ его“. За это вопрошеніе онъ опять былъ взятъ и „ко архіереямъ посланъ, къ Павлу Крутицкому митрополиту и прочимъ“. Это было въ 1670 году. Такъ какъ онъ не внималъ гласу увѣщанія и доказывалъ, что въ церкви поселился антихристъ, то и былъ посаженъ въ темницу и затѣмъ былъ казненъ въ Москвѣ.

Такимъ образомъ Нижегородская область во времена патріарха Никона имѣла уже у себя такихъ сильныхъ представителей раскола, какъ Сергій, Ефремъ, Потемкинъ и Авраамій. Но помимо ихъ были въ Нижегородскихъ предѣлахъ и другіе расколоучители, начавшіе, впрочемъ, свою дѣятельность нѣсколько позднѣе. Таковы, напримѣръ: монахъ Арсеній, Софонтій и Онуф-

рій—устроители скитовъ. Благодаря, отчасти, дѣятельности этихъ расколоучителей и ихъ послѣдователей, расколъ весьма быстро распространился по всей тогдашней Нижегородской области. Къ концу XVII и началу XVIII стол. Нижегородская область имѣла у себя и безпоповцевъ и поповцевъ, со всѣми происшедшими отъ нихъ толками. На луговой сторонѣ Волги существовали согласія: Софонтиевщина, Онуфріевщина, Теодоровщина, Діаконовщина. На правой сторонѣ Волги, въ Княгининѣ и Мурашкинѣ секта морельщиковъ или саможигателей. Была также въ Нижегородскомъ Заволжьѣ и нѣтовщина.

Въ чемъ же состояла причина такого сильнаго распространения раскола?

Причина быстрого распространения раскола заключалась, съ одной стороны, въ первыхъ расколоучителяхъ, въ ихъ фанатизмѣ, въ ихъ дѣйствіяхъ и тѣхъ способахъ, какіе они употребляли для совлеченія простаго народа въ расколъ. Насколько энергичны были люди, проповѣдывавшіе расколъ—это можно видѣть изъ оставшихся доселѣ раскольническихъ сочиненій. Если посмотрѣть внимательнѣе на сочиненія, напримѣръ, протопопа Аввакума, то можно ясно увидѣть, каково должно было быть вліяніе этого человѣка на народъ. Его бьютъ, гонятъ,—онъ выдаетъ себя за мученика и ни на шагъ не отступаетъ отъ своихъ убѣжденій. Онъ шлетъ всюду свои посланія, убѣждая всѣхъ постоять за правую вѣру, постоять даже до смерти! Гоненія только ожесточаютъ его, придаютъ ему силу и значеніе въ глазахъ народа, и потому онъ посылаетъ свои посланія, какъ власть имѣющій, какъ апостоль. Таковы же нижегородскіе раскольники Авраамій и Сергій. Авраамій, только что кончился соборъ, на которомъ онъ принесъ покаяніе, опять принимается за старое дѣло. Онъ посылаетъ посланіе Аввакуму и нѣкому Боголюбцу, въ которомъ онъ называетъ себя страдаль-

цемъ за вѣру и тѣмъ самымъ возбуждаетъ въ народѣ любовь и состраданіе къ себѣ и ненависть къ судившимъ его архіереямъ. Клятва, данная имъ на соборѣ, кощунственно не исполняется. То же самое и Сергій. Удалившись, послѣ собора, въ лѣса Керженскіе, онъ распространяетъ письма Аввакума; явившись въ Москву, онъ обѣщаетъ стрѣльцамъ „душу свою предать за древле церковное благочестіе“. Понятно, какъ обаятельно должны были дѣйствовать подобные люди! Фанатически преданные своему дѣлу, расколоучители употребили всѣ мѣры, чтобы привлечь на свою сторону народъ, и народъ дѣйствительно слушалъ и стекался къ нимъ. Поселялся какой-нибудь пустынный въ глухомъ дремучемъ лѣсу,—около него собиралось сначала нѣсколько человѣкъ, и эти немногіе быстро разносили молву о славныхъ подвигахъ старца. И старецъ этотъ, дѣйствительно, заслуживалъ свою славу, потому что онъ, при другихъ, отличался въ высшей степени благочестивою жизнію; соблюдалъ строгій постъ, даже въ великій день Пасхи не разрѣшалъ на сыръ и яйца, а вмѣсто яицъ употреблялъ луковицы, исправлялъ церковную службу истово, большую часть дня и ночи проводилъ на молитвѣ,—словомъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы привлечь на свою сторону народъ. И дѣйствительно, малое число отшельниковъ, собравшееся сначала около пустыннаго старца, возрастало съ изумительною быстротою.

Но какъ бы ни были энергичны первые расколоучители, какія уловки они ни предпринимали бы для привлеченія народа въ расколъ, расколъ все-таки не могъ развиваться и распространиться съ такою быстротою, если бы этому не способствовали другія причины, внѣ раскола, заключавшіяся въ общественномъ строѣ тогдашней жизни, въ обстоятельствахъ того времени. Время появленія раскола по справедливости можно назвать временемъ неурядицы, какъ въ дѣлахъ церковныхъ,

такъ равно и въ дѣлахъ гражданскихъ. Какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ того времени было много данныхъ для усиленія и распространенія раскола.

Неустройства въ церковномъ отношеніи во время появленія раскола состояли въ недостаткѣ церковно-правительственнаго надзора, недостаткѣ просвѣщенныхъ пастырей, крайней бѣдности духовенства и иногда несвойственной сану жизни нѣкоторыхъ изъ духовныхъ и стѣсненномъ общественномъ положеніи низшаго духовенства. Никонъ, какъ умный и дѣятельный патріархъ, видѣлъ эти недостатки и старался ихъ искоренять. Но бояре—враги Никона, неумѣстнымъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковнаго управленія, парализовали дѣятельность Никона. Происки бояръ были причиною самаго удаленія Никона отъ дѣлъ церковнаго управленія, а потомъ и низложенія его. Никонъ удалился и былъ низложенъ въ такое время, когда дѣятельность его, какъ человѣка умнаго и энергичнаго, была весьма необходима для противодѣйствія расколу. Никонъ за всѣмъ смотрѣлъ самъ, во все вступался,—и не было ни одной отрасли церковнаго управленія, гдѣ бы не бодрствовало его бдительное око. Съ удаленіемъ его ослабѣлъ и надзоръ за дѣлами церковнаго управленія. Недостатокъ этого церковно-правительственнаго надзора и былъ одною изъ причинъ быстрого распространенія раскола. Царь Алексѣй Михайловичъ этому именно недостатку приписываетъ распространеніе раскола. „Врагъ завистный, говоритъ онъ отцамъ собора 1666 года, спящимъ намъ, имъ же Богомъ вручися стражъ ея (церкви), всѣя куколь душевредный“ *). Отцы собора 1666—1667 г. находили, что причина раскола заключается отчасти въ томъ, что въ Русской церкви весьма рѣдко составляются соборы для разсматриванія дѣлъ церковнаго управленія. Нижегородская область до 1672 года

*) Доп. къ акс. вст., т. V, стр. 445.

не имѣла своего собственнаго архипастыря и по дѣламъ церковнаго управленія относилась къ обширной патріаршей области, что, конечно, не могло не имѣть вреднаго вліянія на ходъ церковнаго управленія. Расколъ, разумѣется, не могъ не пользоваться этимъ и глубоко пускалъ свои корни.

Умственное, нравственное и матеріальное положеніе низшаго духовенства при первоначальномъ возникновеніи раскола было печальное. Съ начала XVI и до второй половины XVII столѣтія въ Россіи не было училищъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ; не было, слѣдовательно, и мѣстъ, гдѣ бы могли образоваться пастыри, способные противостоятъ расколу. Поэтому въ духовное званіе поступали люди, едва умѣвшіе читать и писать. Что же могли дѣлать люди, получившіе подобное воспитаніе? Да и образованіе-то это получалось большею частью по старопечатнымъ книгамъ, потому что эти книги успѣли въ то время значительно распространиться. Поэтому понятно, почему священники не только не могли успѣшно противодѣйствовать расколу, но и сами иногда уклонялись въ расколъ. Недостатокъ или неимѣніе училищъ были причиною того, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ ставились въ попы люди изъ рабовъ и холопей, потому собственно, что не хотѣли быть въ холопахъ. „Умножися бѣглыхъ изъ рабства, изъ крестьянства, ставятся въ попы и діаконы не священства ради, не духовнаго ради спасенія, но не хотя въ рабѣхъ, и крестьяне въ крестьянствѣ быть“ *). Таковые священники, которые ставились „не священства ради“, разумѣется, не могли быть истинными пастырями для народа и исправляли свои обязанности кое-какъ или вовсе не исправляли. Посошковъ такъ говоритъ о священникахъ своего времени: „Отъ пресвитерскаго небреженія уже много на-

*) Доп. къ акт. ист., т. V, стр. 490.

шего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонились; большая бо часть уклонилась въ погибельный путь. А сія вся гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ лютеранъ или отъ латинянъ ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола, не знаютъ чѣмъ оправити себя и ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить“ *).

Если, съ одной стороны, недостатокъ образованія вредилъ дѣлу священническаго служенія, то съ другой стороны недостатокъ матеріальныхъ средствъ и стѣсненное положеніе въ обществѣ не позволяли духовенству неуклонно исполнять свои обязанности. Духовенство XVII и XVIII столѣтій было крайне необезпечено. Въ матеріальныхъ средствахъ оно ни чѣмъ не отличалось отъ податныхъ сословій. Простые крестьяне едва были не обезпеченнѣе духовенства. Тотъ же самый Посошковъ пишетъ о священникахъ своего времени, что „жалованья Государева имъ нѣтъ, отъ міра никакого подаванія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться—Богъ вѣсть: ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны: мужикъ за соху—и попъ за соху, мужикъ за косу—и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остаются въ сторонѣ“ **).

Нѣтъ сомнѣнія, что описанное нами состояніе духовенства было одною изъ причинъ распространенія раскола.

Само гражданское состояніе Россіи во времена появленія раскола заключало въ себѣ много данныхъ для большаго его усиленія и распространенія. Въ то время, когда патріархъ Никонъ сталъ исправлять погрѣшности древнихъ рукописныхъ книгъ, сталъ искоренять злоупотребленія, вкравшіяся въ духовенство, началъ борьбу съ тѣмъ, что противорѣчило церковнымъ уставамъ,—

*) Посошк. Оскуд. и бог., стр. 4—10.

***) О скуд. и богат., гл. I.

въ это время и въ государствѣ происходила борьба стараго порядка съ новымъ, отживавшихъ формъ жизни съ началами новыми. „Собирание“ московскаго государства, начатое предшественниками Алексѣя Михайловича, въ его царствованіе приводилось къ концу. Централизирующая сила московскаго государства въ XVII вѣкѣ является болѣе дѣятельною, чѣмъ когда либо. Она стремится соединить разрозненные элементы русскаго общества, дать всему одинаковую форму, стремится провести въ жизнь одинаковый для всѣхъ законъ, какъ начало объединяющее и служащее къ сохраненію общественнаго порядка. Правительство запрещаетъ крестьянамъ переходъ отъ одного помѣщика къ другому, уничтожаетъ жалованныя грамоты и привилегіи частныхъ лицъ.

Является Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое стремится утвердить новыя формы жизни, дать освященіе новому порядку.

Затѣмъ открывается цѣлый рядъ законоположеній Петра Великаго, клонящихся къ тому, чтобы поставить Россію въ ряду другихъ европейскихъ державъ. Особенно была тягостна народу поголовная перепись, объявленная Петромъ. По мнѣнію раскольниковъ, записаться въ ревизію, значило записаться въ число слугъ антихриста. Не привыкши къ строгому, законному порядку, народъ ропталъ, не хотѣлъ подчиняться требованіямъ власти и нерѣдко оказывалъ сопротивленіе этой власти. Недовольные новыми порядками въ гражданскомъ управленіи примкнули къ партіи недовольныхъ церковными реформами. Такимъ образомъ расколъ, первоначально только какъ реакція противъ Никоновыхъ новинъ, явился теперь началомъ противогосударственнымъ; въ немъ выразилось сопротивленіе нововведеніямъ въ государственномъ управленіи. Начало демократическое получило религиозное освященіе въ расколѣ. Раскольники, называвшіе прежде царя Алексѣя Михайловича благочести-

вѣйшимъ, тишайшимъ, самодержавнѣйшимъ, хранителемъ отеческихъ преданій, теперь называли его врагомъ Божиимъ, а Петра Великаго антихристомъ. Утвердившись въ такой мысли, раскольники уже не считали нужнымъ повиноваться этой власти и составили изъ себя противогосударственную, религіозно-демократическую партію, или лучше общину, въ которую принимался всякій, кто былъ недоволенъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. А такихъ недовольныхъ было много. Были недовольны крестьяне за то, что имъ запретили шататься съ мѣста на мѣсто; были недовольны холопы за дурное обращеніе съ ними помѣщиковъ; было недовольно вообще все податное сословіе за излишніе поборы и частые правежи.

Предпринятая русскимъ законодательствомъ на первыхъ порахъ строгія мѣры для искорененія раскола не могли истребить широко распространившееся зло. Расколъ, не смотря на преслѣдованіе, усиливался все болѣе и болѣе. Законодательныя мѣры противъ раскола только укрѣпляли расколъ, связывали плотнѣе разъединенныя раскольническія общины. Народъ смотрѣлъ на гонимыхъ раскольниковъ какъ на мучениковъ за вѣру. Не смѣя открыто проповѣдывать и держаться „древлецерковнаго благочестія“, раскольники удалялись въ пустыни и лѣса, а если посланные властію находили ихъ и тамъ, то они сожигались. Эти самопроизвольные мученики, эти самоубійцы, почитались не иначе, какъ святыми. „Изволь самосозженія блаженъ о Господѣ и достойны благоговѣйнаго поклоненія самоубійцы ради ненависти къ никоніанству“, говорили расколоучители. Кому-же не хочется быть святымъ? И вотъ мѣсто этихъ самосожженныхъ мучениковъ заступали новыя толпы; ряды раскольниковъ не убывали, а напротивъ возрастали въ своемъ числѣ. Раскольниками наполнялись мѣста, наиболѣе недоступныя: они селились въ пустыняхъ, горахъ и лѣсахъ, и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они наиболѣе считали себя безопасными отъ преслѣдовав-

шей ихъ власти. Этими мѣстами по преимуществу и были лѣса Чернораменскіе и Керженскіе, въ Нижегородской губерніи.

20961

Въ нихъ и особенно въ Чернораменьѣ, были такія мѣста, въ которыя незнающій человѣкъ не могъ ни коимъ образомъ проникнуть. Раскольники знали эти мѣста, знали какъ и пройти въ нихъ и потому селились здѣсь безпрепятственно. Число ихъ все болѣе и болѣе умножалось, потому что сюда бѣжали изъ всѣхъ тѣхъ мѣсть, гдѣ только являлась власть, преслѣдовавшая раскольниковъ. Наплыву раскольниковъ въ Нижегородскіе предѣлы способствовало еще и то, что здѣсь существовала извѣстная Макарьевская ярмарка. На эту ярмарку стекалось множество народа изъ разныхъ мѣсть Россіи. Расколоучители, разумѣется, не могли не пользоваться стеченіемъ сюда народа, прибывали сюда изъ разныхъ мѣсть съ проповѣдію о расколѣ и, при содѣйствіи туземныхъ нижегородскихъ расколоучителей, разсѣвали здѣсь сѣмена раскола. Особенно дѣятельны были расколоучители въ первыя времена раскола; они ходили вездѣ, посѣщали преимущественно тѣ мѣста, которыя были многолюдны и представляли наибольшую жатву для раскола. Такимъ образомъ Нижегородская область сдѣлалась преимущественно сборищемъ раскольниковъ, такъ сказать, гнѣздомъ раскола, и не только сама была наполнена раскольниками, но и высылала своихъ расколоучителей въ другія мѣста. По отношенію къ южнымъ губерніямъ, лежащимъ отъ Нижняго внизъ по теченію Волги, Нижегородская область по справедливости можетъ назваться разсадникомъ раскола. На купеческія суда, ходившія изъ Нижняго внизъ по Волгѣ, нанимались люди всякаго рода, были между ними и расколоучители, которые и распространяли расколъ по низовымъ губерніямъ. Въ 1736 году мы видимъ Нижегородскихъ раскольниковъ даже на Уралѣ, на заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ. Дѣятельность Ниже-

СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

ос. Исторический Музей

Original from UNIVERSITY OF CALIFORNIA

городскихъ раскольниковъ въ дѣлѣ распространенія раскола по другимъ губерніямъ была до того успѣшна и опасна, что правительство сочло нужнымъ запретить Нижегородскимъ раскольникамъ выѣздъ въ другія губерніи. „Раскольникамъ, обрѣтающимся въ Нижегородской губерніи (въ чернораменскихъ лѣсахъ) въ скитахъ, печатныхъ паспортовъ давать не надлежитъ, ибо оныя, имѣя тѣ паспорта и произходя въ другихъ губерніяхъ и провинціяхъ, правовѣрныхъ будутъ прельщать и отвѣры христіанской къ своему суемудрію отвращать или съ тѣми паспортами уходить за рубежъ“ *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ожиданіе керженскими раскольниками антихриста въ XVII и началѣ XVIII вѣковъ.—Внутренній строй жизни раскольниковъ—безпопцевъ въ Керженскихъ лѣсахъ.

Исторически извѣстно, что въ первое время послѣ большого Московскаго собора 1666—1667 гг., положившаго проклятіе на всѣхъ непокорныхъ Православной церкви,—между раскольниками распространено было всеобщее, глубокое убѣжденіе въ скорой кончинѣ міра и пришествіи антихриста.

И можно сказать, что нигдѣ такъ сильно и глубоко не вкоренилось это мнѣніе, и нигдѣ такъ горячо не проповѣдывалось оно, какъ между Керженскими раскольниками. Какой-либо грамотный, собирая вокругъ себя народъ, раскрываетъ святопочитаемую „книгу о вѣрѣ“ **), и возгасивъ: „внемлите, православные“, такъ читалъ и толковалъ: „По тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова бысть развязанъ сатана, и Римъ отпаде, со всѣми западными церквами, отъ Восточныя Церкви. Въ 595 лѣто по тысящи жители въ Малой Руссіи къ

*) П. С. З. т. VIII. № 6134.

**) «Книга о вѣрѣ», — у раскольниковъ пользуется большимъ уваженіемъ и теперь. Неизвѣстнаго составителя ея раскольники ве-

римскому костелу приступили и на всей воли Римскаго папы заручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкви. Егда-же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто-бы отъ прежде бывшихъ винъ зла нѣкаковаго не пострадати и намъ“. 1666 годъ уже прошель, толковали учителя-грамотѣи, — значить, антихристь уже есть, и его царство уже началось. Такую проповѣдь слушали всѣ съ жадностію и невольно убѣждались словами грамотѣя,—тѣмъ болѣе, что онъ при этомъ указывалъ и на видныя знаменія, яко-бы свидѣтельствующія объ истинѣ его словъ. Страшная моровая язва 1656 года, погубившая множество народа, опустошившая города, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ умертвившая всѣхъ поголовно, такъ что и хоронить было некому, — голодъ, непомерная дороговизна и наконецъ знаменія неба: столпы кровавыя, явленіе звѣзды съ „метлой“,—все это въ устахъ грамотѣя-раскольника, получало видъ кары Божіей за слѣдованіе Никоновымъ новшествамъ и служило признакомъ наступленія царства антихриста. „Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Божія, излія-бо Вышній фіаль ярости своея грѣхъ ради нашихъ, вопіяли раскольники. А за то Всеблагій Творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы—волка Никона“. „То Божіе наказаніе, прибавляли они, что многіе христіане, послѣдуя за Божіимъ врагомъ (Никономъ), отринули святоотеческіе завѣты и преданія“.

По указанію Тайнозрителя св. Іоанна Богослова—въ Апокалипсисѣ—власть антихриста продолжится два съ

личаютъ «ревностнымъ оборонителемъ Восточныя церкви преданія и содержанія, западныхъ новинъ и слабостей изряднымъ обличителемъ, святыхъ писаній читателемъ и вѣдателемъ многопремудрымъ». (Пом. отв. 106).—Но недостатки въ знаніи сочинителемъ исторіи и хронологіи, неточности—и иногда заблужденія—въ изложеніи и раскрытіи догматическихъ истинъ рѣшительно говорятъ противъ этого отъзва.

*

половиною года. Значить, въ 1669 году непременно будетъ кончина міра, заключали свою рѣчь о наступленіи царства антихристова раскольники-грамотѣи. И вотъ, по Поволжью, начали бѣжать люди толпами, собираться вмѣстѣ,—начали молиться, приносить другъ другу покаяніе въ грѣхахъ, причащаться старинными дарами,—и, простившись съ ближними, начинали ждать въ страхъ и трепетъ кончины міра. Одни надѣвали черныя монастырскія рясы, другіе отказывались отъ пищи и добровольно умирали голодною смертію—„запощева-лись“—иные-же умирали, насильно запертые въ морильняхъ отъ учителей своихъ. Иные-же, запершись въ какую-либо избу или овинъ, сожигались. Такъ „въ закудемскомъ лѣсу, во многихъ селахъ и деревняхъ крестьяне... по наученію отъ раскольниковъ отъ церкви Божіей развратились (уклонились), и многія прельстишася съ женами и дѣтьми на овинахъ пожигались“ *). Такой-же случай рассказываетъ и преосвященный Игнатій Тобольскій. Въ Нижегородской губерніи, повѣствуетъ онъ, въ двухъ дворцовыхъ селахъ: Княгининѣ и Мурашкинѣ раскольники условились предать себя на сожженіе. Въ назначенный день всѣ они собираются въ одно гумно, и, связавъ себя веревками человѣка по два и по три вмѣстѣ, входятъ, какъ выражается Игнатій, „въ храмину хлѣбнаго просушительства, сирѣчь въ овинъ“, и, взобравшись на колосники, посылаютъ двухъ человѣкъ зажечь овинъ. Овинъ зажженъ, и—всѣ погибаютъ въ пламени, кромѣ посланныхъ, которыхъ страхъ не допустилъ вскочить въ горѣвшій уже овинъ.

Изстари было вѣрованіе, что кончина міра послѣдуетъ ночью—въ самую полночь или съ субботы на воскресенье на масляной, или въ ночь на Троицынъ

*) «Нижегор. лѣтописецъ», см. у архим. Макарія въ Ист. Нижегородской іерархіи, стр. 6.

день. Эти ночи въ 1669 году Нижегородскіе раскольники проводили безъ сна въ лѣсахъ и оврагахъ. Надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложились они на это время въ ранѣе приготовленные долбленные гробы и, лежа въ нихъ, пѣли заунывнымъ, протяжнымъ, жалобнымъ напѣвомъ:

«Древянь гробъ сосновый,
«Ради мене строень.
«Въ немъ буду лежати,
«Трубна гласа ждати.
«Ангелы вострубятъ,
«Изъ гробовъ возбудятъ.
«Я хотя грѣшенъ,
«Пойду къ Богу на судъ.
«Къ судѣ двѣ дороги,
«Широкія, долги;
«Одна-то дорога—
«Во Царство небесно—
«Другая дорога—
«Во тьму кромѣшну».

Другіе въ это время сами себя отпѣвали, ежеминутно ожидая кончины міра. И въ это время не только излишнимъ, но даже богоборнымъ дѣломъ считали занятія по хозяйству, или заботы о земномъ. Еще съ осени 1668 г. забросили раскольники свои поля, не пахали, не засѣвали, а въ 1669 г. бросили и дома. Голодная скотина, брошенная безъ пастуховъ, жалобнымъ мычаніемъ вторила заунывному пѣнію лежавшихъ въ гробахъ хозяевъ. Ясочная мордва и бортники, а вмѣстѣ съ ними и русскіе люди, не подвергшіеся вліянію нравственной эпидеміи, забирали безпрепятственно безпризорный скотъ и расхищали дочиста покинутыя деревни.

Но вотъ миновалъ роковой годъ, а міръ стоитъ по прежнему. Казалось бы, обольщенія болѣе не будетъ: потому что ложь увѣреній расколоучителей явилась во всей ея наготѣ. Нѣтъ. Мысль объ антихристѣ не оставляетъ раскольниковъ и послѣ сего. Является на Рус-

скомъ престолѣ Великій Петръ, который не только вопреки раскольникамъ крестится тремя перстами, почитаетъ четвероконечный крестъ, но и вводитъ еще новые порядки: повелѣваетъ, напр., носить нѣмецкій кафтанъ, и брить бороду—по мнѣнію раскольниковъ образъ и подобіе Божіе,—измѣнилъ празднованіе новаго года, повелѣвъ, считать его не съ 1-го сентября, какъ было прежде, а съ 1-го генваря, — назвался Императоромъ вмѣсто имени Царя и пр. т. п. Наставники раскольническіе воспользовались общимъ нерасположеніемъ ревнителѣй раскола къ преобразователю Россіи, и начали утверждать, что антихристъ возсѣдаетъ на Русскомъ престолѣ въ лицѣ Петра. Какъ ни странно, дерзкою и невѣроятною должна была казаться такая мысль послѣ прежнихъ внушеній со стороны фанатиковъ,—раскольники однакожь приняли ее, потому что она соотвѣтствовала ихъ нерасположенности къ царю преобразователю. И опять можно сказать, что нигдѣ раскольники такъ горячо не схватились за пущенную расколоучителями мысль о Петрѣ-Антихристѣ, какъ раскольники, жившіе въ Нижегородскихъ предѣлахъ. Здѣсь раскольники-начетчики дѣлали выписки, писали и сочиняли рассказы о Петрѣ, какъ антихристѣ. И вотъ, какія, между прочимъ, здѣсь выдумывались и распространялись извѣстія. Говоритъ одинъ Керженскій скитникъ Никита Никифоровъ предъ собравшимися раскольниками: „Нынче былъ у насъ съ „Починокъ“ человекъ, былъ въ Петербургѣ, сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ де онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ человекъ съ двѣсти, и поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Эко стало нынѣ христіанамъ ругательство! Да что? полно говорить: страшно!“ *) А другой раскольникъ тутъ же говоритъ, что „онъ слышалъ, что онъ, Петръ, у образа Гос-

*) Есапова «Раск. дѣла XVIII ст.» въ статьѣ: «Левнутинъ» 1, 565.

пода Саваоа отъ вѣнца отнялъ два рога да и подложилъ коню подъ чрево“. И не между собой только говорили это раскольники; нѣтъ,—они старались сдѣлать все это гласнымъ чрезъ проповѣдь *). Расколоучители ходили по разнымъ мѣстамъ, собирали около себя кружокъ народа, и, держа въ рукахъ книги и тетрадки и указывая на нихъ, какъ на книги божественныя, проповѣдывали о Петрѣ, какъ антихристѣ;—и народъ внимательно слушалъ это и принималъ къ сердцу. Такъ одинъ Керженскій расколоучитель говорилъ между прочимъ собравшемуся народу: „Вотъ книги: „Кирилла Иерусалимскаго“, „Апокалипсисъ“, „Маргареть“, я плюся на божественное писаніе. Слушайте! Нынче уже въ мірѣ антихристъ есть, и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, христіанамъ, а которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ, и намъ тѣхъ поминать не надо и не долѣтъ: для того, что Никонъ Патріархъ нарушилъ вѣру христіанскую и нынче святости никто не обрѣтаетъ“... Эту рѣчь держалъ нѣкто Кузьма Андреевъ, расколоучитель и начетчикъ беспоповцевъ Керженскихъ.—И запуганное воображеніе раскольника, послушавшаго такую рѣчь, представляло столь страшную картину, что мысль объ антихристѣ становилась для него какъ бы тѣнью, всюду преслѣдующею его, отъ которой нигдѣ онъ не могъ и укрыться; — „страшно! говорилъ одинъ Керженскій раскольникъ, называемъ его антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу?“...

Подобное нелѣпое ученіе о пришествіи и воцареніи антихриста составляло одно изъ основныхъ догматическихъ заблужденій по преимуществу раскольниковъ беспоповцевъ, поселившихся въ керженскихъ лѣсахъ въ самое первое время возникновенія раскола здѣсь. Учителемъ ихъ „вельми премудрымъ человекомъ,—научившимъ по старому (по раскольнически) и молитву тво-

*) Тамъ-же.

рить, и креститься, въ началѣ XVIII столѣтія былъ только что упомянутый нами Кузьма Андреевъ, пришедшій въ керженскіе лѣса изъ Москвы. По его признанію, онъ пришелъ сюда потому, что стало въ Москвѣ вѣрѣ перемѣненіе, началась святая служба неправильно, по новоизданнымъ книгамъ; литургію стали служить на пяти просфорахъ, а по требнику старой печати, при державѣ блаженныя памяти великаго Государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи и при святѣйшихъ патріархахъ при Іосифѣ и Іоасафѣ, служили Литургію на семи просфорахъ; и въ томъ стала убавка; въ иныхъ стала прибавка... и онъ, Кузьма съ братьями, усмотря перемѣненіе вѣрѣ, для того въ Керженскій лѣсъ и сошли“. Около него вскорѣ собралось не малое число сторонниковъ его заблужденій.

Раскольники-безпоповцы въ лѣсахъ керженскихъ жили разрозненно въ кельяхъ, — и жили они „монашескимъ уставомъ“: мужчины особо и женщины особо. Каждый приходящій строилъ себѣ келью, гдѣ и какъ хотѣлъ. Пропитаніе каждый доставлялъ себѣ какимъ либо рукодѣльемъ: иной дѣлалъ лапти, и продавалъ ихъ въ Васильевскомъ починкѣ, иногда-же въ селѣ Пафнутьевѣ; иной дѣлалъ кадучки и деревянную посуду; иной-же шилъ или починивалъ платье для раскольниковъ. Молитвенное собраніе обыкновенно происходило у нихъ въ простой избѣ. Это, по большей части, была большая сосновая изба съ тремя окнами, стоявшая гдѣ либо на полянѣ, обнесенная заборомъ и имѣющая навѣсы внутри двора. Избы эти были съ подклѣткою; входъ былъ со двора, а крыльцо имѣло лѣстницу темную. Три окна всѣ выходили на дворъ, — на поляну-же одно маленькое. Изба дѣлилась обыкновенно на двѣ половины или большія комнаты; въ одной была молельня, въ другой жилая свѣтлица. Въ молельнѣ кругомъ избы вдоль бревенчатыхъ стѣнъ висѣли старинные образа, большіе и малые, всѣ писанные на деревѣ. Въ переднемъ углу,

въ иконостасѣ, помѣщались и стояли образа Преображенія Господня, Печерскія Богородицы, Воскресенія Господня, Казанскія Богородицы, Николая Чудотворца въ окладахъ серебряныхъ или мѣдныхъ съ вѣнцами.

Предъ нѣкоторыми иконами висѣли лампы,—предъ другими ставились обыкновенно во время службы восковые желтыя свѣчи. Предъ образами въ переднемъ углу стоялъ аналой и на немъ полагалось Евангеліе, обыкновенно въ мѣдной оправѣ. Вдоль стѣнъ стояли лавки, на которыхъ разбросаны были рукописныя тетрадки и книги различнаго формата въ деревянныхъ или кожаныхъ переплетахъ. Между книгами здѣсь можно было встрѣтить—Соборникъ, Служебникъ, Кануникъ, книгу „Ефремъ“, псалтири учебныя, часословы, буквари печатные и др.; между рукописными—Кануникъ, книгу Кирилла Іерусалимскаго, Апокалипсисъ, Маргаретъ *).

Въ свое общество керженскіе раскольники-безповцы принимали православныхъ, крестившихся послѣ Никона якобы еретическимъ, антихристовымъ крещеніемъ, чрезъ перекрещиваніе. Этотъ чинъ состоялъ въ слѣдующемъ: начетчикъ или уставщикъ раскольническій прежде всего на всякаго обращающагося къ нимъ налагаетъ сорокадневный постъ съ обязательствомъ бывать каждодневно у всѣхъ службъ и класть 300 земныхъ и 700 поясныхъ поклоновъ. По истеченіи означеннаго срока — беретъ уставщикъ обращающагося въ часовню или молитвенный домъ, дѣдаетъ по положенному въ требникѣ чину отрицаніе отъ сатаны и отъ ересей, читаетъ молитвы, и прокликаетъ еретиковъ поименно, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. За симъ новокрещаемый раздѣвается до нага, своими руками снимаетъ съ себя крестъ, означая этимъ произвольное отреченіе

*) Всѣ эти книги и доселѣ пользуются уваженіемъ у старообрядцевъ.

отъ Св. Крещенія, совершеннаго надъ нимъ въ православной церкви, перемѣняетъ имя, и погружается трижды въ воду при произнесеніи уставщикомъ словъ: „крещается рабъ Божій, имя рекъ, во имя Отца, аминь; Сына, аминь; и Св. Духа, аминь“! Этимъ и заключается все: муропомазанія не бываетъ. Такъ поступали они и съ приходящими къ нимъ священниками, монахами и по совершеніи крещенія смотрѣли на нихъ, какъ на обыкновенныхъ людей. Кромѣ того, новообращающемуся раскольническіе наставники вмѣняли въ обязанность слѣдующія правила подъ клятвою исполненія ихъ во всю жизнь:

1) Съ еретики ни въ чемъ и ни подъ какимъ видомъ не сообщаться ни въ молитвѣ, ни въ пищѣ, ни въ питіи.

2) О своей вѣрѣ съ Никоніанами не спорить, подъ запрещеніемъ тяжкаго наказанія эпитиміи.

3) Страдальцевъ (раскольниковъ) защищать вездѣ и во всякое время.

4) Внѣшнихъ, т. е. Никоніанъ, ни въ чемъ не хвалить, и ни о чемъ, хотя-бы справедливымъ и честномъ, съ ними не разсуждать.

5) Иконъ новыхъ, кромѣ своихъ мастеровъ, ни откуда не принимать и не поклоняться имъ кромѣ древнихъ.

6) Пищу для себя самихъ въ домѣхъ готовить, а покупаемое на потребу поклонами очищать.

7) Седмь поклоновъ (по ихъ „начало“) всегда и во всякомъ мѣстѣ у своихъ полагать.

8) Всѣхъ людей, кои не ихъ согласія, за еретиковъ вмѣнять, и ни въ чемъ никого не одобрять.

9) Въ торговую, или общественную баню отнюдь не ходить, а изъ своей вышедъ, полагать сто поклоновъ.

10) Всякую покупаемую на торгу вещь молитвами и поклонами освящать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поповщинскіе скиты въ Нижегородскомъ краѣ: Смольяны, Шарпанскій и Софонтіевскій. Ихъ замѣчательные дѣятели.

Большую организацію и внѣшнее благоустройство представляла въ Нижегородскихъ предѣлахъ поповщина. Раскольники—поповцы жили здѣсь попреимуществу въ скитахъ, устраиваемыхъ обыкновенно въ глухихъ лѣсахъ Заволжья и въ потаенныхъ мѣстахъ. Скиты эти въ первоначальной исторіи поволжскаго раскола имѣли громадное значеніе.

Однимъ изъ первыхъ скитовъ, возникшихъ въ Керженскихъ и Чернораменскихъ лѣсахъ, былъ скитъ Смольяны. Онъ основанъ былъ первыми расколоучителями нижегородскими около 1656 г. именно—игуменомъ Бизюковскаго монастыря Сергіемъ Салтыковымъ, происшедшимъ изъ боярскаго рода, монахомъ Ефремомъ Потемкинымъ—постриженникомъ того же монастыря, и другими Смольянами, пришедшими изъ Бизюкова монастыря на Керженецъ. Мѣсто, гдѣ основанъ былъ скитъ, находится недалеко отъ деревни Ларионова, что близъ города Семенова. Г. Мельниковъ, бывший и свидѣтельствовавшій мѣстность, гдѣ находился скитъ Смольяны, такъ описываетъ ее: „За шарпанскимъ скитомъ *), уничтоженнымъ въ 1853 году, въ густомъ лѣсу, по болоту есть тропинка. На ней мѣстами уцѣлѣли полусгнившія сосновыя и еловыя кладки. Коннаго вѣзду, кажется, тутъ никогда и не бывало. Тропинка приводитъ пѣшехода до признаковъ стараго скита, уже поросшихъ матерымъ лѣсомъ. Замѣтны погребныя ямы, слѣды огородныхъ грядъ и кладбища. На кладбищѣ двѣнадцать могилъ, на могилахъ двѣнадцать камней. Тутъ похоронены Діонисій Шуйскій, бывший некогда главою поповщины, и другіе одиннадцать поповъ. Урочище это называется

*) Объ этомъ скитѣ рѣчь будетъ.

Смольяны или Смольяны. Преданіе говоритъ, что тутъ былъ большой скитъ, разоренный еще прежде Питирима, въ которомъ жили царскіе бояре, не захотѣвшіе принять исправленныхъ Никономъ книгъ. Это „Старый Керженецъ“— первый раскольническій скитъ, основанный еще въ 1656 году“. Такимъ образомъ, по преданію, первый изъ всѣхъ скитъ Смольяны былъ населенъ боярами. Вѣроятность такого преданія видна не только изъ того, что самые основатели сего скита были люди изъ знатной фамиліи, — но изъ того, что дѣйствительно извѣстно, что многіе изъ бояръ московскихъ и въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и въ царствованіе Петра Перваго по различнымъ побужденіямъ бѣжали къ раскольникамъ и скрывались въ нижегородскихъ скитахъ.

Что особенно возвысило скитъ Смольяны, сдѣлало его во второй половинѣ XVII столѣтія центромъ поповщины на Керженцѣ и Чернораменья, — это присутствіе здѣсь попа Діонисія Шуйскаго, у котораго былъ довольный запасъ мѣра и св. даровъ, освященныхъ еще при патриархѣ Іосифѣ. Это-то самое возвысило какъ самаго Діонисія на степень главы старообрядчества, такъ и жителство его, Керженецъ, сдѣлало какъ бы митрополіей всѣхъ послѣдователей поповщины. Не имѣя антиминсовъ и храмовъ—ни Діонисій, ни другіе поны, уклонившіеся въ расколъ, не могли служить литургіи и совершать таинство евхаристіи, — и потому тотъ, у кого было болѣе запасныхъ даровъ, дѣлался у раскольниковъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ; къ такому пріѣзжали за дарами издалека, и всюду разглашалось о немъ. Таковъ и былъ Діонисій,—и слава о немъ и мѣстопробываніи его, Керженецѣ, разносилась повсюду. Поповщинскій писатель Іона Курносый—въ своей „исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ о Діонисіи Шуйскомъ говоритъ: „священно-инокъ Діонисій Шуйскій пребываше въ Керженскихъ лѣсахъ нѣсколько лѣтъ въ великомъ подвижѣ

и постѣ, и преиде въ вѣчный покой“. Болѣе частныхъ и подробныхъ свѣдѣній о немъ мы не имѣемъ.

Преемникомъ Діонисія около 1690 года сдѣлался черныи попъ Θεодосій — крещенія и постановленія древняго, рукоположенный такъ-же, какъ и Діонисій, Іосифомъ патріархомъ Московскимъ. Онъ былъ сначала священникомъ церкви Василия Неокесарійскаго при Никольскомъ монастырѣ въ гор. Рыльскѣ; но при началѣ церковнаго раздора онъ оставилъ мѣсто жительства и бѣжалъ на Донецъ. Здѣсь его поймали разсылныя архіепископа Бѣлгородскаго и представили архіерею. Послѣ тщетныхъ попытокъ усовѣститъ Θεодосія, заставить его покориться уставамъ церкви — Бѣлгородскій архіерей отправилъ его къ патріарху Іоакиму въ Москву. Здѣсь съ Θεодосіемъ повторилось то же самое, что и съ прочими расколоучителями: сначала хотѣли Θεодосія убѣдить и вразумить, но когда онъ оказался глухъ ко всѣмъ кроткимъ увѣщаніямъ патріарха Іоакима, — его лишили сана и послали въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Семь лѣтъ заключенія тамъ смирили непокорный духъ Θεодосія и побѣдили его упорство: онъ покался и приставленъ былъ къ чтенію синодика. Облегченіемъ, даннымъ Θεодосію, воспользовались старообрядцы и тайкомъ увезли его сначала въ Поморье, а оттуда на Керженецъ, гдѣ онъ и поселился сначала на Бельмашѣ*), а потомъ въ скиту Смольяны, въ которомъ и сдѣлался настоятелемъ и начальникомъ, заправляя въ то-же время внутренними дѣлами раскольническаго поповщинскаго міра на всемъ Керженцѣ и

*) Бельмашъ — рѣчка, впадающая въ Керженецъ — въ макарьевскомъ уѣздѣ костромской губерніи — на самой почти границѣ съ нижегородскою. Здѣсь на устьѣ Бельмаша въ XVII столѣтіи старообрядцы устроили скитъ, уничтоженный Пятиримомъ, который по указу Петра въ 1708 году устроилъ здѣсь Троицкій-Бельмашскій монастырь женскій, доселѣ существующій. («Ист. поповщ.» Мельникова, стр. 64).

занимаясь распространением раскола. Собирая соборы, распространяя и поддерживая расколъ, принимая бѣглыхъ поповъ и разсылая ихъ, Θεодосій всѣмъ этимъ обратилъ на себя зоркое вниманіе правительства. Начались розыски, и Θεодосій принужденъ былъ бѣжать и удалился въ Калугу. Свое пребываніе здѣсь Θεодосій ознаменовалъ такимъ дѣйствіемъ, которое сразу приобрѣло ему популярность во всемъ раскольническомъ мірѣ. Неизвѣстно, какими путями Θεодосій получилъ доступъ въ одну церковь, въ которой, за ветхостію, давно не отправлялось никакого богослуженія. Въ ней-то въ великій четвертокъ Θεодосій совершилъ литургію, „и ко удаленію причастный агнецъ запасный сотвори“. Вѣсть объ этомъ быстро распространилось всюду и достигла Вѣтки (Черниговской губ.), — тогдашняго центра поповщины послѣ Керженца, гдѣ на ту пору не было священника. Черезъ нѣкоего старца Нифонта Вѣтковцы предложили Θεодосію переѣхать къ нимъ. Θεодосій, противозаконные поступки котораго дѣлали его пребываніе въ Россіи не безопаснымъ, принялъ предложеніе. Первымъ дѣломъ по приѣздѣ его на Вѣтку было устройство церкви. Принимая въ соображеніе увеличивавшееся со дня на день число обитателей Вѣтки, которыхъ не могла вмѣщать церковь, существовавшая тамъ, Θεодосій повелѣлъ расширить ее, снабдилъ ее иконостасомъ, украденнымъ изъ той церкви въ Калугѣ, въ которой совершилъ онъ воровски обѣдню, и потомъ освятилъ ее на ветхомъ антиминосѣ, привезенномъ старицею Меланією; уставщикъ Аѳанасій подписалъ антиминосъ: „освятися алтарь Господеви Богу священно-инокомъ Θεодосіемъ“.

Другое замѣчательное событіе, которымъ отмѣчены дѣятельность и пребываніе Θεодосія на Вѣткѣ, было свареніе имъ мвра. Недостатокъ мвра былъ ощутителенъ при освященіи церкви; но тогда Θεодосій устранилъ это препятствіе тѣмъ, что остававшееся у него

древнее муро не болѣе какъ съ полложки, разбавилъ съ масломъ. Но чтобы устранить это препятствіе на будущія времена онъ сварилъ муро изъ роснаго ладона, мастики, корицы, гвоздики и прочихъ благовонныхъ вещей. Существованіе на Вѣткѣ церкви, служеніе въ ней литургіи, совершеніе Θεодосіемъ таинства евхаристіи—все это давало Θεодосію вѣсь между всѣми раскольниками-поповцами, у которыхъ ничего этого не было, и Θεодосій имѣлъ одинъ возможность разсылать всюду св. дары для причастія. И это доставило Θεодосію такой авторитетъ и вліяніе на поповщину, что безъ его благословенія не предпринималось въ ней ничего особенно важнаго. Отъ него поповщинцы керженскіе получали благословеніе ходить къ тому или другому духовнику: „къ Герасиму попу благословляю итти на духъ, писалъ онъ въ одномъ посланіи къ керженцамъ, и всякую святыню ему исправляти, того ради, что въ писаніи къ намъ присланномъ и рука его приложена, что отъ насъ смиренныхъ прощенія просить и благословенія требуетъ, и отъ церкви православныя нашея приеѣмлетъ святое тѣло, мы же послахомъ къ нему таинствъ“. Другимъ священникамъ, почему-либо не понравившимся ему, онъ воспрещаль священнодѣйствовать. „И азъ отецъ Θεодосій дѣтямъ моимъ духовнымъ благословенія не даю итти къ попу Софонтію и принимать его во священника не велю“ и т. д. Словомъ, судя по образу дѣйствій, по самостоятельности распоряженій, по обширности вліянія, можно думать, что Θεодосій воображалъ себя настоящимъ епископомъ. Да и не мудрено, что онъ вообразилъ себя имъ: какой пищи для безумныхъ надеждъ не могла дать поповщина, какихъ дерзкихъ предпріятій не могла она одобрять и поощрять?

Θеодосій умеръ, оставивъ по себѣ въ поповщинѣ память великаго подвижника и святого мужа: „подвиги же его, еже къ Богу и труды тѣлесніи кто исповѣсть и

въ таковыхъ подвижѣхъ соверши теченіе свое и тако ко Господу отъиде.“ Время Θεодосія въ исторіи поповщины замѣчательно еще тѣмъ, что при немъ совершилось окончательное распаденіе раскола на два главныхъ толка—поповщину и безпоповщину.

Другой скитъ, служившій средоточіемъ поповщины на Керженцѣ, и положившій начало къ основанію множества новыхъ скитовъ въ глухихъ, непроходимыхъ лѣсахъ керженскихъ, чернораменскихъ и другихъ, былъ скитъ Шарпанскій. Основаніе его относится ко временамъ „Соловецкаго сидѣнія“. Когда, говоритъ преданіе, царскій воевода Мещеринъ обложилъ возмутившихся старообрядцевъ въ монастырѣ Зосимы и Савватія и не выпускалъ оттуда никого, древній старецъ инокъ-схимникъ Арсеній дни и ночи проводилъ въ молитвѣ передъ иконою Казанской Богородицы. А та икона прежде была комнатною царя Алексѣя и пожалована имъ въ Соловки еще до патріаршества Никона. Наканунѣ взятія монастыря царскою ратью, истомился Арсеній, стоя на молитвѣ, задремалъ. И, будучи въ тонкомъ снѣ, слышалъ онъ гласъ отъ иконы: „гряди за мною, ничтоже сумняся, и гдѣ я остановлюсь, тамо поставь обитель, и пока икона моя будетъ въ той обители, древнее благочестіе будетъ въ ней процвѣтать“. „И видѣлъ Арсеній“, продолжаетъ преданіе, „что икона Богородицы въ высрѣ поднялась и въ небесной высотѣ исчезла... Проснулся инокъ-схимникъ—иконы на мѣстѣ не было. На другой-же день взять былъ монастырь. „Соловецкихъ сидѣльцевъ“ въ кандалахъ перевезли на матерую землю, и здѣсь Арсенію удалось бѣжать изъ-подъ царскаго караула въ лѣса. Только что ступилъ онъ въ лѣсную чащу, видитъ икону, передъ которой молился, грядетъ та икона поверхъ лѣса на воздухѣхъ. Идетъ за нею изумленный и трепетный Арсеній. Передъ нимъ сохнутъ непроходимыя болота, передъ нимъ невидимая сила валежникъ врознь раскидываетъ. „Чудяся быв-

шему о немъ“, Арсеній идетъ да идетъ за иконою. И стала та икона въ лѣсахъ Чернораменскихъ, недалеко отъ Починка Ларіонова, на урочищѣ Шарпанъ. И поставилъ тутъ Арсеній первый скитъ“. Этотъ скитъ Шарпанскій.

Лишь только разнеслась молва въ Семеновскомъ уѣздѣ и по другимъ окрестностямъ, что въ пустынной глуши, въ глубокой чащѣ керженскихъ лѣсовъ живетъ подвижникъ. инокъ изъ знаменитаго Соловецкаго монастыря, какъ тотчасъ-же къ нему начали приходять сотни, тысячи людей со всѣхъ сторонъ; сюда стали укрываться и всякаго рода бѣглецы; сюда-же бѣжали отъ преслѣдовацій преступники, и всѣ находили себѣ безопасное убѣжище. Съ тѣхъ поръ быстро размножаются скиты по заволжскимъ лѣсамъ. Они наполняютъ собою лѣса Чернораменскіе, Керженскіе, Рыльскіе и Ветлужскіе.

Изъ этихъ скитовъ очень видное мѣсто занимаетъ скитъ Софонтіевскій. Онъ основанъ былъ въ концѣ XVII столѣтія однимъ Соловецкимъ бѣглецомъ Софонтіемъ. Этотъ Софонтій, долгое время скитаясь по разнымъ селеніямъ Архангельской и Олонецкой губерній, около 1677 года пришелъ въ Керженскіе лѣса, Нижегородской губерніи. Здѣсь, по рѣшенію собора керженскихъ отцовъ, онъ былъ принятъ въ общество раскольниковъ священноинокомъ Діонисіемъ, какъ священноинокъ, и устроилъ въ 15-ти верстахъ отъ нынѣшняго города Семенова, а отъ села Пафнутова въ трехъ, свой скитъ. Онъ умеръ начальникомъ этого скита въ первые годы XVIII столѣтія. О дѣятельности его въ „исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“—читаемъ такую замѣтку: „труды-же его (Софонтія) и подвиги-же къ Богу, кто изреци можетъ“. Послѣдователи его погребли тѣло Софонтія близъ его кельи въ лѣсу. Раскольники чтутъ Софонтія за святого. Въ Духовъ день многіе изъ старообрядцевъ города Семенова и окрестныхъ селеній

считаютъ долгомъ своимъ побывать у могилы Софонтія, поклониться этой святынѣ, помолиться въ часовнѣ, тутъ стоящей, унести воды изъ ея колодца и земли съ могилы, суевѣрно приписывая всему этому чудодѣйственную, цѣлебную силу.

Между извѣстными лицами Софонтіевскаго скита въ началѣ XVIII столѣтія былъ попъ Авраамій Ивановъ, прозванный раскольниками „патріархомъ“, а другими въ насмѣшку названный „лѣснымъ патріархомъ“. Родомъ Авраамій былъ изъ города Наровчата, подъячій сынъ. Въ 1693 году вятскимъ архіепископомъ Іоною, по благословенію святѣйшаго патріарха московскаго Адріана, онъ посвященъ былъ въ попы въ московскій уѣздъ, въ дворцовую волость, село Шиловку, къ церкви Николая Чудотворца. „И жилъ онъ у той церкви 20-ть лѣтъ по христіанскому закону и ставленная грамота дана ему за подписаніемъ самого патріарха“. Въ расколъ Авраамій обращенъ былъ въ 1710 году „наученіемъ“ дворянина тамбовскаго Игнатія Иванова, который проѣздомъ по торговымъ дѣламъ весьма нерѣдко останавливался у шиловскаго священника. Вскорѣ затѣмъ Авраамію пришлось побывать на Керженцѣ и видѣться тамъ съ расколоучителями—попомъ Лаврентіемъ и діакономъ Александромъ. Послѣдніе приняли гостя ласково, и онъ прожилъ у нихъ дня три. Желая привлечь шиловскаго священника на свою сторону, попъ Лаврентій и Александръ дьяконъ держали себя какъ истые раскольники: вмѣстѣ съ гостемъ не ѣли и не пили; а между тѣмъ постоянно толковали ему, чтобы онъ отсталъ и отступилъ отъ православной церкви и со всѣмъ своимъ семействомъ переѣхалъ-бы къ нимъ на житье на Керженецъ „для того, что въ новой вѣрѣ все повредилось и въ церквахъ отъ дней Никона патріарха священнослуженіе совершается оскверненное“. Авраамій, еще ранѣе поколебленный въ убѣжденіяхъ на счетъ истины православія русской церкви помѣщи-

комъ, согласился на предложеніе учителей керженскихъ и, съѣздивши домой, забралъ всѣхъ своихъ домашнихъ и пріѣхалъ въ керженскія пустыни. Здѣсь, со всѣмъ своимъ семействомъ, поселился онъ въ деревнѣ Ключи, въ которой, на первыхъ порахъ, жилъ тайно и не священнодѣйствовалъ. Года черезъ полтора послѣ поселенія Авраамія въ деревнѣ, старцы и жители Софонтіевскаго скита обратились къ Авраамію съ просьбою, чтобы онъ священнодѣйствовалъ по прежнему по ихъ раскольнической вѣрѣ. Авраамій сначала отказывался, но потомъ согласился.

И вотъ, Авраамій началъ отправлять для раскольниковъ всякое священнослуженіе кромѣ литургіи: крестилъ младенцевъ и молитвословливалъ, исповѣдывалъ и причащалъ*) людей всякаго возраста и пола, вѣнчалъ браки, отправлялъ вечерни, утрени, часы, молебны и поминовенія (панихиды) по умершимъ, отпѣвалъ и погребалъ умершихъ по керженскимъ кельямъ. Но недолго пришлось священнодѣйствовать Авраамію. Въ 1719 году за двѣ недѣли до Петрова дня священникъ села Пафнутаева Иванъ Петровъ поймалъ его и свезъ въ Нижній къ епископу Пителиму. Здѣсь подъ пыткой „въ стряскѣ“ Авраамій во всемъ повинился; съ него

*) Не имѣя собственной церкви—раскольники-поповцы, жившіе въ керженскихъ лѣсахъ и свитахъ, причащались запасными дарами, которые они получали съ Дона, гдѣ у раскольниковъ-поповцевъ въ первое время была единственная церковь, и гдѣ совершали преимущественно службу первые бѣглые священники Іовъ и Досифей. Потомъ же, когда Θεодосіемъ, чернымъ попомъ, устроена была церковь на Вѣткѣ—это было въ XVIII столѣтіи—причастіе приносили отсюда. Получаемыми запасными дарами скитники керженскіе дѣлились не только съ тѣми раскольниками, которые жили въ Нижнемъ, въ Городцѣ и разныхъ починкахъ, но и съ московскими раскольниками, которые въ первое время раскола сильно нуждались въ этомъ, и не только въ этомъ, но и въ самыхъ священнослужителяхъ, учителяхъ и проповѣдникахъ, и потому въ самое первое время весьма часто обращались къ керженцамъ за всѣмъ этимъ.

сняли санъ священнической, наказали десятью ударами на площади всенародно, и, по вынугіи ноздрей, сослали въ каторгу въ Петербургъ.

Но этимъ еще не кончились похождения и странствованія Авраамія. На своемъ вѣку ему пришлось испытать и еще кое-что. Авраамій отправленъ былъ въ мѣсто назначенія вмѣстѣ съ другими раскольниками—числомъ 13—съ сержантомъ казанскаго Бернерова полка Никифоромъ Кудрявцевымъ и другими караульными солдатами. 1719 года 9-го декабря раскольники—колодники благополучно добрались до Москвы и остановились на постояломъ дворѣ. Московскіе раскольники, между которыми много было друзей, духовныхъ дѣтей Авраамія, нѣкоторые были также съ Керженца, еще до пріѣзда были предувѣдомлены о пріѣздѣ раскольниковъ и составили уже планъ освобожденія Авраамія. На третій день по пріѣздѣ сержантъ Кудрявцевъ рано утромъ отправился въ ямской приказъ для полученія подводу, чтобы везти колодниковъ въ Петербургъ, поручивъ на время своей отлучки караулить раскольниковъ одному изъ солдатъ. Раскольники не дремали. Лишь только ушелъ Кудрявцевъ,—Авраамій съ четырьмя товарищами началъ проситься у оставленнаго для караула солдата—отпустить ихъ въ Андроніевъ монастырь за священными книгами. Отпускъ колодниковъ днемъ въ то время былъ дѣломъ обыкновеннымъ: всякій день колодниковъ водили по городу „кормиться мірскимъ подаянiемъ“. Караульный солдатъ и отпустилъ Авраамія и четырехъ его товарищей подъ присмотромъ двухъ солдатъ: но лишь только они вышли изъ избы, какъ повернули въ первый переулокъ, сѣли на двое запряженныхъ тройками саней, которыя приготовлены были еще ранѣе раскольниками и ожидали ихъ, и стрѣлою понеслись къ москворѣцкимъ воротамъ. Проѣхавши чрезъ эти послѣднія — тройки спустились внизъ по Москвѣ рѣкѣ, не доѣзжая нижнихъ Садовниковъ повернули въ Рогож-

скую и въѣхали на дворъ къ ямщику Ивану Щербаку. Здѣсь уже ихъ ждали, и лишь только они — на дворъ, ворота—на запоръ, съ Аврааміа и другихъ его товарищей кандалы долой, забросивъ ихъ въ солому подъ сарайную кровлю, и всѣхъ ихъ размѣстили по комнатамъ: Авраамію дали особую избу, а товарищи его помѣстились въ подклѣти. На другой день пришелъ къ Авраамію старый другъ его—дьячекъ Артемій Андреевъ—керженецъ, который жилъ прежде у Аврааміа въ кельѣ и исправлялъ должность дьячка, и вдвоемъ опять начали исправлять свои должности, посѣщать свою братію — раскольниковъ и исполнять священныя требы. Но только шесть дней пришлось пожить Авраамію у Щербака. Раскольники, побоявшись, чтобы не открыли Аврааміа, перевезли его въ село Покровское къ крестьянину Семену Полуэктову, а затѣмъ черезъ двѣ недѣли снова въ Москву, гдѣ купили для него домъ въ приходѣ Спаса. Въ этомъ домѣ Авраамій жилъ спокойно. Сюда къ нему пріѣзжали на церковныя службы его духовныя дѣти,—нерѣдко и самъ онъ отправлялся по домамъ служить вечерни, утрени, часы, молебны, панихиды, вѣнчать браки, крестить младенцевъ, исповѣдывать и причащать запасными дарами, взятыми изъ Софонтіева скита. Иногда же Авраамій ходилъ по городу и по селамъ подмосковскимъ, подъ видомъ нищаго, въ рубищахъ, просилъ милостыню и сказывался страннымъ попомъ изъ Нижняго изъ керженскихъ лѣсовъ; въ этихъ похожденияхъ пріобрѣталъ онъ новыхъ духовныхъ дѣтей, которые при этомъ знакомствѣ, подавая ему деньги, приглашали нерѣдко его и къ себѣ для исполненія служебныхъ требъ. Такимъ образомъ прожилъ Авраамій въ Москвѣ до 3-го августа 1720 года. Въ этотъ день при одномъ изъ слѣдствій и розысковъ въ приказѣ церковныхъ дѣлъ—„приводная изъ-за москворѣцкаго сорока“ изъ прихода великомученицы Екатерины, вѣтковская раскольница старица Θεодулія въ допросѣ сказала, что знаетъ она рас-

кольнічьяго попа „поротыя ноздри“, который живетъ на Шеинскомъ дворѣ, что у Краснаго Пруда, у Ивана Яковлева, который торгуетъ старопечатными книгами и выходець изъ Нижняго. Тотчасъ же наряженъ былъ подъячій съ солдатами въ домъ Ивана Яковлева; домъ, же гдѣ жилъ Авраамій, былъ въ сосѣдствѣ. Авраамій зналъ, что его ищутъ, и—успѣлъ бѣжать: на дворѣ у него жилъ въ это время пріѣзжій тверской ямщикъ Тимофей Андреевъ, „сватъ Авраамію“, бывший то же на Керженцѣ. Онъ пріѣхалъ въ Москву „записаться въ расколъ“. При извѣстии, что обыскиваютъ домъ сосѣда, Тимофеей заложилъ свою тройку и увезъ Авраамія въ знакомое уже ему село Покровское. Но не долго пришлось скрываться тамъ Авраамію въ этотъ разъ: скоро открыли слѣды, онъ былъ схваченъ и отправленъ въ приказъ церковныхъ дѣлъ. Отсюда его переслали въ канцелярію вѣдомства полковника Ивана Никифоровича Плещеева, и въ концѣ октября 1720 года московскій губернаторъ Воейковъ отправилъ Авраамія въ Петербургъ къ Царскому Величеству. По приказанію Императора Петра онъ переданъ былъ 1-го ноября въ тайную канцелярію. Здѣсь предъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и въ присутствіи архимандрита Невскаго монастыря, Авраамій, рассказавши свою жизнь, такъ заключилъ свои показанія: „Въ раскольничей-де вѣрѣ софонтьева согласія состоитъ онъ непременно даже до смерти, а какъ-де онъ въ прошломъ 1719 году приведенъ въ Нижній подъ карауль и въ ту его бытность нижегородскіе обыватели, подъячіе и другіе разныхъ чиновъ люди, а кто именно—не знаетъ, называли его въ издѣвкахъ лѣснымъ патріархомъ; и онъ-де Авраамъ, въ бытность свою въ расколѣ, патріархомъ самъ не назывался и дѣйствія патріаршаго ни въ чемъ не дерзалъ, и другіе раскольники никто тѣмъ званіемъ его Авраама не называли“.

Прошло нѣсколько дней, Авраамій одумался, искренно

раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и обратился въ православіе. Авраамій отправленъ былъ въ Невскій монастырь для исправленія. Долго ли еще продолжалась полная столькихъ приключеній жизнь его—неизвѣстно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Онуфріевскій скитъ.— Споры керженцевъ изъ-за сочиненій протопопа Аввакума.

Почти одновременно (въ концѣ XVII в.) съ софоніевскимъ скитомъ основанъ былъ нѣкимъ старцемъ Онуфріемъ близъ города Семенова и деревни Хвостинной скитъ онуфріевскій. Значеніе старца Онуфрія между керженскими раскольниками было велико, — и вліяніе его на нихъ зависѣло отъ того, что въ его скитъ присылали со всѣхъ концовъ пожертвованія, — Онуфрій распорядился ими какъ хотѣлъ, раздавая ихъ по своему усмотрѣнію. Онуфрій въ исторіи керженскихъ раскольниковъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ былъ причиною начавшихся въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія между керженскими раскольниками споровъ изъ-за предметовъ раскольническаго вѣрованія, — именно изъ-за сочиненій протопопа Аввакума о св. Троицѣ, — споровъ, доводившихъ раскольниковъ керженскихъ до ссоръ, вражды и междоусобій другъ на друга, — споровъ, въ которыхъ принялъ участіе весь Керженецъ, которые доводили ихъ до раздѣленія на много различныхъ партій, и послужили появленію особой партіи — аввакумовщины или онуфріевщины *).

Протопопъ Аввакумъ, изъ-за сочиненій котораго возникли между керженцами горячіе споры, въ исторіи раскола за первое время его существованія занимаетъ самое видное мѣсто, центральное положеніе. Не лишнимъ

*) Нижег. Епарх. Вѣд. 1866 г., стр. 596.

считаемъ здѣсь познакомиться съ біографіей и личнымъ характеромъ протопопа Аввакума и направлениемъ его убѣжденій, выразившихся въ его сочиненіяхъ.

Аввакумъ родился въ 1619 или 1620 г. въ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, за рѣкою Кудьюмою, въ селѣ Григоровѣ, принадлежавшемъ извѣстному укротителю Разинскаго бунта, князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому *). Отецъ его, сельскій священникъ, по имени Петръ, по словамъ Аввакума „прилежаще питія хмѣльнаго“ **) и, вѣроятно, не особенно заботился о своихъ дѣтяхъ, такъ что воспитаніемъ ихъ въ страхъ Божіемъ занялась жена его, Марія, женщина благочестивая, строгая исполнительница постовъ и обрядовъ съумѣвшая передать дѣтямъ свою религіозность. Послѣ смерти попа Петра, на попеченіи матери Аввакума осталась огромная семья, и бѣдность была большая. Родственникъ ихъ, заступившій священническое мѣсто въ Григоровѣ, выгналъ ихъ изъ отцовскаго дома. Придя въ возрастъ, Аввакумъ женился на Настасѣѣ Марковнѣ — сиротѣ, дочери обѣднѣвшаго купца. Гдѣ воспитывался, получалъ образованіе Аввакумъ — неизвѣстно. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ былъ посвященъ въ дьяконы, а черезъ два года (около 1643 г.) во священника села Лопатицъ (макарьевскаго уѣзда Ниж. губ.). Аввакумъ былъ нрава крутого, заносчиваго и неуживчиваго, и какъ священникъ — имѣлъ ревность не по разуму, а потому нерѣдко приходилось ему терпѣть непріятности и не мало имѣть враговъ. Въ Лопатицахъ, по разсказу самого Аввакума, съ нимъ было слѣдующее происшествіе: пришли къ нему въ село скоморохи съ медвѣдями, и съ бубнами, и съ долерами. Имѣя характеръ въ высшей степени порывистый, Аввакумъ по слѣпой рев-

*) Село Григорово находится недалеко (верстахъ въ 10) отъ села Вельдеманова, родины патриарха Никона.

**) Матер. для истор. раск., изд. проф. Н. И. Субботина, V, 9 стр.

ности „ко Христу“ выгналъ скомороховъ, а хари и бубны ихъ изломалъ; „одинъ на многихъ напалъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, одного ушибъ, но паки ожилъ, а другого пустилъ въ поле“. Въ это время (1648 г.) бояринъ Василій Петровичъ Шереметьевъ ѣхалъ Волгою на воеводство въ Казань; скоморохи пожаловались на Аввакума ему, какъ начальнику края. Шереметьевъ призвалъ его къ себѣ на судъ, и побранивъ за самоуправство, отпустилъ его съ миромъ; но случилось, что сынъ Шереметьева Матвѣй послѣ побранки подошелъ къ Аввакуму подъ благословеніе. Аввакумъ не только не благословилъ его, а еще обругалъ и собственно за то, что Матвѣй Шереметьевъ брилъ бороду. Василій Шереметьевъ велѣлъ за это его бросить въ Волгу; но потомъ съ ругательствами и, предварительно избивъ, отпустилъ его.

Аввакуму, какъ находившемуся тогда въ вѣдѣніи московскаго патріарха (ибо нижегородская область причислялась къ патріаршеской области), весьма часто приходилось жить въ Москвѣ. Тамъ онъ свелъ дружбу съ высшими лицами тогдашняго бѣлаго духовенства, особенно съ братьями Нероновыми и царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ; въ нихъ-то онъ всегда находилъ себѣ защитниковъ отъ враговъ; чрезъ нихъ онъ чрезъ восемь лѣтъ своей священнической службы получилъ санъ протопопа, сдѣлался извѣстенъ патріарху Іосифу и самому царю Алексію Михайловичу.—Аввакума перевели вскорѣ въ Юрьевецъ Поволжскій протопопомъ. Но здѣсь протопопъ не ужился: на первыхъ же порахъ поссорился съ воеводою. Причиною тому было опрометчивое и насильственное вмѣшательство его въ дѣла совѣсти. Воевода имѣлъ подругу. Аввакумъ отнялъ ее отъ него и отвелъ къ ея матери; воевода не разъ билъ за это Аввакума и однажды искусалъ ему пальцы. Въ Юрьевцѣ проживши только восемь недѣль, Аввакумъ чѣмъ-то всѣхъ раздражилъ до того,

что „человѣкъ съ тысящу и съ полторы, вытаща его, били батожемъ и топтали, а попы и бабы, которыхъ онъ будто бы унималъ отъ нѣкоторыхъ грѣховъ, вопили: „убить вора, б... сына, да тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“. Аввакумъ ушелъ сначала отсюда въ Кострому, затѣмъ въ Москву, гдѣ и проживалъ у священника московскаго Казанскаго собора Неронова и справлялъ службы за него въ церкви, когда тотъ куда отлучался. Послѣ смерти протопопа Силы, ему предложили было мѣсто настоятеля придворной церкви Спаса за золотой рѣшеткой; „азъ не порадовалъ о томъ“, говоритъ Аввакумъ въ своей автобіографіи. Въ это-то время, вѣроятно, участвовалъ онъ въ изданіи Іосифовскихъ книгъ, вмѣстѣ съ Стефаномъ Вонифатьевымъ, протопопомъ придворнымъ и духовникомъ царскимъ, Іоанномъ Нероновымъ, ключаремъ Успенскаго собора, потомъ протопопомъ Казанскаго собора московскаго, съ Ѳедоромъ, діакономъ Благовѣщенскаго московскаго собора, Лазаремъ, священникомъ изъ Романова, Никитою Пустосвятомъ, священникомъ изъ Суздаля, Логиномъ, протопопомъ изъ Мурома, Даниломъ, протопопомъ костромскимъ и другими, подъ главнымъ надзоромъ боярина дворецкаго князя Львова, начальника печатнаго двора. Зараженные лживыми мнѣніями, справщики эти внесли множество ошибокъ въ книги, напечатанныя подъ ихъ надзоромъ, и притомъ въ видѣ догматовъ, а не мнѣній. Когда же Никонъ, вступившій на патриаршій московскій престолъ на мѣсто скончавшагося патриарха Іосифа, по указанію восточныхъ іерарховъ, рѣшился исправить погрѣшности, внесенныя въ церковныя книги, то удалилъ виновниковъ этихъ погрѣшностей — прежнихъ справщиковъ, и на мѣсто ихъ назначилъ новыхъ, — людей ученыхъ. Вмѣстѣ съ другими и Аввакумъ, считавшій себя ученымъ человѣкомъ и любившій провозглашать: „азъ вся священная божественная писанія проидохъ“ — былъ обличенъ въ невѣжество, съ безчестіемъ удаленъ отъ долж-

ности справщика книгъ и осужденъ за погрѣшительныя мысли, внесенныя въ книги. Съ этихъ поръ Аввакумъ, въ числѣ первыхъ противниковъ книжнаго исправленія, со всею злобою возсталъ на патріарха Никона и его новшества. Новшества, противъ которыхъ Аввакумъ возсталъ, были: треперстное крестное знаменіе и поясные поклоны во св. четырнадцатницу, вмѣсто земныхъ, которые будто бы положены въ древнихъ уставахъ. „Повелѣно тремя персты креститься, говоритъ Аввакумъ, и въ постъ великій въ церкви въ поясъ творити метаніе; мы же со отцы и съ братією не умолчали, почали обличать еретика и предтечу антихриста“ (разумѣя Никона). Мало того, Аввакумъ вмѣстѣ съ другими обратился съ жалобою на эти будто бы новшества къ самому Государю: „Мы, пишетъ Аввакумъ, сошедшия со отцы, задумались. Видимъ яко зима хочетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали... Мы съ Даниломъ костромскимъ, написавъ съ книгъ выписки о сложненіи трехъ перстовъ и о поклонахъ, подали Государю: много писано было. Онъ же, не вѣмъ, гдѣ скрылъ; мнится, Никону отдалъ“. Это было въ 1655 году. Снисхожденіе царя и сильныя связи при дворѣ ободрили Аввакума, и онъ пустился проповѣдывать народу о расколѣ; его схватили во время совершенія всенощной въ Казанскомъ соборѣ, отвели въ Андроніевъ монастырь и заключили въ тюрьму. Въ тюрьмѣ, говоритъ Аввакумъ, явился будто ему не то ангель, не то человѣкъ, и покормилъ его щами съ хлѣбомъ. На другой день привели его на судъ въ Крестовую патріарха: много увѣщевали, но Аввакумъ никакъ не хотѣлъ покориться, и на вопросы отвѣчалъ ругательствами, смѣшивая ихъ съ текстами св. Писанія. Сентября 15 дня 1665 года назначено было разстричь Аввакума, но царь Алексѣй Михайловичъ, помня Аввакума и убѣжденный царицею и приверженными ему царедворцами, упросилъ Никона не растригать его. Аввакума прямо изъ Успенскаго собора отправили въ

Сибирскій приказъ, а оттуда со всѣмъ семействомъ послали на житье въ Сибирь. Благополучно довели его до Тобольска. Здѣсь архіепископъ, его землякъ, по имени Симеонъ, раздѣлявшій убѣжденія Аввакума на счетъ Никона и его дѣйствій, — устроилъ было его къ мѣсту при одной церкви, но за то, что онъ „бранилъ отъ Писанія и укорялъ ересь Никонову“, новымъ указомъ велѣно вести его изъ Тобольска на Лену; а какъ пріѣхалъ въ Енисейскъ, другимъ указомъ велѣно было вести его въ Дауры, — „тысячъ съ двадцать верстъ и больше будетъ отъ Москвы“, по словамъ Аввакума. На всемъ своемъ пути Аввакумъ съ жаромъ проповѣдывалъ свое ученіе, и въ самой Сибири многихъ увлекъ къ неповиновенію Св. Церкви.

Около шести лѣтъ прожилъ Аввакумъ въ Сибири; и только по удаленіи Никона съ патриаршаго престола обстоятельства его перемѣнились. По ходатайству сильныхъ московскихъ покровителей своихъ, Аввакумъ возвращенъ былъ въ Москву въ 1664 году, съ распростертыми объятіями принятъ былъ врагами Никона и даже будто-бы обласканъ былъ самимъ царемъ, который предлагалъ ему любое мѣсто во всей Москвѣ; но когда Аввакумъ не захотѣлъ сего, приказалъ дать ему помѣщеніе въ Кремлѣ на подворьѣ Новодѣвичьяго монастыря. Въ Москвѣ, пользуясь покровительствомъ сильныхъ людей, Аввакумъ опять началъ разсѣвать въ народѣ свое лжеученіе и словомъ, и писаніемъ, — многихъ прельстилъ и отторгнулъ отъ единства Св. Церкви. Онъ писалъ хулы на исправленіе св. символа, на сложеніе трехъ перстовъ въ крестномъ знаменіи, на исправленіе книгъ и на исправителей и много другихъ подобныхъ клеветъ, и наконецъ объявилъ, что не слѣдуетъ принимать святое причастіе отъ священно-служащихъ по новымъ книгамъ. Такая дерзость не могла не обратить вниманія на себя, — и православные пастыри пожаловались царю Алексѣю Михайловичу на вредныя дѣй-

ствія Аввакума. Царь послалъ къ Аввакуму Григорія Стрѣшнева съ совѣтомъ молчать и не распространять проповѣдей въ народѣ. Въ отвѣтъ на эти совѣты Аввакумъ подалъ царю челобитную о низверженіи патріарха Никона и о возстановленіи старой вѣры. Государь разгнѣвался,—велѣлъ сослать его съ семействомъ въ Мезень (Олонецк. губер.), оставивъ при немъ санъ протопопа, но съ запрещеніемъ служить. Въ Мезени онъ продолжалъ все-таки распространять свое ученіе и устно, и письменно, посылая „грамотки“ въ Москву, въ Боровскъ и другія мѣста къ своимъ приверженцамъ, и наконецъ началъ писать окружныя посланія, именуя себя „рабомъ и посланникомъ І. Христа, страдальцемъ, узникомъ за вѣру, протосингеломъ россійскія церкви“. Такъ прошелъ 1665 годъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ собранъ былъ соборъ для суда надъ Никономъ и для устройства церковныхъ дѣлъ. Главныхъ расколоучителей для соборнаго увѣщанія стали свозить въ Москву. Въ февралѣ 1666 года привезли въ Москву и Аввакума. Здѣсь сталъ было его увѣщевать Павелъ, митрополитъ Крутицкій, заклятый врагъ Аввакума. Увѣщаніе кончилось обоюднымъ ругательствомъ и едва не дошло до драки. Аввакума увезли въ Боровскъ и заключили въ Пафнутьевскомъ монастырѣ. Черезъ два съ половиною мѣсяца Аввакумъ опять потребованъ былъ въ Патріаршую Крестовую палату предъ соборъ русскихъ архіереевъ, и былъ подвергнутъ увѣщанію. „Стязанъ быша, сказано въ четвертомъ дѣяніи собора, и не покорися клеветникъ и мятежникъ, паче-же злобѣ злобу прилагая, укори въ лице весь священный соборъ, вся неправославными нарицая, тѣмъ же правильно осудиша іерейства лишень быти и анаеємъ предатися“. Разстриженный, посаженъ онъ былъ въ Патріаршій дворъ, а потомъ отвезенъ былъ въ Угрѣшскій монастырь. Здѣсь просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ и затѣмъ опять переведенъ былъ

въ Боровскій Пафнутіевъ монастырь, гдѣ и сидѣлъ въ тюрмѣ безъ малаго годъ, распространяя расколъ между монашествующими. Наконецъ, „по многомъ влаченіи“ Аввакумъ опять привезенъ былъ въ Москву и представленъ для увѣщаній восточнымъ патріархамъ Александрійскому и Антиохійскому. Восточные патріархи, чрезъ переводчика архимандрита Діонисія, объясняли Аввакуму, что въ російской церкви нововведеній никакихъ не учинено, и что всѣ православные на Востокѣ содержатъ тѣ самые обряды, какіе и теперь въ Москвѣ соблюдаютъ, и что онъ одинъ стоитъ въ упорствѣ и заблужденіи. Но на всѣ увѣщанія патріарховъ, Аввакумъ говорилъ только дерзости. „У васъ православіе пестро отъ насилія турецкаго, отвѣчалъ восточнымъ патріархамъ Аввакумъ, и дивить на васъ нельзя, что немощны стали. Пріѣзжайте и впередъ къ намъ учиться“. Или вотъ поступокъ, характеризующій Аввакума: въ то время, какъ патріархи и архіереи сидѣли, Аввакумъ легъ у дверей, говоря: „вы посидите, а я полежу“. Всѣ засмѣялись и говорили Аввакуму: „дуракъ Аввакумъ— и патріарховъ не считаешь“. „Мы юроди Христа ради“, отвѣчалъ онъ. — На увѣщаніе самаго государя „соединиться со вселенскими патріархи“ Аввакумъ отвѣчалъ: „аще и умрети ми, съ отступниками не соединюся“. Тогда Аввакумъ за непреклонное упорство переданъ былъ градскому суду и по опредѣленію его посланъ на заточеніе въ Пустозерскій острогъ близъ самаго Ледовитаго моря. Аввакумъ прожилъ тамъ около 14 лѣтъ и хотя содержался довольно строго, впрочемъ не переставалъ и изъ тюрмы писать письма и посланія въ Москву и другія мѣста. Наконецъ, повелѣно было: Аввакума съ его единомышленниками Лазаремъ, Епифаніемъ и Никифоромъ „за великія на царскій домъ хулы“—сжечь. Это было исполнено въ Пустозерскѣ 1 апрѣля 1681 г. На площади построили срубъ изъ дровъ. Аввакумъ предвидѣлъ казнь и заблаговременно распорядился

имуществомъ и роздалъ книги. На казнь собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли—замолчали всѣ; Аввакумъ народу говорить началъ—и крестъ сложилъ двуперстный: „вотъ будете этимъ крестомъ молиться—во вѣкъ не погибнете; а оставите его — городокъ вашъ погибнетъ; пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, встанетъ и свѣту конецъ“! Огонь охватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ; Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли. Въ Пустозерскѣ за лѣсомъ есть площадка: тамъ крестъ стоитъ и зовется Аввакумовымъ.

Аввакумъ оставилъ послѣ себя много сочиненій и писемъ къ разнымъ лицамъ,—и всѣ они, распространяясь чрезъ списываніе, читались и перечитывались раскольниками,—тѣмъ болѣе, что подходили подъ ихъ вкусъ, какъ написанныя простонароднымъ, грубымъ и отчасти шутливымъ языкомъ.—Разсылая письма и сочиненія о разныхъ предметахъ по разнымъ мѣстамъ, Аввакумъ прислалъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій—именно спорныя письма,—съ дьякономъ Ѳеодоромъ *) о вѣрѣ въ Керженскіе лѣса къ одному изъ первыхъ здѣшнихъ скитниковъ—старцу Сергію. „Прими, Сергіи,—писалъ Аввакумъ, вѣчное сіе Евангеліе, не мною, но перстомъ Божиимъ написанное“. Въ этихъ письмахъ, по словамъ проф. Ивановскаго, заключались

*) Діаконъ московскаго Благовѣщенскаго собора, Ѳеодоръ Ивановъ—былъ современникъ и единомысленикъ Аввакума. На соборѣ въ 1666 году, онъ дерзко и прямо хулилъ православіе греческихъ іерарховъ и греко-россійской церкви. Видя его непокорность, соборъ лишилъ его дьяконскаго сана, отлучилъ отъ всѣхъ вѣрныхъ и проклялъ всѣ его богомерзкія хулы. Его растрягли во время литургіи въ Успенскомъ соборѣ. Затѣмъ послали его въ заточеніе въ монастырь Богоявленскій, что за Ветошнымъ рядомъ, потомъ перевели въ монастырь Святого Николы на Угрѣшу. Соборъ восточныхъ патріарховъ 1667 г. предалъ его градскому суду,—а сей положилъ отрѣзавъ языкъ, сослать его въ дальнее заточеніе въ Пустозерскій острогъ въ земляныя тюрьмы.

нелѣпныя, грубо антропоморфическія, еретическія мнѣнія Аввакума о Пресвятой Троицѣ, о воплощеніи Бога Слова и т. п. *).

Такъ о св. Троицѣ онъ писалъ, что Она „тресущна“, разсѣкается на три равныя естества и источникъ Божества течетъ тремя ручьями. О Христѣ Иисусѣ—писалъ, что Онъ сидитъ на особомъ четвертомъ престолѣ и царствуетъ св. Троицѣ.—О воплощеніи: „исповѣдую во утробѣ Дѣвы силу Божества; не самое божественное существо поступи отъ превыспреннихъ, но промысль неизглаголанно, иначе благодать совершенная“—Писалъ, что „Христова душа отъ креста на небо ю Отцу пошла; воскресши же отъ гроба Христосъ сниде во адъ съ тѣломъ по воскресеніи отъ мертвыхъ“ и т. п.—Для образчика въ краснорѣчьи и способъ выраженія Аввакума приведемъ слѣдующія мѣста изъ его писемъ къ Ѳедору: „Да слышитъ сынъ мой духовный Ѳедька отщепенець, отъ Никоніана рукоположенецъ. Блудишь сице пиша и глаголя о Святой Троицѣ, донеже де божественное несозданное существо св. Троицы не сѣкомо есть и не разстоящо лице каждое другъ друга. И приводитъ въ примѣръ душу человѣчью. Толкуя самотоку глаголя, якоже де душа трисоставна. Умъ, слово и духъ. Имать единъ образъ. Такожде и Богъ и Сынъ и Духъ Святыи во Отцѣ соединено и совокупно, а не слитно и нераздѣльно всяко.—Ѳедька а Ѳедька! Зриши ли како вземшагся гордынею мучить Златоустъ. Охъ собака, б... сынъ, гордый песъ, помнишь лайшь: ты Аввакумъ свинья что знаешь? А я небесныя тайны вѣщаю. Мнѣ дано. Словомъ говорю Троицу, а умнѣ во Отцѣ Сына и Духа вѣрую, такъ то ты не здравѣ пустошнѣ и жизнь свою изнуряешь... Ѳедька, а Ѳедька! по твоему кучею надобно едино лице и единъ образъ. Охъ б... сынъ, собака косая, дуракъ страдникъ, коли не знаешь въ кни-

*) Нижег. Епарх. Вѣд. 1866 г., стр. 604—5.

гахъ силы, и ты вступи бабы поселянки: скажи де государыня матушка о Святой Троицѣ, Троица де что есть, такъ она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ, и ты.. Оедька, ну лбомъ поселянкѣ той о землю“... И такія-то письма, съ такими грубо-еретическими мыслями и съ такимъ грубымъ изложеніемъ читались и перечитывались раскольниками, принимавшими ихъ за высокое богословское ученіе!

Между керженскими раскольниками особеннымъ почитателемъ и жаркимъ защитникомъ Аввакумовыхъ писемъ явились старецъ Онуфрій, и многіе другіе; они хвалили писанія Аввакума, переписывали, рассылали и распространяли всюду. Старецъ Онуфрій былъ во главѣ всѣхъ, а за собою увлекъ не только жившихъ въ его скитѣ, но и въ другихъ.

Но какъ ни невѣжественны, ни малообразованны были керженскіе скитники, нашлись однако между ними и такіе, которые поняли всю нелѣпость и неправославіе мыслей Аввакумовыхъ.

Между сторонниками и противниками сочиненій протопопа Аввакума началась борьба, продолжавшаяся свыше 20 лѣтъ и доходившая до такого ожесточенія, что спорившіе иногда прибѣгали къ оружію.

Возставшіе противъ нелѣпыхъ мнѣній и мыслей Аввакума, защищаемыхъ старцемъ Онуфріемъ, раскольники задумали обличить послѣдняго „сборнѣ“. Первое сборище по этому поводу, называемое у раскольниковъ соборомъ, было 19 августа 1693 года. Сходку противъ Онуфрія собралъ старецъ Ѳеодоръ Токмачевъ. На ней главными участниками были иноки: Ларіонъ, Александръ, Илія и много другихъ изъ монашескаго и мірскаго чина. Это собраніе происходило такъ: сначала послали къ Онуфрію и прочимъ его единомышленникамъ, чтобы они, отказавшись отъ мнѣній Аввакума, съ покаяніемъ обратились къ святой вѣрѣ; въ отвѣтъ же на это— черезъ присланнаго монаха Александра онуфріяне при-

глашали придти къ нимъ. По сему приглашенію, Ѳедоръ Токмачевъ съ множествомъ монаховъ и бѣльцовъ дѣйствительно и отправился къ нимъ. Пришли, и начали готовиться къ пренію; но прежде чѣмъ начаться имъ, Токмачевъ развернулъ копиі съ писемъ Аввакумовыхъ и хотѣлъ читать. Копіи эти писалъ нѣкто Поликарпъ, скитникъ, присутствовавшій тоже на сборищѣ. Онъ-то, не желая, чтобы оставалось въ чьихъ-либо рукахъ его писаніе, кинулся на Токмачева, вырвалъ изъ рукъ его тетради, и разорвалъ на куски. Произошелъ шумъ-гамъ, началась суматоха, и потомъ борьба. Пришедшіе на преніе раскольники и Токмачевъ, видя многочисленность толпы, приверженной къ Онуфрію,—видя нѣкоторыхъ изъ нихъ даже съ ружьями, направленными противъ нихъ, бросились опроретью бѣжать въ лѣсъ. Такъ бурно кончилось первое сборище.

Возвратившись домой, противники Онуфрія составили актъ этому событію и, съ подписью всѣхъ присутствовавшихъ, положили хранить въ скитахъ. Волненіе, произведенное керженскими скитниками, огласилось вскорѣ въ деревняхъ, и здѣсь раскольники становились или приверженцами Онуфрія, или его противниками. Споры керженскихъ скитниковъ изъ-за писемъ Аввакумовыхъ, и волненіе, произведенное ими, сдѣлались извѣстными и произвели немалое броженіе и между московскими раскольниками. По этому поводу здѣсь составилось собраніе, и по многомъ и долгомъ разсужденіи московскіе раскольники единогласно положили, что хорошо быть всѣмъ раскольникамъ въ мирѣ и согласіи, и что для примиренія враждующихъ единственное средство—отложить письма Аввакума, какъ несогласныя съ божественнымъ писаніемъ, не вѣровать въ нихъ, и „нигдѣ-же никому-же нимало не держать тѣхъ писемъ“. Все это разсужденіе московскіе раскольники заключили въ посланіе и послали, за подписомъ и свидѣтельствомъ многихъ, на Керженецъ къ „ски-

тотворцемъ священноиноку-пастырю Софонтію и первоначальнымъ отцѣмъ и добрѣ иночествующимъ Варлааму и Онуфрію и прочимъ святоживущимъ и благоподвижнымъ отцѣмъ и трудолюбивымъ братіямъ“, моля ихъ „Господа ради и Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ отложить письма Аввакума“, оставить великій мятежь и жить въ мирѣ и согласіи.

Но успѣха отъ этого увѣщательнаго посланія не было. Хотя многіе изъ приверженцевъ Онуфрія понимали его заблужденія, однако-же, держались ихъ, потому что Онуфрій имѣлъ большія связи съ раскольниками въ другихъ концахъ Россіи, чрезъ него пересылавшими подаванія Керженцамъ и предоставлявшими ему право распоряжаться всѣми приношеніями и милостями по его усмотрѣнію. Получивъ посланіе изъ Москвы, Онуфрій съ своими единомышленниками не отсталъ отъ Аввакумовыхъ писемъ и въ Москву отвѣчалъ уклончиво, ни похулилъ, ни одобрилъ писемъ, а только писалъ: „мы-де чести писемъ никого не понуждаемъ, кто не хочетъ и онъ не держи и писемъ-де никакихъ не рассылаемъ“. Но Онуфрій писалъ неправду: онъ и его единомышленники не только распространяли копіи съ писемъ, но товарищъ Онуфрія—Іерофѣй ходилъ даже по деревнямъ, по базарамъ, и тамъ то читалъ переписанныя имъ Аввакумовы письма, то проповѣдывалъ о нихъ на словахъ. Онъ-же составилъ на основаніи Аввакумовыхъ писемъ такъ называемые 25 пунктовъ. Тогда противная сторона, собравши всѣ рукописныя тетради Іерофѣевы и между прочимъ составленные имъ 25 пунктовъ, рѣшилась обличить его при свидѣтеляхъ. 25 января 1706 года керженцы собрали сходку. На нее призванъ былъ и Іерофѣй, который и началъ предъ собраніемъ читать свои 25 пунктовъ. Окончивъ чтеніе, Іерофѣй спросилъ собравшихся:

„Азъ сія писанія православны исповѣдаю быти, вы-же что нарицаете сія писанія?“

*

— „Что намъ много прѣтися,—отвѣчали раскольники, ты покажи намъ отъ Святого Писанія оправданіе, гдѣ писано есть о Святѣй Троицѣ, три существа равныя или три царя небесныя, и гдѣ писано—Богъ воплотился благостію и промысломъ кромѣ существа“, и проч.

Іерофѣй и его единомышленники вздумали прибѣгнуть къ извращенію смысла писанія, а когда увидѣли, что это имъ не помогаетъ, начали браниться и кричать: „вы невѣжи, не умѣете разсуждать писанія“.—„Мы не разсуждаемъ,—отвѣчала противная сторона, мы не разсуждаемъ писанія по своему разуму, но еже что видимъ въ божественномъ писаніи, тако и исповѣдаемъ...“ Долго, долго спорили съ Іерофѣемъ, но безъ успѣха, и такъ „разыдошася вси каждо во свояси“. Въ маѣ (21) того-же 1706 года составилась еще сходка, и еще разъ просили отложить спорныя письма Аввакума. Сообщники Іерофѣя упорствовали, выставляя на видъ, что „страдалецъ великъ писалъ тѣ письма“. Хотя Аввакумъ и многострадательный мужъ былъ, говорила имъ противная сторона, но въ писаніи его много хульныхъ рѣчей на православіе, и много толковали о неправославіи писемъ его. Іерофѣй-же съ своимъ единомышленниками не только не убѣждался, но, „яко змій лютый угрызая вся“, началъ ругаться, называть противную сторону еретиками Савеліянами, жидами и т. п. Долго убѣждали Іерофѣя показать изъ св. книгъ въ оправданіе своихъ 25 пунктовъ, дѣлали замѣчанія и обвиненія на Аввакумовы письма и просили отложить ихъ безусловно, но все было напрасно, и опять всѣ разошлись безъ всякаго успѣха. Между тѣмъ Онуфрій, упорствуя самъ въ отреченіи отъ Аввакумовыхъ писемъ, самъ вѣруя письмамъ его,—постоянно старался скрыть предъ народомъ сущность своихъ бредней и зловѣрія и разглашалъ чрезъ своихъ учениковъ, что онъ „отложилъ спорныя письма Аввакумовы и не чтеть ихъ, ниже вѣруеть по нимъ“. Хитрость была явная, и она не могла

укрыться отъ взоровъ противниковъ его убѣжденій. 27 апрѣля 1708 года къ Онуфрію въ келлію собрались раскольники и потребовали отъ него съ земными поклонами рѣшительнаго отвѣта объ Аввакумовыхъ письмахъ. Онуфрій отвѣчалъ имъ уклончиво. 16 іюня того же года противники Онуфрія, вытребовавъ у него письма Аввакумовы чрезъ Ѳедора Ѳедорова Полонянина, рѣшились рассмотреть ихъ, и для сего, собравшись въ келліи у матери Голодухи, рассмотрѣли письма, нашли въ нихъ „несогласныхъ рѣчей со святыхъ отецъ писаніемъ множества, и за то согласилися отложить тѣ письма“. Послѣ этого пошли къ Онуфрію въ келлію, чтобы усовѣстить его отложить тѣ письма за несогласіе ихъ Св. Писанію. Онуфрій упорствовалъ. Такимъ образомъ и эта сходка кончилась ничѣмъ. Ѳедоръ Ѳедоровъ Полонянинъ, руководившій этою сходкою, распустилъ ее съ словами „миръ вамъ, братіи о Христѣ“. Тутъ же случилось, между прочимъ, слѣдующее. Когда изъ келліи раскольники вышли на поляну, вслѣдъ за ними пошелъ и ученикъ Онуфрія, старецъ Арсеній. Арсеній вслѣдъ идущимъ говорилъ: „Я за три равныя существа умру,—у меня и огнемъ изъ души не выжжешь“. Раскольники разсердились на такое безуміе старца; а Ѳедоръ Полонянинъ, имѣя въ рукахъ вязовую дубину, погрозилъ ею Арсенію, говоря: „Безумнѣ, безумнѣ калугере обветшале деньми, какъ такую дубиною судія градской да станеть ты по бокамъ похаживать, такъ ты скажешь единую себя вѣру, либо трисущную, или единаосущную, а то стало тебѣ на волѣ такъ ты и бредишь что хочъ“.

Въ слѣдующемъ (1709) г. 6 октября, „по благословенію отца духовнаго священноинока Сафонія“, снова собрались старцы софонтіевскаго скита и многихъ другихъ окрестныхъ скитовъ, человѣкъ до 70, у старца Никодима, и послали къ Онуфрію съ требованіемъ, хочеть-ли онъ, чтобы къ нему пришли, или онъ къ

нимъ придетъ для духовнаго совѣта и для объясненія. Ученикъ Онуфрія, старецъ Паисій вышелъ къ посланному старцу Іосифу и объявилъ, что Онуфрія въ келліи нѣтъ, и что лучше если Никодимъ съ немногими отцами придетъ къ нему, Онуфрію, въ келлію. Никодимъ взялъ съ собою Варсонофія, Теофила, Іова, Селивестра и отправился къ Онуфрію. Послѣдній вышелъ къ нимъ на встрѣчу предъ келліею. Начался разговоръ о письмахъ Аввакумовыхъ. „Мы тѣ письма никогда не отложимъ“, говорилъ при этомъ Паисій, ученикъ Онуфрія. За такое противленіе скитники рѣшили отлучить Онуфрія и его послѣдователей отъ своей соборной церкви и отеческаго совѣта. На это отлученіе Онуфрій отвѣчалъ тѣмъ, что послалъ противъ своихъ судей приверженцевъ своихъ съ оружіемъ, съ пищалями, саблями. „И онъ старецъ Онуфрій накупилъ попа Пахнотовскаго съ братомъ, да бортниковъ челоуѣкъ съ десять, да послалъ съ ними двухъ старцевъ своихъ Арсенія да Моисея, да трехъ трудниковъ Архипа, да Стефана, да Якима. И они пришли на поляну къ отцу Никодиму съ оружіемъ, съ пищалями, и съ рогатинами и съ саблями и съ луками, и увидя они отцевъ... закричали и завопили великимъ крикомъ: Хватай, хватай, лови, лови!“ Эта выходка глубоко оскорбила и ожесточила всѣ десять Керженскихъ скитовъ,—и всѣ окончательно вооружились противъ Онуфрія. Составилась новая многочисленная сходка. Заправлялъ всею сходкою со стороны Онуфрія бѣлецъ Иванъ Ильинъ, съ противной-же стороны Никодимъ. Собраніе началось чтеніемъ символа вѣры, потомъ изъ Кирилловской книги вопросовъ и отвѣтовъ о вѣрѣ. Затѣмъ обѣ стороны отвѣчали: „какъ въ символѣ и въ книгѣ написано, тако вѣруемъ и исповѣдуемъ“; потомъ началось сличеніе спорныхъ писемъ Аввакума съ писаніемъ святыхъ отцовъ. Напрасно, однако, скитники убѣждали Онуфрія, доказывая отъ книгъ священнаго писанія, отложить неправыя

Аввакумовы письма,—онъ упорствовалъ. Споръ разгорался; скитники рѣшительнѣе начали изобличать Онуфрія, и многіе изъ учениковъ и послѣдователей его начали переходить на сторону противниковъ его. Иванъ Ильинъ предъ присутствующими разорвалъ письма Герофеевы. На другой день скитники опять пошли къ Онуфрію; угрозы, убѣжденія наконецъ подѣйствовали и на него; онъ согласился отложить письма и отказался отъ своего ученія. Самыя письма сожжены были предъ народомъ. Послѣ этого, старцы и бѣльцы всѣхъ скитовъ составили общее опредѣленіе, въ которомъ выражали, что „отвергаемъ и держати оныя (письма) всякому подѣ церковною клятвою запрещаемъ“. Съ своей стороны и Онуфрій написалъ и далъ собственную запись въ томъ, что онъ отложилъ письма, и чтобы впредь эти письма не нарицать правыми и по нимъ не мудрствовать.

Такъ, самый рьяный сторонникъ писемъ Аввакумовыхъ въ концѣ концовъ призналъ ихъ неправоту и отрекся отъ нихъ. Но и послѣ этого привязанность къ письмамъ Аввакума не исчезла въ приверженцахъ Онуфрія. Нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ, старецъ Арсеній и другіе, не устояли на письмѣ, данномъ Онуфріемъ, и опять стали защищать и проповѣдывать письма Аввакума. Въ 1717 году собралось послѣднее сборище скитниковъ, на которомъ Арсеній принужденъ былъ отказаться отъ писемъ Аввакума, какъ неправославныхъ. Вскорѣ составленъ былъ новый общій мировой свитокъ, который подписали девять керженскихъ старцевъ, и которымъ окончательно утверждалось отреченіе отъ Аввакумовыхъ писемъ, какъ содержащихъ въ себѣ много еретическихъ мыслей; съ тѣхъ поръ онуфріевщина въ Нижегородскомъ Заволжѣ начала мало-помалу исчезать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Преосвященный Питиримъ въ борьбѣ съ Нижегородскимъ расколомъ.

Въ первой четверти XVIII столѣтія замѣчательнымъ и энергичнымъ борцомъ противъ широко распространившагося раскола въ нижегородскихъ предѣлахъ является преосвященный Питиримъ, епископъ Нижегородскій. До него борьба съ расколомъ велась слабо и нерѣшительно.

Преосвященный Питиримъ (въ мірѣ назывался онъ Петръ) родился около 1665 г. во Владимірской губерніи. Родители его были раскольники. Еще въ дѣтскіе годы онъ, какъ и большая часть раскольническихъ дѣтей, выучился читать и писать. Жажда къ знанію побудила молодого Петра заняться чтеніемъ раскольническихъ сочиненій, въ которыхъ не было недостатка у тогдашнихъ раскольниковъ. Чѣмъ болѣе Петръ занимался чтеніемъ книгъ, тѣмъ болѣе возрастала въ немъ ревность по вѣрѣ, заставившая его оставить міръ и принять монашескій чинъ. Петръ удалился изъ своей родины на Вѣтку и здѣсь былъ постриженъ въ монашество. Недовольствуясь знаніемъ однихъ раскольническихъ сочиненій, Петръ, въ монашествѣ Питиримъ, сталъ изучать сочиненія православныхъ пастырей, творенія св. отцевъ церкви, церковную исторію и археологію. Это изученіе открыло Питириму всю несостоятельность раскольническихъ ученій, и онъ, изъ ревностнаго защитника раскола, какимъ былъ доселѣ, сдѣлался сильнымъ его противникомъ. Вслѣдствіе своихъ успѣшныхъ дѣйствій противъ раскольниковъ, Питиримъ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго и мѣстоблюстителя патриаршаго престола, Стефана Яворскаго, и ему „повелѣно было, указомъ отъ 28 сентября 1707 г., въ Балахнинскомъ и Юрьевецкомъ уѣздахъ всѣхъ раскольническихъ старцевъ и старицъ, и бѣглецевъ, и учи-

телей ихъ отъ расколу обращать и къ соединенію святыхъ, соборныхъ и Апостольскихъ Восточныхъ и Велико-россійскія Церкви приводить“. Получивъ такой указъ, Питиримъ съ большею ревностію занялся обращеніемъ раскольниковъ. Онъ безбоязненно ходилъ по деревнямъ и селамъ нынѣшнихъ уѣздовъ: Семеновскаго, Балахнинскаго и Юрьевецкаго съ проповѣдію православія. Много нужно было твердости духа со стороны Питирима, чтобы преодолѣть всѣ трудности и не пасть ревностію: непроходимость самихъ мѣстъ, недоброжелательство и всемѣрное противодѣйствіе расколоучителей не могли остановить дѣятельности Питирима; чего не могъ онъ сдѣлать словомъ увѣщанія, то пополнялъ писаніемъ, разсылая или раздавая обличительныя и увѣщательныя свои тетрадки. Въ 1712 году Питиримъ уполномоченъ былъ завѣдывать дѣлами раскола не только въ уѣздахъ Юрьевецкомъ и Балахнинскомъ, но и Нижегородскомъ, къ которому причислялась тогда и правая сторона рѣки Волги. Здѣсь главное вниманіе Питирима обратили на себя приверженцы діаконовщины.

Основателемъ этого поповщинскаго толка былъ діаконовъ Александръ. Онъ происходилъ изъ костромскаго прихода Нерехты и былъ сынъ посадскаго человѣка. Около 1702 года Александръ, имѣя 28 лѣтъ, числился діакономъ при церкви Владимірской Божіей Матери въ Нерехтѣ. Въ это время въ душѣ дьякона явилось сомнѣніе касательно истинности той вѣры, которой онъ держался, и церкви, служителемъ которой онъ былъ; и вотъ по какому случаю произошло это: однажды дьяконовъ читалъ печатную книгу временъ царя Михаила Ѳеодоровича или патріарха Іосифа, называемую „потребникъ иноческій съ моноканономъ“, и его вниманіе остановило въ этой книгѣ одно мѣсто, гдѣ полагается проклятiе „ересемъ отъ Яковитъ приходящимъ“,—и гдѣ между прочимъ читалъ онъ: „иже не креститъ двѣма

персты, якоже и Христось, да будетъ проклять“. Это мѣсто дьяконъ понялъ такъ, что здѣсь говорится о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія; а если такъ, думалъ онъ, то принятое церковію и заповѣданное всѣмъ христіанамъ правило креститься тремя перстами вовсе не согласуется съ прочитаннымъ имъ мнѣніемъ печатнаго иноческаго потребника. И вотъ онъ началъ размышлять и думать, но все это привело его еще къ большому недоумѣнію и запутанности. Для разрѣшенія возродившихся въ немъ мыслей дьяконъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ священнику своей церкви—Василью Ѳедорову, но въ отвѣтъ отъ него получилъ только то, что сего читать не слѣдуетъ. „Для чего-же де“? спрашивалъ Александръ и въ отвѣтъ на это получилъ, что читать сего „нынѣ не велятъ де, понеже старое есть“. Такіе отвѣты, разумѣется, не удовлетворили дьякона, и онъ еще болѣе началъ недоумѣвать и сомнѣваться, началъ даже скорбѣть и тужить, не находя возможности выпутаться и освободиться отъ тяготившихъ душу его мыслей. Такое состояніе продолжалось съ годъ. Спустя немного времени послѣ разговоровъ со своимъ попомъ Васильемъ Ѳедоровымъ, дьяконъ Александръ услышалъ однажды разговоръ соборнаго попа Василья Андреева съ другимъ священникомъ и прочими причетниками, разговоръ, происходившій въ воротахъ церковной ограды, гдѣ былъ и онъ самъ. Разговоръ касался современныхъ тогда вопросовъ изъ религіозной жизни православныхъ, говорили о „нововводимыхъ обычаяхъ, объ исправленіяхъ богослужебныхъ книгъ...“ Попъ Василій Андреевъ сказалъ между прочимъ: „что де латинская ересь есть что говорить трижды аллилуіа и потомъ—слава Тебѣ Боже, о чемъ де пишетъ Максимъ Грекъ...“, этимъ и заключилась бесѣда, и всѣ разговаривающіе разошлись, ничего не возразивъ противъ этого. Но это слово глубоко запало въ душу дьякона, уже склоннаго къ сомнѣ-

ніямъ. Услышавъ это, онъ еще болѣе усомнился въ православіи церковныхъ обрядовъ. Случилось дьякону послѣ этого читать въ церкви часословъ большой, напечатанный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ немъ увидѣлъ онъ, что по псалмѣ: „благослови душе моя Господа“, читаемомъ на вечерни, напечатано: „аллилуіа“ дважды и потомъ „слава Тебѣ Боже“. Это еще болѣе утвердило его въ сомнѣніи, и онъ уже началъ считать слова попа Василья Андреева за истинныя. Послѣ сего, не находя выхода своимъ недоумѣніямъ, Александръ началъ слезно наединѣ молиться чудотворному образу Богородицы, находившемуся въ церкви, чтобы она указала ему истинный путь. Такъ продолжалъ онъ дѣлать съ полгода. Въ это время случилось ему встрѣтиться съ одною старицею—по убѣжденіямъ раскольницею—Елисаветою, жившею нѣкогда въ одномъ изъ монастырей ярославскихъ. Носясь съ своими тяжелыми мыслями, питая и поддерживая ихъ, но не находя для нихъ никакого исхода, діаконъ не преминулъ, сошедшись съ старицею, разговориться и распространиться о своемъ сомнѣніи и недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ немъ. И старица вполне поддержала его сомнѣнія. Она открыла ему, что де нынѣ вѣра неправая, но на первый разъ подробно распространяться объ этомъ предъ діакономъ убоялась, подъ опасеніемъ наказанія. И спустя уже много дней сказала она ему подробно, какъ было при Никонѣ; и тутъ-же на вопросъ дьякона, желавшаго услышать отъ нея разъясненіе своихъ сомнѣній: гдѣ истинная вѣра — старица сказала: „что де истинная вѣра обрѣтается въ сокровенномъ мѣстѣ, а именно въ лѣсу, въ нижегородскихъ пустыняхъ“, и прибавила при этомъ: „и коли де хочешь спастись, то де туда поди“. Дьяконъ въ точности и послѣдовалъ сему совѣту: оставивъ все, продавъ домъ и вещи, ушелъ онъ тайкомъ въ зимнюю пору и свой путь направилъ къ Ярославлю. Въ Ярославлѣ на одномъ постояломъ дворѣ онъ встрѣ-

тился съ однимъ бродягою изъ пустынь керженскихъ лѣсовъ, старцемъ Кириакомъ, притворно-слѣпымъ, ибо онъ, какъ-бы ничего не видя, ходилъ, между тѣмъ, въ незнакомыхъ мѣстахъ безъ проводника и безъ всякаго претыканія. Этотъ старецъ по виду былъ сухой, съ постною фізіономією, въ худой одеждѣ, и всѣмъ этимъ сильно расположилъ къ себѣ дьякона. Александръ тотчасъ же сошелся съ старцемъ, разговорился съ нимъ, узналъ, кто онъ, и сталъ просить, чтобы тотъ взялъ его съ собою въ керженскіе лѣса. Старецъ обѣщалъ, но въ то же время объявилъ ему и о всѣхъ трудностяхъ въ пустынномъ житіи; но и посты, и неволя, и опасности отъ поисковъ, и работа тяжкая,—все было ни по чемъ діакону; и онъ рѣшился пожертвовать всѣми удобствами жизни, лишь-бы только найти мнимо-истинную вѣру. Въ присутствіи мнимо-слѣпого старца Александру вскорѣ ночью на одномъ постояломъ дворѣ случилось встрѣтиться съ другимъ керженскимъ старцемъ Іоною. Этотъ показался ему лучше перваго, онъ присталъ къ нему и вмѣстѣ съ нимъ на его-же лошадахъ отправился въ лѣса. Здѣсь съ годъ сначала жилъ онъ въ скитѣ вмѣстѣ съ Іоною, и въ это время учился всему раскольническому. Потомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, жилъ онъ въ разныхъ многихъ скитахъ по году и больше, находясь въ послушаніи у старцевъ. Около 1709 года поселился онъ въ скитѣ попа Лаврентія, гдѣ принятъ былъ какъ дьяконъ и допущенъ къ священнодѣйствию.

Живя на Керженцѣ, діаконъ Александръ успѣлъ заслужить уваженіе керженскихъ раскольниковъ и приобрѣлъ значительное надъ ними вліяніе. Вскорѣ вмѣстѣ съ попомъ Димитріємъ онъ сталъ управлять духовенствомъ керженскимъ, говорить о немъ Андрей Іоанновъ. Вліяніе его было настолько сильно, что онъ успѣлъ произвести раздѣленіе между поповщиною и образовалъ особый толкъ — діаконовскій. До діакона

Александра керженцы и вѣтковцы держались одинаковыхъ обычаевъ. Но діаконъ Александръ усмотрѣлъ нѣкоторые обычаи, не согласные съ обычаями предковъ, а именно: вѣтковцы перемазывали переходящихъ въ расколъ мѣромъ, свареннымъ для нихъ попомъ Θεодосіемъ, діаконъ отвергалъ этотъ обычай, какъ незаконный. Онъ училъ также почитать крестъ четвероконечный и ввелъ крестообразное кажденіе, т. е. онъ кадилъ однажды прямо, а въ другой разъ поперекъ, а не дважды прямо и въ третій разъ поперекъ, какъ кадили до него керженцы и вѣтковцы. Это свое кажденіе онъ вздумалъ употребить въ первый разъ въ 1706 г. въ день Богоявленія Господня. Но попытка его оказалась неудачною. Народъ возропталъ на „новокадильника“ и едва не лишилъ его жизни. Діаконъ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Неудача первой попытки не охладила нововводителя. Онъ продолжалъ стоять на своемъ. И вотъ, мало-по-малу, около него образовалась многочисленная партія.

Къ этимъ-то діаконовцамъ „Балахонскаго уѣзда, Чернораменскихъ лѣсовъ жителямъ—старцамъ Александру, Іосифу, Варсонофію, Герасиму и всѣмъ ихъ согласія, зовомаго діаконовщина, какъ монашескаго чина, такъ и мірскаго, какъ съ ними и окрестъ нихъ живущими, такъ во градѣхъ и въ уѣздахъ обрѣтающимися“ 1-го января 1716 г. Преосвященный Пителиръ послалъ 130 вопросовъ. Въ этихъ вопросахъ Пителиръ спрашивалъ „о ихъ діаконовцевъ состояніи“, и просилъ отвѣтить „съ показаніемъ достовѣрнаго писанія, коихъ ради винъ отодрались отъ единства Церкви, и что тая разумѣютъ въ насъ быти, ереси ли или расколы, и что они содержатъ, и како содержимое ими разумѣютъ быти, и творимое ими по коимъ святымъ правиломъ соборнымъ?“ Хотя неохотно, однакоже приняли вопросы Пителира діаконъ Александръ и другіе и обѣщались написать на нихъ отвѣты; но долго, долго подъ разными предлогами от-

тягивали подачу ихъ. Наконецъ 1-го августа 1716 года діяконовцы прислали Питириму письма и при этомъ своихъ 240 вопросовъ о вѣрѣ и преданіяхъ церкви православной, требуя, съ своей стороны, отвѣта на нихъ. Питиримъ благосклонно и снисходительно принялъ эти вопросы и обѣщался отвѣтить на нихъ въ скоромъ времени. И дѣйствительно, въ слѣдующихъ 1717 и 1718 годахъ Питиримъ не разъ увѣдомлялъ діакона Александра съ его единомышленниками, что у него отвѣты на ихъ вопросы уже готовы, и требовалъ, чтобы они явились съ своими отвѣтами и назначили бы мѣсто для совѣщаній и размѣны отвѣтовъ. Діаконовцы обѣщались, но въ то же время всячески старались отклониться отъ подачи отвѣтовъ, не имѣя между собою довольно свѣдущихъ людей для написанія отвѣтовъ. Избрали, впрочемъ, для этого дѣла старца Варсонофія, какъ бы болѣе опытнаго и свѣдущаго въ дѣлахъ, касающихся вѣры, исповѣдуемой раскольниками. Но боязнь ли своего пораженія, стыдъ ли за собственное неразуміе и мало-опытность отвѣчать на вопросы Питирима побудили его къ тому, что онъ пришелъ къ Питириму на рѣку Кезу и „просилъ его о томъ, что просятъ-де всѣ наши, чтобы отвѣтовъ къ тебѣ не отдавать“. Питиримъ, между тѣмъ, настоятельно требовалъ, чтобы отвѣты были поданы, и Варсонофій обѣщался. Однако, сознаніе невозможности отвѣчать удовлетворительно было сильно у Варсонофія,— и онъ всячески старался какъ бы отклонить отправку написанныхъ уже имъ отвѣтовъ къ Питириму. Объ этомъ сами діаконовцы донесли Питириму,—и послѣдній по усиленной просьбѣ Варсонофія оставилъ его въ покоѣ и уже не принуждалъ его къ выдачѣ отвѣтовъ; но въ то же время извѣстилъ другихъ расколоучителей, что, такъ какъ Варсонофій отказался отъ даннаго ими ему порученія, они сами похлопотали бы о составленіи отвѣтовъ и присылкѣ ихъ.

Между тѣмъ 23 марта 1719 года Питиримъ былъ

избранъ и хиротонисованъ во епископа Нижегородскаго, и дьяконовцы послѣ разныхъ оттягательствъ, видя невозможность уклониться уже болѣе отъ подачи отвѣтовъ, подали ихъ наконецъ Преосвященному въ маѣ того же года. Преосвященный, принявъ давно желаемые отвѣты, рѣшилъ разсмотрѣть ихъ гласно предъ собраніемъ народа; и „ради слышанія разглагольствія съ раскольщики діаконова согласія съ діакономъ Александромъ и прочими ихъ согласія“ повелѣлъ всѣмъ расколотымъ учителямъ Нижегородскимъ и „волостнымъ Керженскія и Дрюковскія волостей крестьяномъ“ собраться къ первому октябрю въ с. Пафнутово. Собрались. Преосвященный, совершивъ литургію въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, вышелъ изъ церкви въ полномъ облаченіи на площадку, приготовленную для этого, и, осѣнивъ крестомъ, обратился къ многочисленному собравшемуся народу съ рѣчью, гдѣ, между прочимъ, сказалъ: „Отцы и матери и вси православніи христіане! извольте смотрѣть. Азъ къ вамъ пришелъ никоего оружія не изнесъ къ устраненію васъ, но точію изнесъ общее наше христіанское оружіе, хранящее насъ, Святое Евангеліе и животворящій крестъ; и сего ради никто мене не бойтеса, и никоего страха не имѣйте. Азъ къ вамъ придохъ точію при всѣхъ при васъ съ діакономъ Александромъ вопросами и отвѣтами размѣняться..., и нынѣ мы при васъ съ ними размѣняемся отвѣтами... и о отвѣтахъ между собою съ нимъ поговоримъ, а вы смотрите и разсуждайте, кто будетъ изъ насъ правъ и кто виновать“. Всѣ собравшіеся старцы и старицы благодарили епископа за его снисхожденіе и милостивое обращеніе съ ними, и поклонились кресту и Евангелію. Затѣмъ Преосвященный всенародно размѣнялся отвѣтами съ дьяконовцами. Но при этой размѣнѣ Питиримъ, обличая всенародно неправые отвѣты раскольниковъ на его вопросы, требовалъ отъ нихъ праваго и прямого отвѣта на нихъ; но никто изъ діаконцевъ не рѣшался

выступить въ состязаніе съ Питиримомъ, ибо каждый чувствовалъ свою неспособность отвѣчать. Даже самъ дьяконъ не могъ дать никакого отвѣта на предложенный ему Питиримомъ вопросъ: „чего ради тако противу нашихъ вопросовъ отвѣчали неправо?“... „И во первыхъ отвѣщайте ми, спрашивалъ Преосвященный, обращаясь къ дьякону, о первомъ вашемъ отвѣтѣ“... Но Александръ молчалъ. Видя безотвѣтность его и желая скорѣе прекратить дѣло, выборный старецъ Варсонофій подалъ Преосвященному доношеніе, въ которомъ старцы—Александръ, Іосифъ, Варсонофій, Нафанаиль и Германъ собственноручными подписями свидѣтельствовали и сознавались, что „отвѣты, представленные ими Питириму, неправы, что и отвѣчать на вопросы Питирима не могутъ и что въ тѣхъ отвѣтахъ, какіе поданы, просятъ у Преосвященнаго прощенія“. Это донесеніе Преосвященный велѣлъ прочесть предъ всѣмъ народомъ. Затѣмъ опять онъ обратился къ дьякону и другимъ его единомышленникамъ съ просьбою правильно и прямо отвѣчать на его вопросы. Но они, поклонившись до земли, слезно умоляли болѣе ихъ не испытывать. Вмѣстѣ со старцами, приверженными дьякону, пали на землю и всѣ старцы и старицы, присутствовавшіе тутъ, и лежали не подымаясь; сколько ни уговаривалъ ихъ Преосвященный отвѣчать на вопросы,—они умоляли единственно о прощеніи;—и Преосвященный, съ совѣта своего клира, внявъ общей просьбѣ раскольниковъ всѣхъ согласій, оставилъ безъ испытанія и истязанія дьяконовцевъ и отпустилъ ихъ, видя ихъ безотвѣтность. Ту же безотвѣтность показали раскольники и другихъ скитовъ, когда Преосвященный обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ. Всѣ просили не принуждать ихъ къ отвѣтамъ,—и всѣ обѣщались никогда не вѣрять своимъ неправымъ отвѣтамъ. Такъ окончился споръ, и всѣ разошлись.

Но не всѣ сдержали данное слово епископу. Самъ дьяконъ Александръ, приложившій руку къ поданному

доношенію и словесно сознавшійся въ своей неправотѣ, самъ первый и измѣнилъ своему увѣренію. Вскорѣ же, послѣ своего всенароднаго посрамленія, онъ началъ увѣрять, что какъ самъ онъ, такъ и другіе старцы Іосифъ и Герасимъ приложили руки къ доношенію по-неволѣ, противу своей совѣсти и самое доношеніе подали изъ-за страху. „Не терпя мученія совѣсти“, Александръ бѣжалъ съ Керженца въ Москву и здѣсь получалъ извѣстіе, что Питиримъ, взявши съ собой Варсонофія, посылалъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Петербургъ по царскому указу. Это заставило его лично явиться въ Петербургъ и подать доношеніе Петру. Въ этомъ доношеніи онъ доказывалъ, что прежнее доношеніе Питириму подано было діаконьцами по принужденію, и потому оно не право, при этомъ онъ изъявлялъ желаніе навсегда остаться въ расколѣ и просилъ у государя милости и разсмотрѣнія. Ему дана была очная ставка съ Варсонофіемъ. Варсонофіи убѣждалъ его не отступаться отъ прежняго доношенія и отказаться отъ доношенія, поданнаго Петру. Но не за тѣмъ, какъ видно, діаконъ явился въ Петербургъ. Онъ не слушалъ Варсонофія и продолжалъ стоять на томъ, что отвѣты, о которыхъ онъ прежде говорилъ, что не правы,—на самомъ дѣлѣ отвѣты правые.

Въ виду такого упорства, діаконъ Александръ былъ подверженъ пыткѣ. И такъ какъ подъ пыткою онъ не отказался отъ прежняго своего доношенія, то „за клятвенное преступленіе“ его повелѣно было казнить смертію. Онъ былъ отправленъ въ Нижній и здѣсь, „по его царскаго величества указу“, при всенародномъ собраніи ему отсѣкли голову, а тѣло сожгли 21 марта 1720 года. Питиримъ и Варсонофіи возвратились въ Нижній.

Отвѣты Питирима на 240 раскольническихъ вопросовъ, отданные имъ раскольникамъ на собраніи 1719 г., были напечатаны въ 1721 г. подъ заглавіемъ: „Пращица противу вопросовъ раскольническихъ“. Книга эта разо-

слана по всѣмъ епархіямъ, какъ руководство къ православію.

Обличивъ всенародно неправду раскольническую, Питиримъ и послѣ этого не оставлялъ своего дѣла. Онъ ревностно продолжалъ трудиться на пользу Православія. Въ продолженіе своей „апостольской“ дѣятельности въ предѣлахъ Нижегородской области (отъ 1707 по 1739 г.) онъ почти совершенно очистилъ Нижегородскіе предѣлы отъ раскольниковъ. Въ теченіе 19-лѣтняго управленія Нижегородскою епархіею, онъ успѣлъ обратить отъ раскола къ православію около 80,000 человекъ, не считая тѣхъ, которые были обращены имъ, когда онъ былъ въ санѣ игумена и архимандрита. Изъ 94 скитовъ, находившихся въ лѣсахъ Чернораменскихъ и Керженскихъ, онъ не успѣлъ уничтожить только двухъ—въ Оленевѣ и Шарпанѣ.

Положительно можно сказать, что такое безпримѣрно быстрое обращеніе раскольниковъ совершалось единственно только вслѣдствіе неутомимой и энергичной дѣятельности Питирима, вслѣдствіе его знанія раскола и умѣнья обращаться съ раскольниками. Дѣйствуя на раскольниковъ словомъ и убѣжденіемъ, онъ способствовалъ обращенію ихъ и другими мѣрами. Онъ строилъ монастыри въ тѣхъ мѣстахъ, которыя болѣе другихъ были населены раскольниками. Таковы построенные имъ Кержебѣльмашскій Успенскій монастырь, Троицкій Бѣльмашскій и Рождественскій на р. Санахтѣ. Съ подобною же цѣлію — содѣйствовать успѣху обращенія раскольниковъ, Питиримъ Спасораевскій мужской монастырь, окруженный раскольниками, замѣнилъ женскимъ, населивъ его обращенными отъ раскола инокинями. Эта мѣра Питирима показываетъ въ немъ знатока не только раскола, но и человѣческаго сердца, — знатока, который умѣлъ находить лучшія и болѣе вѣрныя средства къ обращенію раскольниковъ. Женщины всегда и вездѣ религіознѣе мужчинъ. И если онѣ принимаютъ къ сердцу

истины религіи,—онѣ бывають устойчивѣе въ храненіи этихъ истинъ; ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ мужчинъ, разувѣрить въ томъ, чему онѣ твердо вѣрятъ, потому что ихъ религіозность есть дѣло чувства, которымъ онѣ исключительно живутъ, и живутъ, не анализируя своего чувства. Уничтожить завѣтное вѣрованіе сердца женщины, значить уничтожить основу ея жизни. А человеку весьма естественно бороться за то, что составляетъ его лучшее утѣшеніе въ жизни, или, лучше, сущность его жизни. Принявъ на вѣру, сердцемъ, извѣстную религіозную истину, женщина становится жаркою ея защитницею и проповѣдницею. Такія проповѣдницы особенно нужны были Питуриму. Ему особенно нужны были помощники при обращеніи скитскихъ жителей, большинство которыхъ составляли женщины. Поселенныя среди раскольниковъ, обращенныя инокини могли явиться лучшими распространительницами религіозныхъ истинъ, могли быть ревностнѣйшими помощницами въ борьбѣ Питурима съ расколомъ. Эта цѣль, конечно, и побудила его перевести обращенныхъ инокинь въ среду раскола. Кромѣ этихъ мѣръ къ обращенію раскольниковъ, Питуримъ употреблялъ и другія. Такъ, онъ оказывалъ матеріальное вспомоцествованіе тѣмъ изъ обращающихся въ православіе, которые особенно въ немъ нуждались. Если кто изъ обратившихся отъ раскола не могъ пропитываться, то его содержали при Архіерейскомъ домѣ или монастыряхъ. Такихъ было много; и потому положено было каждому новообращенному, проживавшему въ монастырѣ, особенно изъ женскаго пола, давать въ годъ по пяти рублей изъ сборныхъ раскольническихъ денегъ. При такомъ покровительствѣ, многіе изъ обратившихся сами содѣйствовали распространенію принятаго ими православія.

Съ цѣлью содѣйствовать просвѣщенію, а вмѣстѣ и искорененію раскола, Питуримъ основалъ въ Нижнемъ двѣ грамматическія школы: еллино-греческую и славяно-

россійскую. Онъ самъ изыскивалъ и средства къ ихъ содержанію. На пропитаніе учениковъ этихъ школъ Питиримъ собиралъ съ монастырей 20-ю, а съ церковей 30-ю долю каждаго приплоднаго хлѣба, согласно съ постановленіемъ Регламентъ. Когда недоставало этихъ средствъ, онъ отдѣлялъ часть доходовъ изъ своего архіерейскаго дома.

Ревность преосвященнаго и успѣшныя дѣйствія проливъ раскола были такъ несомнѣнны, что вѣдѣнію его были поручены слѣдующіе города и мѣста, гдѣ свирѣпствовалъ расколъ: — Ярополчъ, Гороховецъ, Арзамасъ, Юрьевецъ-Поволжскій, слобода Вязниковская, Галицкій уѣздъ и др. Въ 1732 г., еще за шесть лѣтъ до своей кончины, преосвященный Питиримъ имѣлъ радость видѣть, что число записныхъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи сократилось болѣе, чѣмъ на половину, и что въ Чернораменскихъ лѣсахъ скитниковъ оставалось около 2000 того и другого пола, тогда какъ въ 1716 г. ихъ было свыше 8,000 человекъ. Смерть преосвященнаго († 8 мая 1738 г.) была крупной утратой для православныхъ и торжествомъ для раскольниковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Состояніе раскола въ Нижегородскихъ предѣлахъ по смерти Питирима до 50-хъ годовъ XIX ст.

При епископѣ Питиримѣ расколъ въ Нижегородскихъ предѣлахъ потерпѣлъ сильное пораженіе. Къ концу жизни Преосвященнаго уже не видно, чтобы отсюда высылались попы во всю Россію для богослуженій, какъ было прежде; здѣсь уже не могли ходить безпрепятственно чернецы, монахини и люди всякаго званія и возраста, — ходить толпами по городамъ, селамъ и деревнямъ и проповѣдывать свое ученіе. Они по большей части бѣжали за границу, или же на Вѣтку и въ Сибирь; многіе переправлялись за рѣку Усту и на Мстіарь рѣку;

Казанской губерніи. Чтобы понять, какъ велики были эти побѣги, достаточно сказать, что изъ Нижегородскихъ келейныхъ раскольниковъ—Керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ съ 1719 по 1762 годъ—въ 43 года ушло за границу семь восьмыхъ всего населенія.

Наступившее царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны было неблагопріятно для раскольниковъ. Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, дѣйствовала по отношенію къ нимъ въ духѣ отца своего. Оставивъ во всей силѣ мѣры Петра, она, съ своей стороны, не прибавила почти ничего новаго къ законодательствамъ относительно раскольниковъ. Раскольники по прежнему должны были платить двойной окладъ, носить указанное платье, не называться старовѣрцами, не совращать православныхъ въ расколъ и проч. Вслѣдствіе строгости Елизаветы къ раскольникамъ, они во всемъ приравняли ее Петру. „Сему же (т. е. Петру) подобится и дочь того Петра—Елизавета“, говорили раскольники. По причинѣ строгихъ мѣръ Елизаветы, они не признавали ее отраслю благочестивыхъ русскихъ царей*). Раскольники говорили, что „она не прямая царица... а что настоящій законный царь есть Иванъ Антоновичъ, отрасль благочестиваго царя Иванъ Алексѣевича, за котораго стрѣльцы стояли и головы свои за него сложили“, по той причинѣ, что царь Иванъ Алексѣевичъ будто бы былъ старообрядецъ**). Разумѣется, что подобные толки, доходя до Императрицы, еще болѣе вооружали ее противъ раскольниковъ. Ихъ ловили и строго наказывали. Такъ, въ 1741 г. трое керженскихъ келейныхъ жителей за такія разглашенія были биты кнутомъ съ вырваніемъ ноздрей и сосланы въ Нерчинскъ на горные заводы. Чтобы избавиться отъ преслѣдованій, раскольники или сожигались, или бѣжали за границу, или же подкупали

*) Есиповъ Раск. д. ч. I, стр. 45—7.

***) Мельниковъ Ист. поп. стр. 75—76, примѣч.

самихъ судей и священниковъ, которые и выдавали ихъ за православныхъ.

Съ воцареніемъ Петра III отношенія правительства къ раскольникамъ измѣнились. Петръ III рѣшился отмѣнить строгія мѣры Петра I и Елизаветы по отношенію къ раскольникамъ. Онъ издалъ указъ, которымъ повелѣвалось, „чтобъ раскольникамъ въ содержаніи закона по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ ни отъ кого возбраненія не было“. Раскольники обрадовались, видя такое снисхожденіе къ себѣ верховной власти. Теперь они уже не думали укрываться,—напротивъ, сами стали жаловаться на своихъ притѣснителей. Такъ, въ 1762 году Нижегородскіе раскольники подали въ сенатъ жалобу на притѣсненія, чинимыя имъ духовными правленіями при взносѣ раскольническихъ денегъ. Вслѣдствіе такой жалобы, Петръ III опредѣлилъ послать въ Нижегородскую губернію чиновника для опекуства надъ раскольниками, — въ защиту отъ притѣсненій и обидъ, чинимыхъ раскольникамъ духовными правленіями, и повелѣлъ вносить опредѣленные деньги за расколъ прямо въ Москву, въ раскольническую контору, помимо духовныхъ правленій. Скорая смерть воспрепятствовала Петру издать другіе указы относительно раскольниковъ.

Императрица Екатерина II, вступивъ на престолъ, продолжала дѣйствовать въ духѣ своего предшественника. Ея законодательство относительно раскольниковъ отличается и терпимостію, и снисходительностію. При ней раскольники, мало по малу, начали получать гражданскія права, отнятыя у нихъ ея предшественниками. Такъ, она даровала сначала льготы раскольникамъ, возвращавшимся изъ-за границы,—именно освободила отъ всякихъ податей и работъ тѣхъ изъ нихъ, которые до 4 декабря 1762 года бѣжали изъ Россіи; всѣмъ раскольникамъ предоставила право носить бороды и неуказное платье, избрать родъ жизни, какой они пожелаютъ; упразднила раскольническую контору и предоставила

право свидѣтельства въ судѣ, „буде они люди неподозрительные“. Съ 1782 года раскольники были уволены отъ двойного оклада и сравнены въ этомъ отношеніи съ православными; наконецъ, въ 1785 г. дозволено было выбирать раскольниковъ въ общественныя должности. Послѣднее постановленіе имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что раскольники начали селиться въ большихъ городахъ, что прежде для нихъ было довольно затруднительно; образовали въ нихъ организованныя общины и захватили въ свои руки промышленность и торговлю. Расколъ, получивъ право гражданства, началъ усиливаться болѣе и болѣе. Нижегородская губернія, по прежнему, сдѣлалась центромъ, гдѣ расколъ сосредоточился по преимуществу. Занявъ лучшія торговыя мѣста въ губерніи, устроившись въ городахъ и селахъ при судоходныхъ рѣкамъ Окѣ и Волгѣ и при торговыхъ дорогахъ, раскольники Нижегородскіе, при своемъ умѣньи вести торговыя дѣла, начали богатѣть, мало по малу прибирать въ свои руки мѣстную промышленность и торговлю,—вести торговыя сношенія съ купцами другихъ губерній,—и чрезъ то приобрѣтать себѣ послѣдователей. Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ распространенію раскола всегда была и есть торговля. Раскольники—купцы, разѣзжая по разнымъ мѣстамъ Россіи, никогда не опускали и не опускаютъ случая сманить слабодушнаго бѣднаго крестьянина, раззорившагося мѣщанина, банкрота купца (своего собрата) въ расколъ, обѣщая имъ всевозможныя житейскія выгоды. Къ тѣмъ же средствамъ, для распространенія и усиленія раскола, прибѣгали во второй половинѣ XVIII вѣка и Нижегородскіе раскольники-богачи. Въ ихъ рукахъ сосредоточены были многія отрасли мѣстной торговли и вообще предметы мѣстной промышленной производительности, каковы на примѣръ, судостроеніе, дѣланіе посуды, пряденіе льна, производство желѣзныхъ и стальныхъ издалій и т. п. Бѣдные кре-

стьяне, нанимаясь къ богачамъ-раскольникамъ въ работники, или же поступая къ нимъ на фабрики и заводы, иногда поневолѣ вынуждены были усваивать раскольническія заблужденія и покидать православіе *).

Изъ мѣстныхъ раскольническихъ общинъ въ концѣ прошлаго столѣтія замѣтно возвысилась по вліянію на другія общины и мѣста не только въ Нижегородской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ, община бѣглопоповскаго согласія въ Городцѣ съ своею часовнею. Часовня эта основана почти одновременно съ Московскимъ Рогожскимъ кладбищемъ, въ 1771 г., и едва ли не по тому же случаю, т. е. по случаю моровой язвы, опустошавшей тогда и Нижегородскую губернію. Чтобы придать болѣе важности своей часовнѣ, раскольники начали всюду разглашать, что часовня построена на мѣстѣ Феодоровскаго монастыря, разореннаго въ XIII столѣтіи татарами**), и именно на мѣстѣ келліи, гдѣ скончался В. К. Александра Невскій; что въ этомъ монастырѣ была чудотворная икона Феодоровскія Богоматери***), находящаяся нынѣ въ Костромѣ, — икона, которая будто-бы приходила изъ Костромы въ часовню и плакала о своемъ заточеніи въ „Никоніанскую церковь“. Будетъ время, разглашали раскольники, когда „православіе“ (расколъ) восторжествуетъ надъ „Никоніанствомъ“, и тогда эта

*) Раскольники-богачи всегда живутъ съ своими рабочими изъ раскольниковъ за панибрата, кормятъ за однимъ столомъ съ собою и, въ случаѣ нужды, помогаютъ имъ, а православныхъ обсчитываютъ, держатъ себя съ ними гордо; и кормятъ изъ особой посуды, которую считаютъ поганою.

**) Феодоровскій монастырь существуетъ и теперь, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ основанъ Благовѣрнымъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ въ 1164 г., и въ которомъ, послѣ разоренія онаго Батыемъ въ 1239 году, спустя 24 года (въ 1263 г.) обрѣлъ послѣднее упокоеніе св. Благовѣрный великій князь Александръ Невскій.

***) Списокъ съ нея и теперь находится въ Феодоровскомъ монастырѣ.

самая икона чудеснымъ образомъ пойдетъ по небеси и станетъ на мѣстѣ святѣ, т. е. въ Городецкой часовнѣ; тогда-то откроются мощи Великихъ Князей, которыя теперь свѣтятся на горѣ Оползинѣ; увѣряли также, что сама императрица Екатерина, проѣздомъ въ Казань *), останавливалась въ этой часовнѣ, молилась въ ней и будто бы дала жалованную грамоту, по которой никто не можетъ и не долженъ разрушать эту часовню. Нашлись легковѣрные, которые повѣрили этимъ разглашеніямъ, и слава Городецкой часовни разнеслась далеко. У ней явились прихожане не только изъ Нижегородской губерніи, но и изъ окрестныхъ губерній—Владимірской и Костромской. Попы, жившіе въ зданіяхъ часовни, совершали всѣ требы для приходившихъ: крестили, исповѣдывали, приобщали, совершали браки и погребенія. Особенно многочисленны были собранія въ часовнѣ въ великій постъ. Въ это время собирались сюда бѣглые попы изъ окрестностей для исправленія требъ у стекавшагося народа; привлекаемые многолюдствомъ, стремились сюда уставщики, монахи, монахини и схимонахини; бѣглые и безпаспортные всякаго рода шли сюда за сборомъ подаяній, или же для того, чтобы кормиться на чужой счетъ. Само собою разумѣется, что большое число прихожанъ этой часовни увеличивало и матеріальныя ея средства. Благодаря этой часовнѣ, Городецъ сдѣлался для Заволжья тѣмъ же, чѣмъ было Московское Рогожское кладбище для всей поповщины, такъ что по этому случаю составила поговорка: „что положить на Рогожѣ, на томъ станетъ Городецъ, а на чемъ Городецъ, на томъ и Керженецъ“. Старая Городецкая часовня, деревянная, сгорѣла въ 1894 г. На мѣстѣ ея нижегородскими раскольниками-богачами устроена

*) Въ 1767 г. Екатерина дѣйствительно была въ Теодоровскомъ монастырѣ, слѣдовательно прежде, чѣмъ построена была Городецкая раскольническая часовня.

новая каменная; при ней есть школа и пріютъ для престарѣлыхъ.

Съ 1764 года, когда, по указу Императрицы Екатерины, генераль Масловъ раззорилъ Вѣтку и вывелъ оттуда до тридцати тысячъ старообрядцевъ, въ Заволжьѣ снова начинаютъ возникать скиты,—эти притоны для раскольническихъ поповъ, уставщиковъ и бѣглыхъ разнаго рода. Хотя выведеннымъ раскольникамъ и назначены были для поселенія особыя мѣста, однако, не всѣ вышедшіе съ Вѣтки поселились на отведенныхъ имъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ убѣгали съ дороги и избирали себѣ жительства по произволу. Естественно, что бѣглецы эти избирали себѣ такія мѣста, гдѣ удобнѣе можно было укрываться отъ надзора правительства. Глухіе лѣса Чернораменскіе и Керженскіе были такими вождедѣльными для раскольниковъ мѣстами. Раскольникамъ памятна была прежняя привольная жизнь въ этихъ мѣстахъ; естественно, что многіе изъ нихъ устремились въ знаменитые прежде (еще до Питирима) лѣса Чернораменскіе и Керженскіе и основали здѣсь многочисленныя скиты, на мѣсто прежнихъ, уничтоженныхъ епископомъ Питиримомъ. Изъ скитовъ основанныхъ этими выходцами, по своему многолюдству и значенію наиболѣе замѣчательны были Комаровскій, Улангерскій и Чернушинскій—бѣглопоповскаго согласія, Липовскій—безпоповщинскаго поморскаго согласія, Быстринскій—спасова согласія; были также въ славѣ и два старинныя поповщинскіе скита—Оленевскій и Шарпанскій. Среди названныхъ скитовъ особенно выдавался скитъ Комаровскій, находившійся въ 25 верстахъ отъ города Семенова, а отъ Нижняго-Новгорода верстахъ въ 60, близъ деревни Елфимовой, на лѣвой сторонѣ по теченію р. Волги. Онъ основанъ раскольникомъ, прозывавшимся Комаромъ, пришедшимъ на Керженецъ изъ Тверской губерніи. Этотъ скитъ былъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ и многолюдныхъ. Въ немъ было множество отдѣленій, такъ на-

зываемыхъ обителей, гдѣ жили отдѣльно или мужчины, или женщины. Такихъ обителей насчитывалось въ Комаровскомъ скиту до 20; а живущихъ въ нихъ женщинъ или по раскольнически монахинь была до 500, и столько же послушницъ; мужчинъ, живущихъ въ своихъ обителяхъ, называемыхъ обыкновенно монахами, было до 50 и болѣе, да до сотни человекъ послушниковъ. Кромѣ того при каждой обители здѣсь находились домики или кельи, гдѣ проживали вмѣстѣ мужья съ своими женами и дѣтьми. Въ одной изъ мужскихъ обителей Комаровскаго скита, въ которой въ половинѣ прошлаго вѣка былъ настоятелемъ старецъ Ефремъ, жилъ Иона Курносый, замѣчательный у раскольниковъ писатель поповщинскаго толка, — одинъ изъ жаркихъ приверженцевъ поповщинскаго ученія „перемазыванія“, и на Московскомъ поповщинскомъ лже-соборѣ, бывшемъ въ 1779 году, гдѣ окончательно утверждено это ученіе, крѣпко стоявшій за него. Онъ написалъ для этого собора „Исторію о бѣгствующемъ священствѣ“, гдѣ старался доказать обычай раскольниковъ, чтобы приходящихъ отъ Велико-россійской церкви принимать вторымъ чиномъ, т. е. посредствомъ мѣропомазанія, — и много другихъ сочиненій. Его же сочиненіе: „Письмо соборнаго старца, первѣйшаго во время собранія или соборованія о нужнѣйшихъ случаяхъ засѣдателя“, — писано было къ заводскимъ старообрядцамъ, т. е. къ ушедшимъ съ Керженца и поселившимся на Уралѣ, на заводахъ Демидова (Нижнетагильскомъ и др.), гдѣ нѣкоторое время жилъ и самъ Иона. Иона Курносый считается у Керженскихъ раскольниковъ праведнымъ; на его могилѣ растетъ большая ель, называемая Иониною елью; стволъ ея весь изгрызенъ. Суевѣрные раскольники приходятъ на могилу, поютъ здѣсь „канонъ единоумершаго“, и молятся. Особенно много ходитъ сюда больныхъ зубами. Приписывая „Иониной ели“ силу чудотворенья, раскольники грызутъ ее и, какъ увѣряютъ, исцѣляются отъ

боли. Послѣ старца Ефрема, Иона сдѣланъ былъ настоятелемъ одной изъ обителей Комаровскаго скита, которая съ того времени стала называться, по имени его Иониною, какъ именами настоятелей назывались и другія обители. Послѣдній настоятель Иониной обители былъ старецъ Павелъ, умершій въ 1832 году. Оставаясь ради житейскихъ выгодъ настоятелемъ раскольнической обители, Павелъ въ то же время былъ тайно православнымъ. По духовному предъ смертію завѣщанію его всѣ строенія и движимое имущество обители, оффициально значившіяся частною его собственностію, завѣщаль онъ церкви села Пафнутова и тамошнему священнику—своему духовнику. Оставшіеся монахи и бѣльцы, въ числѣ 8 чловѣкъ, по смерти Павла, разошлись по сторонамъ. Старая большая деревянная часовня съ колокольнею, построенная еще Ионою, и ветхія деревянные келіи со службами оставлены были безъ всякаго призора, и постепенно разваливались. Въ 1850 г., въ нихъ уже опасно было ходить, и ихъ сломали. Въ началѣ сороковыхъ годовъ было намѣреніе устроить здѣсь женскую единовѣрческую общину или монастырь, но по недостатку денежныхъ средствъ это предположеніе не состоялось.

Въ послѣдующее время (въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст.) состояніе раскола поповщинской секты въ Нижегородской губерніи не представляло ничего особеннаго. Новые „жизненные вопросы“ поволжскому раскольничьему населенію задала лишь Бѣлокриницкая іерархія, возникшая, „за рубежомъ“ въ 1846 году.

„Исполненные душевнымъ голодомъ, при великомъ оскуденіи священнаго сана“, раскольники, недовольные бѣглыми попами, „безпросьшными пьяницами“, стали подумывать о томъ, какъ бы учредить имъ собственную іерархію. Въ виду этого еще въ 1832 году въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ собрался раскольничій соборъ. Въ немъ приняли участіе и Керженскіе, и Чернораменскіе скиты. Старецъ Илія Улангерскій да отецъ Пафну-

тій, Керженскаго Благовѣщенскаго монастыря строитель и настоятель,—были послами отъ нихъ. По общему соглашенію раскольниками было рѣшено: „искать архіерејство и утвердить владычній столъ въ коемъ-либо зарубежномъ городѣ“. Но этому рѣшенію не суждено было осуществиться. Попечители Рогожскаго кладбища вскорѣ извѣстили заволжскихъ поповцевъ, что „дѣяніе“ Московскаго собора 1832 г. они „яко не бывшее вмѣнили“. И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ, та же Москва сообщаетъ Керженскимъ и Чернораменскимъ скитамъ, что „прозябшій отъ двухъ столѣтняго мрака корень освященія (сирѣчь архипастырство) возстановленъ, и церковь Христова полнымъ чиномъ іерархіи украшена. Въ зарубежной Бѣлой Криницѣ (въ Австріи) водворился митрополитъ всѣхъ древне-православныхъ христіанъ киръ Амвросій“. Дѣло было сдѣлано въ великой тайнѣ. О немъ знали и принимали участіе въ немъ только самые сильные и надежные богачи-раскольники: батюшка Иванъ Матвѣичъ * Рахмановы, Соколовы, Свѣшниковы, жившіе въ Москвѣ, Громы, Дрябины, Боровковъ и др.—питерскіе.

Какъ только учредилась Бѣлокриницкая іерархія московскіе поповцы послали за рубежъ австрійскій своего посла за муромъ. Съ большими опасностями и всякими приключеніями ему пришлось выполнить это порученіе, но муро все-таки было привезено въ Москву. Въ то же время на Руси открыта была епископская кафедра въ Симбирскѣ. Епископомъ былъ посвященъ Софроній.—Обстоятельства его посвященія бросаютъ густую тѣнь какъ на его самага, такъ и на Бѣлокриницкую митрополию. Софроній въ міру назывался Степаномъ Трифоновымъ Жировымъ. Онъ держалъ въ Москвѣ постоялый дворъ, но главнымъ его ремесломъ была тор-

*) Бѣглый пощъ, по фамиліи Ястребовъ, жившій на Рогожскомъ кладбищѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ старообрядцевъ.

говля бѣглыми попами и фальшивыми деньгами. По обязанностямъ своего ремесла, Жировъ легко узналъ, что „московскіе старообрядцы соборнѣ уложили особаго для Россійской державы епископа получить, потому что въ Австріи смуты да войны настали“. Опасались они того, чтобы іерархія снова „не порѣшилась,“ и „не остаться бы имъ безъ архіерейства.“ „Покамѣсть на Рогожскомъ судили да рядили, кого послать за архіерействомъ, Степанъ Трифоновъ не будь плохъ, да съ чернымъ попикомъ (іеромонахомъ) и махни за границу“. „Если, думаетъ онъ, отъ развоза поповъ добрыя деньги въ мощну перепадали, отъ епископа непримѣръ больше получить ихъ можно“.—Въ Бѣлой Криницѣ онъ былъ принятъ радушно. Слухи о желаніи московскихъ старообрядцевъ имѣть своего архіерея сюда уже дошли. Сверхъ того, въ пользу Жирова много говорили письма, которыя онъ привезъ изъ Россіи. Но привезенный имъ попъ оказался недостойнъ епископскаго сана. За нимъ нашлись такіе грѣхи, что „не то чтобъ епископомъ—въ попахъ-то быть не годится“. Затрудненіе Степана Трифорова разрѣшилось самымъ неожиданнымъ образомъ: ему самому предложили быть архіереемъ, на что онъ съ неподдѣльною радостью и согласился. На другой-же день постригли его во иночество, Софроніемъ нарекли, въ дьяконы поставили, на завтра въ попы, послѣ завтра въ епископы. Такъ его въ трое сутокъ и обмотали. На четвертыя домой архіерей отправился. Изумилась Москва, „узнавши, какой въ ней святитель проявился,“ и не долго терпѣла его. По ея просьбѣ, для Россіи былъ назначенъ другой епископъ, учреждена другая іерархія, Владимірская. Таковы обстоятельства возникновенія Бѣлокриницкой іерархіи и появленія двухъ старообрядческихъ кафедръ Австрійскаго священства.

Слухи о новой іерархіи и новоучрежденныхъ двухъ кафедрахъ произвели въ Заволжскомъ раскольничьемъ мірѣ сильную сенсацію. Здѣшніе скиты не вдругъ со-

гласились принять австрійское священство. „Много было противностей отъ слабыхъ совѣстей, много было и шатости“. Наконецъ по поводу австрійской іерархіи назначено было общее собраніе всѣхъ скитовъ.

Вотъ какъ происходило это собраніе по описанію П. И. Мельникова (Печерскаго) въ его романѣ „Въ Лѣсахъ“. Мѣстомъ собранія—избранъ былъ Комаровскій скитъ, во главѣ котораго стояла обитель игуменіи Манеены *); временемъ—годовой праздникъ этого скита,—день св. апостоловъ Петра и Павла.

„Самую пеструю и оживленную картину представлялъ Комаровскій скитъ въ этотъ день. Еще наканунѣ по всѣмъ дорогамъ потянулся къ нему разнообразный людъ. „Во всѣхъ сиротскихъ домахъ пристало гостей видимо-невидимо. Съ вечера изъ ближнихъ и дальнихъ деревень христороубцы на праздникъ сошлись. Лежали, опотивъ вокругъ часовни на широкомъ дворѣ обительскомъ. „Ложе—трава муравая, одѣяло—темная ночь,—брачный пологъ—звѣздное небо“. Въ самый праздникъ, послѣ службы и обширнаго обѣда соборъ открылъ свое засѣданіе. Келарня Манеиной обители была приготовлена приличнымъ случаю образомъ. По срединѣ ея былъ поставленъ столъ, крытый краснымъ кумачомъ. На немъ положено служебное Евангеліе (въ окладѣ), большой серебряный крестъ на покрытомъ пеленою блюдѣ, съ одной стороны Евангеліе и Кормчая книга, съ другой „десятка полтора другихъ книгъ въ старинныхъ, почернѣвшихъ отъ времени переплетахъ, положены были по разнымъ мѣстамъ стола“.

Московскій посолъ открылъ соборъ чтеніемъ посланія отъ Московскаго Общества старообрядцевъ на Керженецъ. Посланіе оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о самой

*) Происходившее въ Комаровскомъ скиту въ ром. Мельникова (Печерскаго) «Въ Лѣсахъ» надо относить къ Оленьевскому скиту; Манеена—въ дѣйствительности игуменья Маргарита одной изъ обителей послѣдняго скита.

Бѣлокриницкой митрополіи и говорилъ только объ учрежденіи архіерейской кафедрѣ въ Россіи. Вслѣдъ за привѣтствіемъ отъ Бѣлокриницкихъ іерарховъ и отъ Московскихъ раскольниковъ, Василій Борисычъ (имя Московскаго посла) читаетъ о дѣйствіяхъ новоучрежденной (Бѣлокриницкой) іерархіи въ Россіи. Митрополитъ Бѣлокриницкій киръ Кирилль *) и намѣстникъ митрополіи Онуфрій (епископъ браиловскій), помощь желая сотворить всѣмъ въ Россійской державѣ пребывающимъ древне-православнымъ христіанамъ, столь изнемогшимъ въ правленіи духовныхъ чиновъ, по совѣту всего освященного собора рукоположилъ во епископа на Симбирскую епархію господина Софронія, но Софроній, бывъ въ высшемъ духовномъ чинѣ, не устыдился ради своей корысти вступати въ торги, но и разными безчестными и презрительными занятіями собиралъ себѣ тлѣнное богатство, даже освященныя имъ церковныя вещи, какъ-то антимины, одиконы и прочія продавалъ.

Тогда ради церковнаго устроенія, по прошенію древле православныхъ христіанъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по инымъ градамъ и весямъ Россійскія державы пребывающихъ, господинъ митрополитъ Кирилль, по совѣту освященного собора, рукоположилъ во архіепископы богоспасаемаго града Владиміра и всея Россіи киръ Антонія, и сему Антонію архіепископу благословилъ поставить себѣ въ помощь еще двухъ епископовъ, а по надобности и болѣе, донося о каждомъ постановленіи митрополиту. Въ заключеніе Московскіе старообрядцы просятъ, молятъ, и братолюбно совѣтуютъ пріяти преосвященнаго архіепископа киръ Антонія и ему во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ повиноваться.

По окончаніи чтенія, — только одинъ разъ прерван-

*) Первый Бѣлокриницкій Митрополитъ Амвросій занималъ кафедру только одинъ годъ. Въ 1847 г., онъ долженъ былъ оставить ее, послѣ чего она была занята его намѣстникомъ Кирилломъ.

наго заявленіями неудовольствія и отрицанія при про-
изношеніи именъ митрополита киръ Кирилла и намѣ-
стника киръ Онуфрія, — начались пререканія. Предме-
томъ ихъ было учрежденіе Владимірской епархіи и по-
священіе на нее епископомъ Антонія. Въ глазахъ собора
это назначеніе было неудачнѣй перваго (т. е. Софронія
на Симбирскую епархію). Софроній былъ святохулецъ,
клеветникъ, допускавшій, „несвойственныя его сану обол-
ганія“, мошенникъ, занимавшійся „поганымъ ремесломъ“
(фальшивыми деньгами); своею циничною безсовѣстно-
стію и поставленіемъ въ попы такого же, какъ и самъ,
святокупца Михаила Коряги, онъ возбудилъ противъ
себя всеобщее неудовольствіе и ропотъ, которые и вы-
разились въ жалобѣ, написанной на него въ Бѣлую
Креницу. Слѣдствіемъ этой жалобы было то, что Со-
фроній сначала былъ ограниченъ однимъ Симбирскомъ,
а затѣмъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго посланія,
и вовсе лишенъ сана, — замѣнившій его на вновь откры-
той Владимірской епархіи оказался не менѣе „сумни-
тельнымъ“. Противъ него выставили — его принадлеж-
ность сначала къ Θεодосѣевскому согласію, а потомъ къ
безпоповщинѣ, кратковременное (годовое) пребываніе
„въ оградѣ правыя церкви“ (поповщинѣ) и еще болѣе
кратковременное прохожденіе низшихъ іерархическихъ
степеней. Этого рода возраженія были подкрѣпляемы
апостольскими, перваго собора, соборовъ Лаодикійскаго
и седьмаго вселенскаго — правилами. Напрасно московскій
посоль комментировалъ эти правила въ защиту Антонія.
Его защита вызывала новыя, и на этотъ разъ, неопро-
вержимыя возраженія. Только умѣнье перемѣнить раз-
говоръ вывело его изъ неловкаго положенія. „Искусно
поворотилъ онъ разсужденія матерей на то, еретики ли
безпоповцы, или токмо въ душепагубномъ мудрованіи
пребываютъ... И пошелъ споръ по всей келарнѣ. Забыли
и про Антонія, забыли и про Московское посланіе. Больше
часа проспорили, во всѣхъ книгахъ справлялись, книгъ

съ десятокъ еще изъ кладовой притащили, но никакъ не могли рѣшить, еретики или нѣтъ безпоповцы“.

Когда смолкли крикливые споры, осипшихъ отъ крика матерей, возвысила свой голосъ первенствующая игуменья Манеѳа. Тонко, неоскорбительно для прочихъ матерей, ясно и просто ставить она вопросъ, даетъ ему свое рѣшеніе, и всѣ его принимаютъ. „Надлежащая нужда“, говоритъ она, „утолити душевный гладъ и конечное оскуденіе бѣгствующаго священства указываетъ намъ пріяти священство, тѣмъ архіепископомъ поставленное, да не впадемъ въ душепагубное безпоповство, сомнѣнія же, многихъ обуревающія на счетъ правильности новоявленной іерархіи и на счетъ поспѣшнаго поставленія архіепископа владимірскаго, опасенія возбуждаютъ, да не погубимъ поспѣшностію души своя... Обождемъ нѣкое время. Посмотримъ, каково новопоставленный архіепископъ поведетъ себя, испытуемъ подробно и на счетъ правильности самаго начала зарубежной митрополіи, сами пошлемъ вѣрныхъ людей въ Греки, чтобы совершенно испытать, каковъ чинъ у нихъ соблюдается, при крещеніи младенцевъ. И тогда, ежели все окажется въ пользу того, что намъ московскіе христіане съ любовію предлагаютъ, примемъ и мы поставленныхъ владимірскимъ архіепископомъ поповъ. Если же узнаемъ достовѣрно, что источникъ зарубежной митрополіи нечистъ, или что тотъ архіепископъ недостойнъ принятаго имъ чина, тогда станемъ слезно молиться милостивому Спасу: Самъ да спасетъ насъ, Самъ да научить насъ, какими путями спасти наши души... А до того времени общенія съ московскими христіанами не разрывать и находиться съ ними по прежнему въ любви и согласіи, также и прочихъ городовъ съ нашими христіанами, которые пріимутъ Антонія, пребывать въ единеніи. Вотъ мои мысли... что скажете, какое положите рѣшеніе?“

Всѣ въ одинъ голосъ согласились съ Манеѳой, и всѣ славили мудрое ея рѣшеніе.

Такъ въ концѣ концовъ нижегородскіе скиты рѣшились безповоротно принять австрійское священство и признать законными его двѣ архіерейскія кафедрѣ — во Владимірѣ и въ Симбирскѣ. Съ тѣхъ поръ появились въ Нижегородскомъ краѣ послѣдователи австрійской іерархіи, и число ихъ съ каждымъ годомъ стало увеличиваться все болѣе и болѣе *). Но вмѣстѣ съ этимъ на заволжскіе скиты незамѣтно подкралась непроглядная, какъ темная ночь, туча „раззоренія“ — и дни ихъ были уже сочтены...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Жизнь раскольниковъ въ Заволжскихъ скитахъ. — Нравственное состояніе ихъ обитателей.

Заволжскіе скиты имѣли для раскольниковъ громадное значеніе. Имъ принадлежала почетная роль блюстителей древняго благочестія, они были органами, проводниками вѣры въ народную массу, представителями и распространителями раскола, вѣдающими всѣ внутреннія и внѣшнія дѣла; они составляли главный нервъ, сердце, въ которомъ сосредоточивалась вся жизнь заволжскаго раскола и праваго и лѣваго береговъ Волги. Неудивительно, если темный народъ, при такомъ значеніи скитовъ, связалъ съ ихъ происхожденіемъ нѣсколько легендарныхъ сказаній, которыя, окруживъ скитъ таинственностью, тѣмъ самымъ содѣйствовали еще большому

*) Приемлющіе австрійское священство распадаются на двѣ группы: «овружниковъ», подчиняющихся овружному посланію старообрядческаго архіерея Кирилла, признающему святую благодать за нашею церковью и ея іерархією, и «раздорниковъ» или «противоовружниковъ», не подчиняющихся этому овружному посланію и имѣющихъ свою іерархію, также австрійскаго рукоположенія, во всей Россіи. Въ Нижегородской губерніи есть тѣ и другіе.

усиленію народнаго къ нимъ почтенія и благоговѣнія. Понятно становится и то, что путешествія въ эти скиты у раскольниковъ считались равными путешествію въ Іерусалимъ и по другимъ святымъ мѣстамъ; и не рѣдко раскольники цѣлыми толпами—и старые и малые—шли на богомолье въ эти мѣста, особенно же въ большіе праздники—въ Пасху, въ Троицынъ день, въ Дмитріевскую субботу... Кромѣ того, раскольники находили въ скитахъ для себя достаточное матеріальное продовольствіе и матеріальную помощь; въ скиты со всѣхъ сторонъ сыпались пожертвованія деньгами или какими-либо вещами, и скитники не прочь были подѣлиться изъ своего богатства и съ другими своими единовѣрцами. Получая во множествѣ книги изъ типографій польскихъ, Галицкихъ, Острожскихъ и мн. др., скитскіе старцы дѣлились съ прочими и этимъ дорогимъ достояніемъ раскольническимъ,—продавая имъ эти самыя же книги, или снабжая ихъ—иногда даромъ—рукописными тетрадями своего собственнаго мѣстнаго производства.

По наружному своему устройству скиты можно раздѣлить на два типа: одинъ изъ нихъ по внѣшности своей ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной деревни или скорѣе выселка, съ той только разницей, что избы этого выселка не вытянулись въ однообразномъ порядкѣ вдоль улицы, а разбросаны какъ попало, иногда на довольно большія разстоянія другъ отъ друга; такой скитъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ обителей, весьма часто и мужскихъ, и женскихъ попеременно; въ каждой обители есть своя обительская моленная, при которой живетъ уставщица, если это женскій скитъ, и старецъ-игумень, если мужской. Къ такому типу принадлежитъ большинство скитовъ Керженскихъ. Самымъ лучшимъ образчикомъ такого типа можетъ служить скитъ Оленевскій; онъ расположенъ въ густомъ лѣсу близъ Керженца; обители этого скита такъ разнообраз-

ны, что представляют изъ себя какіе-то отдѣльные хутора; въ Оленевскомъ скиту было въ свое время до двѣнадцати обителей *).

Скиты другого типа болѣе своеобразны. Такой скитъ по внутреннему устройству напоминаетъ православный монастырь и состоитъ обыкновенно изъ одной обители. На обширномъ дворѣ, обнесенномъ высокимъ бревенчатымъ заборомъ, стоитъ обыкновенно большое зданіе иноческихъ келій, отдѣльно помѣщается пекарня съ трапезною, иногда отдѣльно же, а иногда вмѣстѣ съ иноческими кельями помѣщается моленная. Окна всѣхъ этихъ зданій обращены внутрь двора, стѣны же, обращенныя къ внѣшней сторонѣ, обыкновенно безъ оконъ, развѣ гдѣ-нибудь подъ самой крышей, незамѣтное на первый взглядъ, продѣлано маленькое слуховое окошечко.

Внѣшняя жизнь въ скитахъ шла, повидимому, чинно, уставно.—Громкія деревянныя била**) будятъ обители къ утрени. Въ скитскихъ часовняхъ справляются различныя службы: то простая рядовая, то съ полпелеемъ, то съ величаніемъ. Внутреннее устройство этихъ часо-

*) На обложкѣ одного изъ сборниковъ статей по части раскола бібліотеки П. И. Мельникова написано рукой покойнаго П. И. карандашемъ—«Въ Оленевѣ были обители: 1) Анфисина, 2) Андронимовыхъ, 3) Вѣрина, 4) Жениныхъ, 5) Костроминыхъ, 6) Никонорина, 7) Нифантовыхъ, 8) Ериктуркина, 9) Пальцовыхъ, 10) Сасовскихъ, 11) Софьина, 12) Двѣнадцатая только помѣчена цифрой и не названа. Перечисленіе Мельникова относится къ 50-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія. (Нижег. Губ. Вѣд. 1893 г. № 44).

**) Колокола въ скитахъ запрещены. Вмѣсто колокольнаго звона тамъ сзывали къ богослуженію «билами», «кленалами», употреблявшимися встарину повсемѣстно. По большей части у каждой часовни бывало по одному билу, больше трехъ никогда. Била дѣлались на большое и малое. «Малое древо» дѣлалось изъ сухого ясеневаго дерева аршина въ полтора длины, вершка два ширины и въ два пальца толщины; по краямъ его по два или по три отверстія. Малое древо висѣло на веревкахъ, иногда скрученныхъ изъ толстыхъ

венъ поражаетъ богатствомъ и рѣдкостью своихъ сокровищъ. Множество иконъ стоятъ въ иконостасахъ и по полкамъ вокругъ всѣхъ стѣнъ. Въ серединѣ большого въ нѣсколько ярусовъ иконостаса, на возвышенной солеѣ находятся царскія двери съ болѣе или менѣе замѣчательной рѣзбой; по сторонамъ ихъ размѣщены древнія иконы, въ серебряныхъ ризахъ, съ подвѣшенными пеленами, парчевыми или бархатными, расшитыми золотомъ, украшенными жемчугомъ и серебряными дробницами (металлическими бляхами съ священными изображеніями). Передъ этими иконами горятъ пудовыя свѣчи, вставленныя въ огромные металлическіе подсвѣчники. Древній деисусъ съ ликами апостоловъ, пророковъ и праотцевъ возвышается на тяблѣ старинной искусной рѣзбы. Съ потолка спускается нѣсколько паникадилъ съ различными украшеніями—съ прорѣзанными золочеными яблоками, съ серебряными перьями, съ рѣпьями и витыми усами.

Въ такую часовню собираются скитницы и богомольцы. Здѣсь, во время службы, всякому свое мѣсто. Среди солей стоитъ, подобно церковному престолу, аналой, покрытый со всѣхъ сторонъ дорогою парчею; передъ нимъ—уставщица. На клиросѣ „пѣвчая стая“ голосо-

струнъ. «Великое древо» отличалось отъ малаго только размѣромъ; оно въ два съ половиной аршина или въ сажень длины, въ поларшина ширины и въ вершка въ полтора толщины. Въ малое било колотили однимъ деревяннымъ (иногда желѣзнымъ) молотомъ, въ большое—двумя. Кромѣ этихъ двухъ билъ употреблялось еще желѣзное «клепало»—чугунная доска, такая же, что употребляется ночными караульщиками. По ней бьютъ желѣзнымъ молотомъ или большимъ гвоздемъ (троетеснымъ). Сначала въ било ударяли медленно, потомъ скорѣй и громче, съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ и разными переливами, что зависитъ отъ болѣе или менѣе сильнаго удара молотомъ. «Деревянный звонъ», какъ называли его въ скитахъ, гармониченъ, особенно издали, и если производитъ его опытная рука. Въ скитахъ дорожили искусными «звонарихами», умѣвшими владѣть такими незатѣйливыми инструментами..

стыхъ молодыхъ пѣвицъ. Громкое, отчетливое чтеніе съ возгласами (установщицы или игуменьи), стройное пѣніе—погружаютъ недвижные ряды молящихся въ богомыслие и благоговѣніе. Одни кресты да поклоны, въ положенное уставомъ время, нарушаютъ мертвую тишину объявшаго молитвеннаго настроенія.

Такъ благолѣпно правятся всѣ скитскія службы. Въ праздничные дни ихъ торжественность удесяттеряется различными тщательными и продолжительными приготовленіями. Въ числѣ такихъ торжествъ особенно выдаются годовые (тоже—что храмовые) праздники. Каждый скитъ посвящалъ такому празднованію извѣстный день. Комаровъ скитъ, наприм., избиралъ Петровъ день, Шарпанскій—день Казанской Богородицы, Оленевскій—Ильинъ день, Красноярскій скитъ—Сергіевъ день. На эти дни въ скиты стекались большія толпы раскольниковъ-богомольцевъ. Ихъ привлекало не одно усердіе помолиться. Скиты ставили для народа даровое угощеніе, „столы“, и „всѣмъ учрежденіе за трапезой было довольное“. „Матери“ за трапезой читали гостямъ „отъ писанія“. „Не судила, не рядила за скитскою трапезой братчина—свой судъ матери сказывали: кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ, съ попами, съ дьячками хлѣба-соли не водить... И тѣ суды—поученья, сладкимъ кусомъ да пьянымъ пойломъ приправленные, не мало людей отъ церквей отлучали. И за то былъ гнѣвъ отъ властей на скиты и обители“.

Не мало торжественности придають скитской службѣ разные экстренные случаи. Таковы случаи получаемыхъ извѣстій отъ раскольниковъ, о смерти или несчастіяхъ ихъ родственниковъ, посѣщенія скитовъ богатыми раскольниками и др. Тогда къ рядовой службѣ присоединяется справленіе и каноновъ „за болящихъ“, „за единомышленниковъ“, „молебныхъ каноновъ“ и др. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, вся торжественность зависѣла отъ

количества подаянія, которое вручалось, или на которое рассчитывала „честная обитель“.

Сюда же, къ числу торжественныхъ случаевъ, относятся крестные ходы. Вотъ картина одного изъ нихъ (поминальнаго на Пасхѣ), по описанію П. И. Мельникова въ его романѣ „Въ лѣсахъ“: Послѣ „часовъ“, отправленныхъ самой игуменьей, уставщица поставила среди часовни столикъ, до самага полу крытый бѣлоснѣжною полотняною „одеждой“, съ нашитыми на каждой сторонѣ осьмиконечными крестами изъ алой шелковой ленты. Казначей поставила на немъ икону Воскресенія, воздвизательный крестъ, канунъ (медь), блюдо съ кутьей, другое съ крашеными яйцами... Чинно отпѣли канонъ за умершихъ. Большого образа соборныя (т. е. составляющія соборъ игуменьи, главное управленіе скита) „старицы“, въ черныхъ креповыхъ наметкахъ, спущенныхъ до половины лица, и въ длинныхъ мантияхъ, подняли кресты и иконы ради крестнаго хода въ келарню. Уставщица съ казначеей взяли поминальныя блюда... Впереди двинулись пѣвицы съ громогласнымъ пѣніемъ стихирь: „Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его...“ Среди крестовъ, иконъ и поминальныхъ блюдъ тихо выступала игуменья (Манеѳа), склоняясь на посохъ... Ставъ на верхней ступени часоенной паперти, выпрямилась она во весь ростъ и повелительнымъ, давно неслышаннымъ въ обители голосомъ кликнула:

— Стойте, матери.

Крестный ходъ остановился.

— Къ матушкѣ Екатеринѣ (игуменьѣ-предшественницѣ), приказала игуменья.

Ходъ поворотилъ на право. Тамъ, за деревянной огородью, въ небольшой рощицѣ, среди старыхъ и новыхъ могилъ, возвышались два каменные надгробія. Подъ однимъ лежала предшественница Манеѳы, мать Екатерина, подъ другимъ мать Платонида.

Поклонясь до земли предъ надгробіемъ, Манеа взяла съ блюда пасхальное яйцо и, положивъ его на землю, громко сказала:

— Матушка Екатерина! Христось Воскресе!

Потомъ съ такимъ же привѣтомъ положила яйцо на могилу Платониды.

Головщица (Марьюшка) завела ирмось: „Воскресенія день“... Пѣвицы стройно подхватили, и громкое пѣніе пасхальнаго канона огласило кладбище. Матери раскладывали яйца на могилки, христосуясь съ покойницами. Инокіни, бѣлицы, сироты и прихожіе богомольцы рассыпались по кладбищу христосоваться со сродниками, съ друзьями, пріятелями...

Пропѣли каноны и стихиры. Возгласили „вѣчную память“. Съ пѣніемъ „Христось воскресе“ крестный ходъ двинулся къ келарнѣ. Тѣмъ и кончился поминальный обрядъ „на кладбищѣ“...

Эхомъ такихъ чинныхъ и торжественныхъ богослужебныхъ порядковъ служили и моленія въ частныхъ, домовыхъ моленныхъ. Моленная—это совершенно обыкновенная изба, по большей части въ три окна. Въ ней вся стѣна, противоположная входу, обыкновенно сплошь, почти отъ самаго полу и до потолка покрыта бываетъ почернѣвшими иконами стариннаго письма, въ ризахъ и безъ ризъ. Изба обносилась заборомъ; пустое мѣсто между избой и заборомъ, дворъ—покрывался навѣсомъ; входъ въ моленную находился со двора. Въ моленную собирались мужчины и женщины вмѣстѣ. Службы въ моленныхъ отправлялись по порученію скитовъ канониками или уставщицами *), иногда же особыми стар-

*) Значеніе каноникъ или уставщицъ въ расколѣ равносильно значенію домашняго священника. Кромѣ отправленія службъ въ домашнихъ моленныхъ, имъ поручалось, въ случаѣ надобности, еще «стоять негасимую свѣчу», т. е. читать день и ночь псалтирь по покойникамъ на мѣстѣ ихъ преставленія, собирать подаянія на слѣты а также—воспитывать (учить грамотѣ) дѣтей домохозяевъ.

цами. Во время службы въ моленной уставщица надѣваетъ обыкновенно на голову особую черную бархатную или суконную шапочку со спускающей съ нея по плечамъ монашейкою, обшитой красною каймой, бѣлый фартукъ и поручи, а въ лѣвую руку беретъ лѣстовицу. Лѣстовица — это особаго рода ременные четки съ прикрѣпленными къ концу тремя треугольниками, на которыхъ по большей части вытиснена бываетъ золотомъ „Иисусова молитва“. Такую же черную монашейку сверхъ долгополага, обыкновенно сѣраго или коричневаго кафтана надѣваетъ и старецъ при совершеніи моленья. Прихожане моленной стоятъ чинно, аккуратно, крестясь истово двумя перстами, перебирая лѣвою рукою лѣстовицы, при земныхъ поклонахъ подбрасывая подъ руки особыя подушечки (подручники). Богатые раскольники не щадятъ издержекъ на убранство своихъ моленныхъ. Не охотно пускаютъ домохозяева въ свои моленные щепотника и бритоуса *) во время моленья, въ обыкновенное же время, хотя и пускаютъ, но обыкновенно просятъ „не молиться“, т. е. не креститься.

Соблюдая внѣшнюю обрядность на общественныхъ моленьяхъ и у себя на дому, обитатели скитовъ и мірскіе раскольники на вопросы нравственности смотрѣли довольно легко.

Нравственное состояніе скитскихъ обитателей представляетъ одну мрачную картину. Въ своемъ отчетѣ о современномъ состояніи раскола 1854 г., Мельниковъ такъ изображаетъ это состояніе: „Русскій раскольникъ, если онъ занялъ почему-либо видное мѣсто въ кругу сектантовъ, отличается ханжествомъ и лицемѣріемъ. Но нигдѣ, конечно, это лицемѣріе не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ скитахъ, особенно женскихъ. Этимъ ханжествомъ скитскіе жители поддерживаютъ доброе

*) Бритоусъ — «скоблено рыло», т. е. брѣющій усы и бороду. Такъ обыкновенно раскольники называютъ православныхъ.

о себѣ мнѣніе богатыхъ и соблазняютъ простой народъ окрестныхъ деревень. Не рѣдко бывая въ семеновскихъ скитахъ (Нижегородской губ.) до высылки изъ нихъ постороннихъ лицъ, я видѣлъ живущихъ въ немъ раскольниковъ въ домашнемъ ихъ быту. Изъ долговременнаго наблюденія этого быта я вывелъ заключеніе, что всякій скитскій раскольникъ или раскольница на каждомъ шагу употребляютъ рассчитанное ханжество и лицемѣріе въ разныхъ видахъ и формахъ. Онъ ханжитъ передъ чиновниками и при томъ иначе передъ высшимъ, иначе передъ низшимъ, иначе передъ молодымъ, иначе передъ старымъ. Онъ ханжитъ передъ богатыми раскольниками, ханжитъ передъ простымъ народомъ. Одна обитель ханжитъ передъ другою, и въ одной обители старухи ханжатъ передъ молодыми, а молодья лицемѣрятъ передъ старыми, словомъ, каждый часъ, каждую минуту, скитскій раскольникъ лицемѣритъ, живетъ обманомъ, съ малолѣтства до преклонной старости ходить въ личинѣ“.

„Пріѣзжаетъ въ скитъ губернаторъ или другой чиновникъ, по званію своему имѣющій большое вліяніе на скиты. Необыкновенная чистота во всѣхъ комнатахъ, порядокъ въ домоводствѣ, видимые, хотя и ложные, признаки трудолюбія, все располагаетъ въ ихъ (т. е. скитовъ) пользу важнаго чиновника. Ханжи, такимъ образомъ, внушаютъ ему выгодное о себѣ мнѣніе, напередъ прикрывъ себя лицемѣріемъ, какъ покрываютъ онѣ иноческое свое одѣяніе длинными, черными, надѣтыми въ роспускъ платками, передъ встрѣчею „желаннаго“ гостя, котораго не знаютъ, какъ-бы поскорѣе выпроводить“...

„Въ какую-бы пору не пріѣхалъ чиновникъ полиціи, начинается угощеніе ему, его людямъ и привезшимъ его лошадямъ. Лицемѣріе здѣсь преимущественно проявляется въ гостепріимствѣ, повидимому, радушномъ и искреннемъ, но дѣйствительно притворномъ и расчи-

танномъ. Во всякомъ случаѣ скитницы достигаютъ своей цѣли: заступится-ли напоенный, накормленный и задаренный скитницами чиновникъ за какого-нибудь православнаго бѣдняка, челобитчика на раскольницъ? дастъ-ли онъ судъ и правду на гостепріимныхъ и щедрыхъ хозяекъ, особенно еще если неравнодушно слушаетъ онъ звонкій смѣхъ обитательницъ заманчивыхъ свѣтлицъ?”

„Пріѣзжаетъ, бывало, въ скитъ богатый раскольникъ, и тогда совсѣмъ иначе смотритъ обитель: въ часовнѣ или моленной чинно стоятъ рядами женщины, одѣтыя въ древнее иноческое одѣяніе; впереди старухи, сверхъ „вѣнца“ надѣвающія флеровую „накидку“, а между ними иногда стоятъ, опершись на посохъ, схимницы въ черной одеждѣ, расшитой красными крестами. Передъ богатымъ иконостасомъ, составленнымъ изъ древнихъ иконъ, теплятся лампы, и горитъ нѣсколько десятковъ свѣчъ. Среди часовни, передъ престоломъ, стоитъ смиренная уставщица; опустивъ глаза въ землю, она внятно, благовѣрно дѣлаетъ возгласы. По клиросамъ стоятъ головщицы и чистыми, звонкими голосами поютъ церковныя пѣсни. Молодыя дѣвки, въ широкихъ черныхъ передникахъ и въ такихъ-же платкахъ на головѣ, стоятъ передъ налоями и читаютъ, не торопясь, съ приличнымъ благоговѣніемъ. Всѣ крестятся и кланяются въ одно время; всѣ въ разъ бросаютъ передъ поклономъ на землю подручники; всѣ въ разъ поднимаютъ ихъ; всѣ въ разъ перебираютъ лѣстовки. Никто не скажетъ ни слова; никто не взглянетъ на сторону; всѣ погружены въ богомысліе и молитву, и это продолжается сряду четыре или пять часовъ. Пріѣзжій раскольникъ, чувствуя уваженіе къ отшельницамъ, при видѣ такого благолѣпія, заказываетъ имъ панихиду по своимъ роднымъ, и видя слезы поющихъ, онъ тронутъ ихъ участіемъ къ его скорби; онъ пораженъ скитскимъ благочестіемъ и щедрѣе отсчитываетъ

милостыню“. Случается, что подобный заказъ прѣзжаго раскольника заботливо предупреждается участливыми скитниками. Безъ всякаго съ его стороны заявленія о своемъ желаніи помолиться, они сами „въ радости велии“, что „убогое жительство ихъ посѣтилъ благочестивый христоробецъ“ начинаютъ „воспѣвать Господу Богу молебное пѣніе за милости творящихъ“ и проч., причемъ за здравіе поминаются всѣ родственники прѣзжаго „чуть-ли не до седьмого колѣна“. И размягченный посѣтитель простодушно думаетъ: „Вотъ это служба, такъ служба!.. Сторублевой мало! По крайности сторублевою съ двумя четвертными надо вкладу положить“, и въ концѣ концовъ рѣшаетъ: „на обитель три сотни серебромъ дать и каждый годъ мукой снабжать ее“.

Но вся эта угодливость, это ласкательство, это гостеприимство, это смиреніе и благоговѣніе, это добродушіе и эта готовность помочь ближнему—все это ложь, ханжество, лицемѣріе. Скитскіе жители угождаютъ начальству въ надеждѣ на милости, или, по крайней мѣрѣ, на снисхожденіе его. Они угощаютъ всѣмъ чѣмъ могутъ полицію для того, чтобы она сквозь пальцы смотрѣла на ихъ дѣйствія. Они смиряются и благоговѣнно молятся на глазахъ богатыхъ раскольниковъ, чтобы выманить отъ нихъ больше денегъ. Они помогаютъ бѣдному крестьянину (раздачи денегъ и др.), чтобы сдѣлать изъ него дарового работника. Подъ личиною мнимыхъ добродѣтелей, въ скитахъ скрываются ненасытная алчность къ деньгамъ, своеволіе, праздность, пьянство и развратъ.

Такъ жили обители Заволжскихъ скитовъ, повидимому пренебрегая всякими правилами нравственной порядочности и сознанія человѣческаго достоинства *).

*) Бол. подробн. извлеч. изъ этого отч. см. «Ист. В.» 1884 г., окт. «Этнографъ-белл.», стр. 66—72.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нижегородскіе бѣгуны или странники.

Къ концу царствованія императрицы Екатерины Великой на Руси возникла и распространилась секта странниковъ или сопелковцевъ, названная такъ потому, что получила свое начало въ селѣ Сопелкахъ, Костромской губерніи. Основателемъ ея былъ отставной солдатъ Евѣимій. Сущность ученія его состоитъ въ слѣдующемъ: антихристъ, видимый давно, даже царствовалъ и царствуетъ въ мірѣ. Сначала онъ воцарился въ Римѣ, по отпаденіи Запада отъ Востока, которое (отпаденіе) произошло въ 1001 г. Воцарился онъ въ лицѣ папы. Это былъ антихристъ 1-й, древній змій-искуситель. По истеченіи 666 лѣтъ явился 2-й антихристъ, звѣрь—патріархъ Никонъ. За нимъ вскорѣ явился антихристъ 3-й и послѣдній—Петръ I-й.

Очевидно, что ученіе Евѣимія есть только дальнѣйшее развитіе первоначальнаго раскольническаго ученія объ антихристѣ. Недождавшись окончанія міра въ 1703 г. (чего ожидали раскольники), раскольники не оставили мысли о пришествіи въ міръ антихриста. Не видя пришествія въ міръ чувственнаго антихриста, одни изъ начали думать, что антихристъ царствуетъ въ мірѣ невидимо, духовно, въ лицѣ правительства, которое поэтому, есть безсознательное орудіе діавола, другіе, несмотря на явную нелѣпость мысли о чувственномъ антихристѣ, не хотѣли согласиться съ дѣйствительностію и продолжали увѣрять себя и другихъ, что антихристъ продолжаетъ царствовать въ мірѣ въ лицѣ преемниковъ Петра Великаго. Интересно прослѣдить, какимъ образомъ, раскольники дошли до этой послѣдней мысли.

Изъ дѣяній и распоряженій Петра, шедшихъ на перекоръ старинѣ, раскольники заключили, что Петръ не потомокъ православныхъ русскихъ государей. Чтобы

придать болѣе вѣроятности этой мысли, раскольники Начали отыскивать основаніе для нея въ св. Писаніи, начали проводить параллель между Петромъ и антихристомъ изображеннымъ въ св. Писаніи. Императоръ, по раскольнически „иператоръ“, содержитъ въ себѣ число 666, число звѣря апокалипсическаго. Апокалипсическій звѣрь представляется съ двумя рогами. Рога эти по мнѣнію раскольниковъ означаютъ два царскія титула, которыя были приняты Петромъ: „царь благовѣрный и императоръ благочестивѣйшій“; звѣрю апокалипсическому дана была власть хулить Бога и жилище Его и вести брань со святыми; и Петръ жестоко преслѣдовалъ чтителей истиннаго Бога (т. е. раскольниковъ), повелѣлъ имъ записаться въ ревизію, обложилъ двойнымъ окладомъ, стѣснялъ паспортами, до введенія которыхъ „человѣцы свободни бѣша“, изрекъ хулу на правовѣріе, назвавъ раскольническія книги противными правому ученію, установилъ многіе языческіе обычаи, какъ-то: „бороды брить, платье нѣмецкое носить, банты и петли на шеяхъ имѣти, табакъ носомъ пити и курити, въ комедіяхъ, маскарадахъ и балахъ пощеденствовать“. Антихристъ долженъ былъ налагать на чело и на правую руку начертаніе имени своего—это тѣ козыри червленые, кои повелѣлъ Петръшивать на плечахъ вѣрныхъ (т. е. раскольниковъ;)—по Апокалипсису печать будетъ наложена на послѣдователей антихриста,—это императорскіе гербы, налагаемые на билетахъ, паспортахъ и деньгахъ. Особенно не нравилась раскольникамъ ревизская перепись, которая прикрѣпляла ихъ къ землѣ, не позволяла уклоняться отъ общественныхъ повинностей, бродить съ мѣста на мѣсто; не нравились также указы Петра, разсылавшіеся по всей Россіи съ непремѣннымъ требованіемъ выполненія ихъ: не по душѣ было уничтоженіе патріаршества и учрежденіе св. Синода и сената. Всѣ учрежденія Петра, какъ новыя, не освященныя стариною, распоряженіями

прежнихъ царей, казались народу учрежденіями антихристіанскими, дѣломъ антихриста и вызывали противъ себя сильный протестъ. Протестъ этотъ, по свойству русскаго человѣка, могъ выразиться не иначе, какъ только во имя вѣры. Такъ онъ дѣйствительно и выразился. Петръ явился въ представленіи раскольниковъ антихристомъ; онъ осуществилъ всѣ дѣйствія, какія, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ сдѣлать антихристъ.

Такъ ненависть приверженцевъ старины къ нововведеніямъ Петра высказывала свой протестъ. Принявъ дѣйствія Петра за антихристіанскія, а его самаго за антихриста, ревнители старины отказали въ повиновеніи верховной власти. Казалось бы, что со смертью виновника этой ненависти и сама ненависть должна была прекратиться. Петръ уже умеръ; со смертью его не измѣнилось ни небо, ни земля (что должно случиться при кончинѣ міра, по окончаніи царства антихриста по Писанію); онъ вовсе не произвелъ тѣхъ дѣйствій, какія долженъ произвести антихристъ (по Апостолу 2 посл. къ Сол.); смерть его не сопровождалась тѣми явленіями, какими должна сопровождаться гибель антихриста и пр.; слѣдовало бы, поэтому, оставить мысль объ антихриствѣ, трезвыми глазами взглянуть на дѣйствительность и примириться съ нею. Не такъ поступили раскольники. Они вопреки дѣйствительности, вопреки явному свидѣтельству св. Писанія объ антихриствѣ, какъ единой личности, нашли 3-хъ антихристовъ, даже болѣе: они признали въ преемникахъ Петра того же самаго антихриста, который царствовалъ въ лицѣ Петра. По ихъ мнѣнію, духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, ибо духъ государей россійскихъ есть духъ Петра Великаго; духъ его во всѣхъ властодержцахъ дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать до скончанія вѣка *). Петръ умеръ, но направленіе, данное имъ, не измѣнилось. Законода-

*) «Нижег. Епарх. Вѣд.», 1865 г., стр. 318.

тельство Петра по отношенію къ раскольникамъ оставалось во всей силѣ до временъ Екатерины. Сама Екатерина, даровавъ раскольникамъ гражданскія права, не признала расколъ вполне законнымъ, наравнѣ съ господствующею церковію, не дала господства расколу, чего ожидали и ожидаютъ раскольники, не уничтожила ни ревизіи, ни паспортовъ,—что особенно не нравилось раскольникамъ. Поэтому изувѣрные ревнители старины видѣли и въ Екатеринѣ такой же антихристіанскій духъ, какой они видѣли и въ Петрѣ. Эти фанатики-изувѣры и выступили въ царствованіе Екатерины съ проповѣдью о неповиновеніи верховной власти. Это были Сопелковцы или бѣгуны.

Признавъ верховную власть антихристіанскою, бѣгуны естественно перенесли это понятіе и на исполнителей верховной власти. Правительственныя лица, по ученію бѣгуновъ, это тѣ чувственные бѣсы, которыхъ антихристъ, по предреченію, имѣлъ разсылать всюду, для отысканія убѣгающихъ отъ начертанія имени его и печати его скверныя. Изъ такого понятія о верховной власти и правительствѣ уже естественно слѣдовалъ выводъ о неповиновеніи этой власти. Въ чемъ же выразилось это неповиновеніе, этотъ протестъ религіознаго фанатизма бѣгуновъ? Въ отрицаніи обязательности—исполнять гражданскія и общественныя повинности, въ борьбѣ и отрицаніи всякой власти, всякаго общественнаго порядка. Борьба съ властію, по ученію бѣгуновъ, можетъ быть открытая и тайная. Первую, разумѣется, вести они не могутъ; за то послѣдняя должна выполняться всѣми. Она состоитъ въ прекращеніи всякихъ общественныхъ отношеній, въ бѣгствѣ и постоянномъ скитаніи съ мѣста на мѣсто. Одни, на основаніи текста „се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни“, живутъ по лѣсамъ, кельямъ и землянкамъ; другіе, на основаніи словъ Спасителя: „аще гонять вы во градѣ, бѣгайте въ другой“, ходятъ изъ города въ городъ, изъ

селенія въ селеніе, гдѣ и скрываются у пристанодержателей своего согласія. Странники дѣлятся на два разряда: на бѣгуновъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, и на жиловыхъ христороубцевъ, страннопріимцевъ, у которыхъ и скрываются бѣгуны во время своихъ странствій. Впрочемъ и страннопріимцы должны исполнять обязанности странничества. По крайней мѣрѣ передъ смертью они должны подать объявленіе о бѣгствѣ и приказать вынести себя или къ сосѣду, или въ ближайшей лѣсѣ. Паспортовъ, билетовъ и вообще всего, на чемъ есть гербъ, странники не принимаютъ, потому что это печать антихриста, хотя нужно сказать, отъ денегъ не отказываются вопреки собственному своему ученію.

За то у нихъ есть своего рода „пачпорты“, текстъ которыхъ здѣсь помѣщаемъ:

„Объявитель сего рабъ Ісуса Христа (имя рекъ) уволенъ изъ Іерусалима града Божія въ разные города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. Помышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а пить и ѣсть съ воздержаніемъ, противъ всѣхъ не прекословить, но также Бога славословить, убивающихъ тѣла не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться, ходить правымъ путемъ по Христу, дабы не задержали бѣси раба Божія нигдѣ.

„Утверди мя, Господи, во святыхъ Твоихъ заповѣдяхъ стояти и отъ востока Тебя, Христе, къ западу, сирѣчь ко антихристу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой—кого ся убою, Господь защититель живота моего—кого ся устрашу? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ—Богъ, прибѣжище—Христосъ, покровитель и просвѣтитель—Духъ Святыи. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хочеть съ Господиномъ моимъ знаться. А кто мя ради вѣры

погонитъ, тотъ явѣ себя съ антихристомъ въ адъ готовить.

„Данъ сей пачпортъ изъ града Бога Вышняго, изъ Сіонской полиціи, изъ Голгофскаго квартала. Приложено къ сему пачпорту множество невидимыхъ святыхъ отецъ рукъ, еже бы бояться страшныхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей пачпортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочито, на страшный Христовъ судъ.

„Приписать мои примѣты и лѣта въ радость будущаго вѣка.

„Явленъ пачпортъ въ части святыхъ и въ книгу животну подъ номеръ будущаго вѣка записанъ“. („Костр. Еп. Вѣд.“, 1899 г., № 2, стр. 37).

Странники только самихъ себя признаютъ Христовыми людьми; всѣ же прочіе—ніконіане—поганцы, раскольники другихъ сектъ—еретики.

Какъ всѣ старообрядческія секты поставляютъ себѣ задачею распространять свое ученіе, такъ и секта странниковъ преимущественно стремится пріобрѣтать себѣ какъ можно болѣе послѣдователей. Таковъ уже самый характеръ этой секты. Каждый членъ ея—странникъ—есть вмѣстѣ и повсюдный учитель. Пропаганда бѣгуновъ ведется тѣмъ успѣшнѣе, что они никогда не живутъ на одномъ мѣстѣ, переходятъ изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, гдѣ имѣютъ столкновение со всякаго рода личностями, и не упускаютъ случая къ распространенію своей секты. Не удивительно, поэтому, что съ самаго появленія своего секта эта начала распространяться съ изумительною быстротою. Появившись въ Ярославлѣ около 80—90 годовъ XVIII стол., ученіе бѣгуновъ около этого же времени распространилось и въ Нижегородской губерніи.

По своему географическому положенію губернія эта сдѣлалась даже мѣстомъ стеченія бѣгуновъ и изъ другихъ губерній, особенно изъ верховыхъ. Весною, въ

*

апрѣлѣ и маѣ приходили сюда странники изъ окрестныхъ губерній, съ цѣлью отправиться внизъ по Волгѣ, „по Божіей дорогѣ“, какъ называютъ Волгу странники, въ Астрахань и другіе приволжскіе города. Странники обыкновенно отправлялись или на рыболовныхъ судахъ, или на купеческихъ расшивахъ, отправлявшихся весною за хлѣбомъ въ низовыя губерніи. Много собиралось странниковъ и во время ярмарки, такъ какъ ярмарка по многочисленному стеченію на нее народа, представляла самое удобное мѣсто для безпаспортнаго прожизанія и пропаганды странническаго ученія. Въ Нижегородской губерніи они находили себѣ пріютъ въ поволжскихъ селеніяхъ: Городцѣ, Васильевой слободѣ (Балахн. уѣзда), Безводномъ (Нижег. уѣзда), Ключищахъ, Великовскомъ (Макар. уѣзда), Избыльцѣ (Горбатов. уѣзда) и самомъ Нижнемъ-Новгородѣ. Тѣ изъ странниковъ, которымъ почему либо не удавалось выйти за предѣлы Нижегородской губерніи, весною удалялись обыкновенно въ глухіе заволжскіе лѣса и тамъ скрывались или въ землянкахъ, или въ кельяхъ, которыя были разбросаны по этимъ лѣсамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Скитское „развореніе“.— Современное состояніе скитовъ и раскола.

Вышеописанное (гл. VII) печальное состояніе нравственности въ раскольничьихъ поволжскихъ скитахъ и стремленіе ихъ къ распространенію и пріобрѣтенію новыхъ послѣдователей, не могли не обратить на себя вниманія правительства и вызвать соотвѣтствующія мѣры къ ослабленію раскола въ Нижегородскомъ краѣ. Весьма видная роль въ послѣднемъ отношеніи принадлежитъ извѣстному этнографу-беллетристу Павлу Ивановичу Мельникову. Состоя въ должности чиновника особыхъ порученій при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ

(въ 1847—49 гг.), Мельниковъ совершалъ неоднократно поѣздки по губерніи. Какъ изучавшему и прежде расколь, ему поручались, предпочтительно предъ другими дѣла, имѣвшія съ нимъ соприкосновеніе. Въ продолженіе 3-хъ лѣтней службы своей въ этой должности Мельниковъ, какъ сказано въ его формулярномъ списокѣ, исполнилъ, по предписаніямъ губернскаго начальства, 87 порученій, большею частію секретныхъ (т. е. раскольничьихъ), изъ которыхъ важнѣйшими были: произведеніе слѣдствія о раскольническомъ инокѣ Варлаамѣ, оказавшемся крестьяниномъ Калужской губерніи, бѣжавшимъ въ 1813 г., произведеніе изслѣдованія о безпорядкахъ, бывшихъ въ церкви села Пуреха при выносѣ изъ нея чудотворнаго животворящаго креста; открытіе въ часовнѣ Городца колоколовъ, которые разыскивались съ 1826 года и — безуспѣшно, такъ какъ тщательно скрывались при содѣйствіи самой полиціи; произведеніе слѣдствія объ открытыхъ безпорядкахъ въ раскольническомъ Керженскомъ скитѣ; разслѣдованіе объ оглашеніи чудотворною раскольниками бывшей въ Шарпанскомъ скиту иконы Казанской Богоматери; командировка въ Сергачскій уѣздъ, по случаю появленія тамъ раскола, раскрытіе существованія тамъ ереси, начальникъ которой обратился къ единовѣрію, вслѣдствіе его увѣщаній и т. п.

Такою дѣятельностью Мельниковъ зарекомендовалъ себя, такъ что въ 1850 году, по желанію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго, онъ былъ причисленъ къ его министерству. 10 іюня 1853 года, состоялось высочайшее повелѣніе о приведеніи въ точную извѣстность современнаго положенія раскола въ Нижегородской губерніи. Исполненіе этого высочайшаго повелѣнія, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, возложено было тогда на П. И. Мельникова. Ему поручено было собрать слѣдующія свѣдѣнія: 1) Сколько теперь въ Нижегородской губерніи раскольниковъ. Такъ

какъ они не вписываются въ церковныя метрическія книги, ревизскія-же сказки повѣряются большею частію только этими книгами, то нужно обратить особое вниманіе на то, нѣтъ-ли между раскольниками людей, не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто именно. 2) Въ какихъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по сколько именно въ какомъ городѣ, селѣ и выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи, съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники Нижегородской губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ Нижегородской губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ надобностямъ; извѣстно-ли, гдѣ они находятся, снабжены-ли они законными видами и состоятъ-ли со своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ-ли въ Нижегородскую губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ? 5) До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло, что въ Нижегородскую губернію перешли важные, подъ видомъ сектаторовъ, преступники, именующіе себя бѣгунами и скитальщиками; вслѣдствіе чего Мельникову поручено было обратить особенное вниманіе на это обстоятельство и тщательнѣйшимъ образомъ дознать, кто эти люди, гдѣ они скрываются, кто укрыватели ихъ и т. п. 6) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся раскольники Нижегородской губерніи по образу жизни, по занятіямъ и понятіямъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими тамошними жителями и чѣмъ отличаются; распространяется-ли между ними грамотность; грамотные у какихъ

людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ и т. п. 7) На какія секты раздѣляются теперь раскольники Нижегородской губерніи; лжеученіе извѣстныхъ раскольническихъ сектъ остается-ли такимъ-же, какимъ было прежде, или съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками и какими именно, и не образовались-ли между ними новыя скиты и какіе. Въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи? Вообще нужно дознать о духѣ и направленіи раскольниковъ Нижегородской губерніи: какіе между ними ходятъ толки; въ чемъ состоятъ ихъ надежды; съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ; какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей; чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ и нѣтъ-ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ которыхъ можно было-бы воспользоваться. 8) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, чтобы обнаружить самый скелетъ раскола, т. е., во-первыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а, можетъ быть, въ иныхъ мѣстахъ по недостатку самыхъ храмовъ; во-вторыхъ, руководителей раскола по фанатизму и, въ-третьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ видовъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія, относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній, и составить особенныя имъ списки, съ означеніемъ соображеній вашихъ о каждомъ: какимъ образомъ слѣдовало-бы поступать съ ними, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, и нѣтъ-ли между ними даже такихъ людей, которыхъ можно было-бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе ны-

нѣшнихъ послѣдователей ихъ. 9) Обратить особенное вниманіе на съѣзжающихъ на Нижегородскую ярмарку торговцевъ, дабы дознать, что есть общаго въ духѣ и направленіи ихъ, чѣмъ именно содѣйствуютъ они взаимно одни другимъ; какія вещи, книги, рукописи и все, служащее къ поддержанію раскола, на ярмаркѣ продается и передается; какія у нихъ общія надежды и толки, въ особенности о лжеепископахъ, гдѣ они теперь находятся и кто они, и чрезъ что могутъ быть открыты, и средства поймать этихъ лжеепископовъ.— Вмѣстѣ съ тѣмъ Мельникову поручено было негласно собрать свѣдѣнія о Нижегородскихъ раскольничьихъ скитахъ, именно: въ какихъ мѣстахъ они находятся, съ показаніемъ ихъ на географической картѣ; чѣмъ они въ настоящее время поддерживаются и содержатся; сколько въ нихъ людей проживаетъ и кто именно эти люди: къ какимъ они принадлежатъ сословіямъ и мѣстамъ; давно-ли находятся и имѣютъ-ли узаконенные виды для проживанія; не составилось-ли гдѣ въ Нижегородской губерніи, по отдаленнымъ мѣстамъ, новыхъ скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, правительству еще неизвѣстныхъ, и, если таковые составились, то гдѣ, когда, въ какомъ числѣ людей и кто эти люди *).

Но дѣло не ограничилось лишь простой ревизіей раскола въ Нижегородской губерніи. Ему еще раньше того стала угрожать страшная опасность — раззоренія скитовъ. „Вольному“ житію послѣднихъ приходилъ конецъ. А жилось, дѣйствительно, въ нихъ беззаботно и куда, какъ весело! Мѣстная полиція была не страшна для раскольниковъ. Для губернскихъ властей расколъ былъ „золотымъ дномъ“, не изсякаемымъ источникомъ доходовъ. Получая щедрыя воздаянія за послабленія раскольникамъ, эти власти не только не стѣсняли ихъ, но

*) «Истор. Вѣст.», 1884 г., окт., 55—56.

еще предупредительно, въ случаѣ надобности, ограждали. Становые пристава положительно жили у скитовъ на оброкѣ, который получался по точному росписанію его различныхъ статей. „Въ каждомъ скиту, рассказываетъ у Мельникова становой Поярковъ, по десяти, да по двѣнадцати обителей; въ каждой обители настоятельница, старица и бѣлицы штукъ пятьдесятъ и больше. Это „лицевыхъ“, значить такихъ, что пачпортами живутъ. Кромѣ того „скрывающихся“ много. Каждая настоятельница за „лицевую“ въ годъ рубля по два платитъ, а за „скрывающуюся“ меньше тридцати взять нельзя. — А у богатыхъ раскольниковъ еще такое заведеніе есть, что ежели съ купеческой дочкой грѣхъ какой случится, то ее посылаютъ въ скиты, будто-бы къ тетушкѣ тамъ какой-нибудь погостить, въ своемъ-бы городу огласки не было. Тутъ, бывало, пожива хорошая. Вотъ двѣ статьи полицейскаго оброка со скитовъ. А вотъ и другія. „Большой праздникъ подходитъ; изо всѣхъ обителей къ тебѣ (говоритъ про себя тотъ-же становой) съ подносами:—къ Пасхѣ—на куличи, къ Петрову дню на барана, къ Успенью—на медъ, къ Покрову—на брагу, къ Рождеству—на свинину, на масляницѣ—на рыбу, къ Великому посту—на рѣдьку да на капусту“.

Въ концѣ концовъ взаимныя отношенія между раскольниками и полиціей сложились такъ чудовищно, что первые стали даже обижаться на тѣхъ изъ чиновниковъ, которые съ нихъ ничего не брали; такихъ они стали называть притѣснителями и „приносили имя ихъ, яко зло до самыхъ высокихъ степеней“; напротивъ, на тѣхъ, которые „брали“, надѣялись.

Неудивительно послѣ этого, что несмотря на Питиримовъ погромъ скитовъ (въ первой половинѣ XVIII ст.), число ихъ къ началу XIX столѣтія стало все болѣе и болѣе возрастать. Въ 1826 году скитовъ было уже 28 съ 90 обителями, въ нихъ жило до трехъ тысячъ человѣкъ.

Съ этого года послѣдовалъ рядъ правительственныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлю окончательное уничтоженіе ихъ въ Нижегородскомъ Заволжьѣ. Такъ въ ноябрѣ 1838 года воспрещено было вновь приписывать раскольниковъ къ скитамъ, а 26 февраля 1842 г. воспрещено было строить новыя и поправлять старыя моленныя, устраивать ихъ въ домахъ и имѣть колокола. Сверхъ того съ 1847 года, со вступленія въ управленіе нижегородскою епархіей преосвященнаго Іакова, установился и наиболѣе строгій надзоръ за скитами и о замѣчаемыхъ въ нихъ безпорядкахъ сообщалось Губернатору. По этимъ сообщеніямъ произведено было до 15 слѣдствій. Наконецъ 1 мая 1853 года состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ скитовъ всѣхъ постороннихъ лицъ, и это повелѣніе было объявлено на мѣстѣ 15 мая. Вслѣдъ за тѣмъ отобраны были отъ всѣхъ, жившихъ въ скитахъ, подписки, чтобы они сломали дома свои и сами выселились непременно въ полугодовой срокъ, т. е. къ 1 ноября 1853 года. Не смотря на объявленіе этого Высочайшаго повелѣнія, сначала многіе изъ раскольниковъ и не думали оставлять скиты, — одни надѣялись на отмѣну Высочайшаго повелѣнія, другіе старались распространять даже нелѣпый слухъ, будто Высочайшее повелѣніе подложно и объявлено министромъ внутреннихъ дѣлъ безъ вѣдома Государя Императора. Но подобныя надежды и разглашаемые слухи не могли уже поправить дѣла—скиты, какъ раскольничьи притоны все-таки были уничтожены. Тѣмъ изъ скитскихъ матерей, что приписаны были къ обителямъ по послѣдней ревизіи, дозволено было оставаться на ихъ мѣстахъ, но съ значительнымъ уменьшеніемъ ихъ строеній. Тѣмъ изъ обительскихъ матерей, что приписаны были по ревизіи къ разнымъ городамъ и селеніямъ, велѣно было имѣть тамъ всегдашнее пребываніе безъ кратковременной даже отлучки въ скиты и другія мѣста.

„Раззореніе“ скитовъ представляетъ весьма крупное событіе въ исторіи нижегородскаго раскола. Художественное и вмѣстѣ съ тѣмъ правдивое изображеніе его мы находимъ у Мельникова въ романѣ „На горахъ“. Съ особой нервозностью переживали скиты страданія своей предсмертной агоніи. Съ наступленіемъ „гонительнаго времени“, дней въ Писаніи прореченныхъ — „искупующе время, яко дни зла суть“ — тревога понемногу овладѣваетъ скитами. Ихъ обитательницамъ сообщается способность преувеличивать страхъ и опасность наступающихъ событій. Имъ начинаетъ казаться, что положеніе вещей вездѣ самое безотрадное. „Извнѣ бѣды, бури и напасти; внутри—нестроенія, раздоры и крайнее паденіе вѣры,“ — вотъ какъ чувствуютъ скиты свое состояніе. Въ нихъ, какъ это бываетъ и вездѣ, простой разговоръ нечаянно сводится на тревожную для всего общества тему. Для примѣра возьмемъ слѣдующій разговоръ.

„Кончилась трапеза. Старица и рабочія бѣлицы разошлись по кельямъ; Манеѳа, присѣвъ у раствореннаго окна на лавку, посадила возлѣ себя Василья Борисыча *). Мать Таифа, мать Аркадія, мать Назарета, еще три инокини изъ соборныхъ старицъ, да вся пѣвчая стая стояли передъ ними въ глубокомъ молчаніи, внимательно слушая бесѣду игуменьи съ московскимъ посломъ...

Про Иргизъ **) говорили: знакомъ былъ онъ матери Манеѳы: до игуменства чуть не каждый годъ туда она ѣздила и гащивала въ тамошнихъ женскихъ обителяхъ по мѣсяцу и дольше... Василій Борисычъ также хорошо зналъ Иргизскіе монастыри. Долго онъ разсуждалъ съ Манеѳой о благолѣпіи тамошнихъ церквей, о стройномъ

*) Василій Борисычъ въ дѣйствительности Василій Борисовичъ Борисовъ, — московскій посоль къ керженцамъ.

**) Иргизскіе монастыри раскольничьи (нынѣ единовѣрческіе — Самарской губерніи) обращены въ единовѣрческіе ранѣе раззоренія нижегородскихъ скитовъ, бывшаго въ 1853 г.

порядкѣ службы, о знаменитыхъ пѣвцахъ отца Силуяна, о пространномъ и во всемъ преизобильномъ житіи тамошнихъ иноковъ и старицъ.

— Какъ по паденіи благочестія въ старомъ Римѣ, Цареградъ вторымъ Римомъ сталъ, такъ и по паденіи благочестія во святой Аеонской горѣ, второй Аеонъ на Иргизѣ явился, говорилъ красноглаголивый Василій Борисычъ. — По истинѣ царство иноковъ было... Жили они безпечально и во всемъ изобильно... Что земель отъ царей было имъ жаловано, что луговъ, лѣсу, рыбныхъ ловель и всякаго другаго угодыя!.. Житье нѣмцамъ въ той сторонѣ, а иргизскимъ отцамъ и супротивъ нѣмцевъ было привольнѣй.

— А теперь на Иргизѣ что? съ горькимъ чувствомъ молвила Манеѳа. Не стало красоты церковной, заустѣли обители!.. Которыя раззорены и знаку отъ нихъ не осталось, которыя отданы хромцамъ на обѣ плѣснѣ.

— Мерзость заустѣнія, Даниломъ прореченная! — проговорилъ Василій Борисычъ.

— За грѣхи наши, за грѣхи! — больше и больше оживляясь говорила Манеѳа. — Исполнился фіаль Господней ярости.

— Послѣднія времена! пригорюнясь вздохнула Тайфа.

— Да, — сказала Манеѳа, величаво поднимая голову и пылкимъ взоромъ оглядывая предстоявшихъ. По всему видно, что близится скончаніе вѣковъ. А мы во грѣхахъ, какъ въ тинѣ зловонной валяемся, заслѣпили очи, не видимъ, какъ пророчества сбываются... Дай-ка сюда Прологъ, мать Тайфа... Ици ноемврія шестнадцатое.

Тайфа поднесла къ Манеѳѣ раскрытый Прологъ... Указавъ казначеѣ на строки, она велѣла ихъ читать громогласно.

„И рече преподобный Памва ученику своему“, на распѣвъ стала Тайфа читать, „се убо глаголю, чадо, яко придуть дніе, внегода расказятъ иноцы книги, заглядятъ отеческая житія и преподобныхъ мужей преданія, пи-

шуще тропари и эллинскія преданія. Сего ради отцы рѣша: не пишите доброю грамотою, въ пустыни живущіе, словесъ на кожаныхъ хартіяхъ, хоцетъ бо послѣдній родъ загладити житія святыхъ отцевъ и писати по своему хотѣнію“.

— Развѣ не исполнилось?—задрожавшимъ отъ страстнаго волненія голосомъ спросила Манеа, пламенными очами обводя предстоявшихъ.— Не сбылось развѣ прореченіе преподобнаго?...

— Давно сбылось, матушка, еще во дни патріарха Никона, отозвался Василій Борисычъ.

— „Книгу Вѣру“ возьми, читай двѣсти чотыредесятъ шестой листь,—сказала Манеа.

Таифа стала читать:

„Къ сему же видеть въ люди безвѣріе и ненависть, реть, ротьба (реть—ссора, вражда; ротьба—клятва и заклятье), піанство и хищеніе; измѣняютъ времена и законъ, и беззаконною завѣтъ наведутъ съ прелестію и осквернятъ священныя примѣненія всѣхъ оныхъ святыхъ древнихъ дѣйствъ, и устыдятся креста Христова на себѣ носити“.

— Развѣ не видимъ того?—поджигающимъ голосомъ воскликнула Манеа.

Одна громче другой заголосили келейницы, перебивая другъ друга:

— Измѣнили времена!.. Не отъ Адама годамъ счетъ ведутъ!

— Начало индикта съ Семена дня на Васильевъ поворитили *). Временъ измѣненіе.

— Безблагодатные, новые законы пишутъ! Безъ патріаршаго благословенья!

*) Семена день (Симеона Столпника)—1-го сентября; Васильевъ день (Василія Великаго)—1-го января. Рѣчь идетъ о введеніи январскаго года, вмѣсто сентябрскаго.

— Отметають градской законъ Устиньяна царя *) и иныхъ царей благочестивыхъ!..

— За мѣсто креста и Евангелья идольское зеркало въ судахъ положили!

— А въ томъ зеркалѣ Петръ—богоборецъ писанъ!

— Господа кресты съ шей побросали!

— По купечеству даже крестоборство пошло!

— А все прелесть иноземная—еллинскія басни!

— Нѣмцы, все нѣмцы бѣдъ на Руси натворили.. Люторы!.. Кальвины!..

— Житья христіанамъ отъ нѣмцевъ на стало.

Распылались изувѣрствомъ старицы. Злобой загорѣлись ихъ очи, затрепетали губы, задрожали голоса... Одна, какъ ледъ холодная, неподвижно сидѣла Манеѳа.

— Читай въ Кирилловой книгѣ, слово въ недѣлю мясопустную,—сказала она Таифѣ.

Стала читать она:

„Такожде святыи Исполитъ папа римскій глаголетъ: „Сія заповѣдахомъ вамъ, да разумѣете на послѣдокъ быти хотящая: болѣзнь и молву и всѣхъ человекъ еже другъ ко другу развращеніе, и церкви Божіи якоже простыя храмины будутъ!.. И развращенія церковная всюду будутъ... Писанія небрегоми будутъ“...

— Ниже читай: „Басни до конца“,—прервала Таифу мать Манеѳа.

„Басни до конца во мнящихся христіанѣхъ будутъ,—читала Таифа.—Тогда возстанутъ лжепророцы и ложные апостоли, человекъцы тлетворницы, злотворцы, лжущи другъ другу, прелюбодѣи, хищницы, лихоимцы, заклинатели, клеветницы, пастыріе якоже волцы будутъ, а священницы лжу возлюбятъ“...

Старицы поникли головами, бѣлицы переглянулись.

*) Нѣкоторые изъ законовъ Юстиніана Великаго помѣщены въ Кормчей книгѣ подъ названіемъ «градскаго» (т. е. гражданскаго) закона.

„О! горе, егда будетъ сіе,—читала Тайфа,—возплачутся тогда и церкви Божіи плачемъ велимъ, зане не приношенія, ниже кадило совершится, ниже служба бсгоугодная: священныя бо церкви, яко овощныя хранилища будутъ, и честное тѣло и кровь Христова во днѣхъ онѣхъ не имать явитися, служба угаснетъ, чтеніе Писанія не услышится, но тьма будетъ на чело-вѣцѣхъ“.

— Прекрати,—повелѣла Манеѳа.

Смолкла Тайфа и низко склонила голову. Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе, прерываемое глубокими вздохами старицъ.

Встала съ мѣста Манеѳа и, мрачно поглядѣвъ на келейницъ, сказала:

„Пророчества сбываются, скончаніе вѣковъ приближается... Блаженъ бдяй!.. Обителямъ нашимъ не долго стоять... Близится конецъ!.. Скоро не останется кивотовъ спасенія... Въ малое время не будетъ въ нашихъ лѣсахъ хранилищъ благочестія... И тогда не коснется Господь, положить конецъ временамъ и лѣтамъ“...

Замолчала Манеѳа... Никто ни слова ей на отвѣтъ... Матери крестились и шептали молитвы.

Но ни повѣрья, что хранились въ скитахъ о послѣднемъ концѣ міра, долженствующемъ будто-бы наступить съ раззореніемъ ихъ, ни пророчества о страшныхъ событіяхъ, что нарушали суевѣрнымъ страхомъ спокойствіе скитницъ,—ни что не оправдалось. Мирно отошли въ вѣчность скитскія обители, въ теченіе своего двухсотлѣтняго существованія, игравшія столь видную роль въ исторіи поволжскаго раскола.

По изображенію Мельникова, послѣдній ударъ обрушился на нихъ не вдругъ. Грозовая туча, что такъ давно сгущалась надъ ними, не разразилась за-разъ. Передъ ней пронесся надъ скитами, какъ это бываетъ и въ природѣ, первый порывъ стремительнаго вихря, послѣ котораго снова водворилось, на нѣкоторое время,

затишье. За первымъ прїѣздомъ петербургскаго чиновника, т. е. его самага, все снова погружается въ обычное теченіе скитской жизни. Чиновникъ этотъ только „страху задалъ“. Онъ спрашивалъ у скитскихъ обитателей паспорта, описывалъ часовни, иконы въ нихъ находящіяся и всѣ обительскія строенія,—и только. Запрещеній никакихъ онъ не сдѣлалъ, за исключеніемъ одного, незначительнаго „не шляться со сборными книжками“. Такое положеніе весьма успокоило матерей. Многія изъ нихъ уже раскаивались въ своихъ преждевременныхъ опасеніяхъ; въ нихъ воскресла надежда на „пространное житіе“. Но не долго длилось это подозрительное затишье. Буря разразилась. Прїѣхалъ снова изъ Петербурга чиновникъ, и на этотъ разъ судьба рѣшена окончательно. Вотъ какъ передаетъ (въ краткомъ видѣ) объ этомъ самъ же чиновникъ, т. е. опять таки П. И. Мельниковъ.

„Только что прїѣхалъ онъ въ Керженецъ, сейчасъ-же отправился въ Оленевскій скитъ. Оттуда какія-то шатуньи, которыхъ въ скиту никто и не зналъ, пошли на Донъ за сборомъ подаяній. Ихъ взяла полиція и отправила сначала въ Петербургъ, а оттуда онѣ были препровождены въ ту губернію, гдѣ ложно сказались жительницами. Тамъ ихъ никто не зналъ, и онѣ до разъясненія дѣла посажены были въ тюремный замокъ. Разспросивъ ихъ и не добившись никакого отвѣта, петербургскій чиновникъ поѣхалъ въ Оленевскій скитъ. Тотъ скитъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ весь выгорѣлъ до тла; а между тѣмъ дошли до Петербурга свѣдѣнія, что тамъ есть много обитателей, а изъ нихъ самую главною и многолюдною считается обитель Анеисина, построенная будто бы лѣтъ двѣсти тому назадъ инокиней Анеисой, родственницей, какъ говорило преданіе, святого митрополита Филиппа.

Чтобы застать службу во всѣхъ часовняхъ и моленныхъ, чиновникъ выбралъ для ихъ осмотра вечеръ

Успенъева дня. Осмотрѣвъ и запечатавъ всѣ до одной моленной, чтобы скитницы чего нибудь не спрятали, петербургскій чиновникъ остановился въ Анеисиноѣ обители, осмотрѣлъ ее и составилъ подробную опись иконамъ и всему другому, тамъ бывшему. Игуменья обители, Маргарита, извѣстная больше подъ именемъ Кузьмовны, съ особеннымъ радушіемъ встрѣтила пріѣзжаго и разговорилась съ нимъ объ всѣхъ дѣлахъ обительскихъ. Ея племянница, Анна Сергѣевна, прислуживала гостю, разливала чай и потомъ сама подавала, чѣмъ Богъ послалъ, поужинать. Петербургскій чиновникъ ночевалъ въ обители Анеисиноѣ и потомъ въ ней не разъ бывалъ. Изъ двадцати слишкомъ часовенъ и моленныхъ только три уцѣлѣло послѣ бывшаго пожара, прочія, какъ вновь построенныя, остались запечатанными и чрезъ нѣсколько времени земскою полиціею были сломаны.

Изъ Оленева петербургскій чиновникъ, сопровождаемый мѣстнымъ исправникомъ, отправился въ незадолго предъ тѣмъ обращенный къ единовѣрію Керженскій (Благовѣщенскій) скитъ, и затѣмъ въ Шарпанскій скитъ, гдѣ его вовсе не ждали. Онъ пріѣхалъ туда ночью, часу во второмъ, и прямо прошелъ въ моленную. Тамъ въ углу стояла икона Казанской Богородицы; она была заслонена другою большою иконою, но передъ ней горѣла лампада... Опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, петербургскій чиновникъ, войдя въ Шарпанскую моленную, приказалъ затушить всѣ свѣчи. Когда приказаніе его было исполнено, свѣтъ лампады, стоявшей передъ образомъ Казанской Богородицы обозначился. Взявъ его на руки, обратился онъ къ игуменѣ и немногимъ, бывшимъ въ часовнѣ, старицамъ со словами:

— Молитесь святой иконѣ въ послѣдній разъ. И увезъ ее.

Какъ громомъ поразило жителей Керженца и Чернораменья, когда узнали они, что нѣтъ болѣе Соловецкой

иконы въ Шарпанской обители *). Плачамъ и воплямъ конца не было, на это еще не все, не тѣмъ дѣло кончилось.

Изъ Шарпана петербургскій чиновникъ немедленно поѣхалъ въ Комаровъ. Тамъ въ обители Глафириныхъ издавна находилась икона Николая Чудотворца, также почитаемая старообрядцами чудотворною. Онъ ее взялъ точно также, какъ и Соловецкую изъ Шарпана. Страхъ и ужаса еще больше стало въ обителяхъ Керженскихъ и Чернораменскихъ; тамъ все считали для себя поконченнымъ. Послѣ того, объѣхавъ всѣ скиты и обители, петербургскій чиновникъ возвратился обратно. Вскорѣ послѣ этого вышелъ извѣстный уже намъ указъ относительно скитовъ,—и пали одна за другой около двухъ сотъ лѣтъ стоявшія обители Керженскія и Чернораменскія.

Многіе изъ раскольниковъ до сихъ поръ съ озлобленіемъ и горечью вспоминаютъ о „раззореніи“ скитовъ. Сложилась даже и пѣсня, въ которой звучитъ трогательная тоска о невозвратимомъ прошломъ.

Что на югѣ и на сѣверѣ
 На восточной на странѣ
 Протекала рѣка быстрая
 Рѣка быстрая — славный Керженецъ.
 Какъ по той по рѣкѣ по Керженцу
 Много было скитожителѣй,
 Къ правой вѣрѣ ревнителѣй.
 Какъ цвѣла тутъ вѣра старая,
 Вѣра старая — христіанская,
 Не менѣе двухъ сотъ лѣтъ;
 Изъ всѣхъ странъ собирались,
 Невозбранно жить поселялись,

*) Раскольники, какъ извѣстно, твердо вѣровали, что какъ только Соловецкая икона выйдетъ изъ Шарпана и будетъ поставлена въ Никоніанской церкви, древнему благочестію насталь неизбѣжный конецъ, и, потому, какъ только возможно, старались удержать ее на мѣстѣ.

Пустыня была всѣмъ прибѣжище
А нынѣ нѣту намъ убѣжища.
Первый былъ по всѣмъ лѣсамъ
Славный скитъ Оленевской;
Не мѣстами онъ былъ славенъ,
Не привольемъ былъ украшенъ;
Онъ славенъ былъ и украшенъ
Всѣмъ духовнымъ благолѣпиемъ:
У насъ были здѣсь моленны,
Подобны онѣ были раю,
Уряжены святыми иконами,
Украшены духовнымъ пѣніемъ.
Служба была ежедневная,
Молитва къ Богу непрестанная;
У насъ звонъ былъ удивленный,
Удивленный, аки громъ гремѣлъ;
У насъ не было мѣстъ привольныхъ,
А всѣмъ было изобильно;
У насъ было мѣсто блажное,
Но намъ казалось вездѣ раемъ;
Въ рощахъ птицы распѣвали,
Соловьи насъ утѣшали,
Примѣръ намъ подавали.
Но Господь насъ посѣщаетъ,
Въ послѣдніе дни все прекращаетъ:
Въ осьмитысящномъ вѣку,
Въ триста шестьдесятъ первомъ году (1853).
Послалъ на насъ Господь гнѣвъ свой,
Гнѣвъ ярости, суды безъ милости:
Нашихъ ради прегрѣшеній
Прогнѣвался Царь Небесный,
По Божію поущенію,
А по царскому повелѣнію,
Въ Нижній славный градъ,
Въ Семеновскій бѣдный уѣздъ,
Въ Оленевскій славный скитъ
Собирались собѣжались
Все къ намъ немилостивіи судіи;
Прочитали они намъ указъ
Отъ моленныхъ намъ былъ всѣмъ отказъ,
Всѣ часовни растворяли
Храмы Божіи раззоряли,
Царскія двери снимали,

Всѣ святыя иконы обирали,
Какъ жида Христа вязали,
Въ Нижній градъ отсылали;
Не успѣли они того окончить,
Начали и о насъ размышлять.
Въ томъ же году черезъ три мѣсяца
Еще грянула на насъ туча грозная —
Вторый выкли намъ указъ, —
Пачпортницамъ отъ скитовъ всѣмъ отказъ,
Высылаютъ бѣдныхъ — выгоняютъ,
По отечествамъ всѣхъ рассылаютъ,
Всѣхъ убогихъ и безродныхъ
Инокинь и схимницъ въ девяносто лѣтъ;
Но еще они намъ предлагали

И совѣтъ подавали:

«Вы своихъ мѣстъ не лишайтесь,
А къ церкви всѣ присоединяйтесь,
Вамъ жить будетъ пространно,
И жить будетъ невозбранно».
Во единъ гласъ отвѣщали всѣ:
«Не приемлемъ новой церкви,
Не нарушимъ свою вѣру;
Только мы ходили по воли,
Не желаемъ жить пространно
Для душевнаго спасенія».
Собирались вси дѣвицы
И младыя криложанки,
Вси плакали и рыдали,
Къ Богу руга воздѣвали.
«Оле, оле, увы намъ грѣшнымъ,
Почто мы на свѣтъ родились!
Откуда приде на насъ такая
Неожиданная напасть;
Мы теперъ должны будемъ
По чужимъ дворамъ скитаться,
Мы теперъ будемъ подобны
Праотцу нашему Адаму;
Адамъ праотець изъ рая изгнанъ бысть
Плода ради вкушенья,
А мы изгнаны бысть
Своего ради прегрѣшенья.
Увы, прекрасный нашъ рай,
Прелюбезный и драгій скиту!

Знать намъ въ тебѣ не живати,
 Святія службы не стояти,
 Такія радости не видати,
 Духовныхъ пѣсенъ не пѣвати!
 Воспримемъ ревность многу,
 Припадемъ ко всемогущему Богу:
 Боже, жизнь нашу управи
 Всемогущею рукою,
 Чтобы въ морскихъ волнахъ не погрязнуть,
 Чтобы въ морѣ жить — не погибнуть;
 Богомъ собранное стадо,
 Духовныя и любезныя сестры!
 Насталъ часъ разлученья,
 Умолкнулъ гласъ духовнаго пѣнья,
 Вездѣ слышенъ плачь и рыданья,
 Младыхъ со старыми разлученья:
 Кто насъ старыхъ пропитаетъ?
 Не своей волей разлучаемся мы,
 А по Царскому повелѣнію,
 А по Божьему поущенію *).

За свою дѣятельность по „раззоренію“ скитовъ П. И. Мельниковъ прослылъ въ Заволжѣ „отступникомъ Христовымъ“, а на Уралѣ до сихъ поръ распространена среди раскольниковъ пѣсня, гдѣ онъ называется Навуходносоромъ: самъ Навуходносоръ—Павелъ Ивановичъ, говоритъ въ пѣснѣ.

Скитскія зданія стоятъ и до сихъ поръ, но они по своей внѣшности производятъ жалкое впечатлѣніе. Вотъ, на примѣръ, теперешнее положеніе Оленевскаго скита. Когда-то это былъ славный и многолюдный скитъ, съ знаменитой Анеисиною обителью, основанной извѣстною Анеисою Колычевою, родственницею св. Филиппа митро-

*) Этотъ «стихъ», писанный по уставному, случайно найденъ мѣстнымъ историкомъ — этнографомъ Можаровскимъ въ одной изъ старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ у раскольниковъ во время раззоренія нижегородскихъ скитовъ въ 1853 г. (Русск. Стар. 1878 г. іюнь, стр. 344).

полита. Теперь это не болѣе какъ „Оленевскія кельи“ *). Посѣтившій въ концѣ 80-хъ годовъ эти „кельи“ г. Усовъ такъ описываетъ ихъ: „Мы отправились по обителямъ (Оленевского скита). Путь къ нимъ шелъ по деревенскимъ улицамъ, огороженнымъ изгородью изъ еловыхъ бревешекъ по доскамъ, наложеннымъ по бокамъ, вродѣ мостковъ. По обѣимъ сторонамъ подобныхъ улицъ почти не было населенія и жилья, кромѣ тѣхъ обителей, которыя мы посѣтили. Улицы эти поросли травой, которая выбивалась изъ щелей между досками мостковъ,—доказательство небольшого движенія людскаго по этимъ деревенскимъ путямъ сообщенія Оленевскихъ келій. Посѣщенные нами обители казались крайне небогатыми и дѣйствительно скорѣе заслуживаютъ названія келій, чѣмъ обителей. Въ одной изъ нихъ сама „матушка“, т. е. настоятельница обители, занималась вмѣстѣ съ своими скитницами стиркою бѣлья, и для показанія намъ своей молельни, ее вызвали изъ прачешной. Каждая обитель представляла обширное деревянное жилое помѣщеніе, сдѣланное изъ двухъ или болѣе срубовъ съ крытымъ дворомъ. Въ каждомъ подобномъ жильѣ было по нѣскольку горницъ, чулановъ, клѣтей, но самое лучшее помѣщеніе отведено было подъ молельню, украшенную множествомъ иконъ. Обитательницы этихъ келій были въ обыкновенной крестьянской одеждѣ, небогатой, но чистой и опрятной. Даже явившіяся прямо со стирки имѣли свою одежду въ полномъ порядкѣ и ничего „затрапезнаго“ въ нихъ не было замѣтно. Эти Оленевскія кельи, остатокъ прежнихъ богатыхъ обителей, очень скудны населеніемъ. Въ одной изъ нихъ, кромѣ матушки, поступившей въ скитъ съ малолѣтства, было всего 2—3 скитницы, было также нѣсколько молодежи“ **).

*) По старообрядческимъ легендамъ, Оленевскій скитъ получилъ свое названіе отъ дикаго оленя, явившагося первымъ поселенцамъ въ Керженскихъ лѣсахъ и тамъ указавшаго мѣсто для постройки скита.

***) «Среди скитницъ», «Истор. Вѣстн.», 1887 г., февр., стр. 321.

Существуют по настоящее время и скиты Шарпанскій, Комаровскій и нѣкоторые другіе. Однако и они уже не такъ многолюдны, какъ въ былое время и жизнь въ нихъ уже не такая. „Вѣра оскудѣваетъ“, а вмѣстѣ съ нею оскудѣваютъ и тѣ щедрыя приношенія, которыя прежде широкой рѣкой лились въ обители, отсюда явилась необходимость для скитниковъ и скитницъ не только молиться и спастись, но и работать, для снисканія себѣ пропитанія: трудовое начало все болѣе и болѣе начинаетъ проникать въ скитскій обиходъ.

Въ болѣе благопріятномъ положеніи оказались скиты, обращенные немного ранѣе скитскаго раззоренія въ единовѣрческіе монастыри. Изъ такихъ монастырей извѣстны Керженскій Благовѣщенскій и Осиповскій. Первый изъ нихъ наиболѣе замѣчателенъ и по своему историческому прошлому, и по своимъ достопримѣчательностямъ и даже по своему мѣстоположенію.

Дѣйствительно, мѣстоположеніе этого монастыря весьма живописное и уединенное. По обоимъ берегамъ Керженца находится лѣсъ безъ всякихъ признаковъ жилья. Только для монастырскихъ строеній съ узкимъ пространствомъ вокругъ ограды, мѣсто очищено изъ подъ лѣса. Керженецъ, протекая вдоль ограды монастыря, расположеннаго на его правомъ берегу, за монастыремъ круто поворачиваетъ влѣво и скрывается въ лѣсной глуши. Подобными извилинами эта рѣка вообще богата и ими обуславливаются ея омуты, отъ которыхъ Керженецъ издавна получилъ названіе „омутистаго“. Съ крутого колѣна, гдѣ начинается поворотъ рѣки въ лѣвую сторону, открывается живописный, наилучшій видъ на монастырь, на Керженецъ, на лѣса, обнимающіе собою горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Чудную картину представляетъ эта мѣстность весною или лѣтомъ, при яркомъ дневномъ освѣщеніи, при пѣніи пернатыхъ обитателей здѣшнихъ лѣсовъ, при наполняющемъ воздухъ ароматѣ лѣсныхъ и луговыхъ травъ. Не мало очаровательныхъ

виловъ въ дикой, безлюдной мѣстности около монастыря найдеть для себя талантливый художникъ-пейзажистъ.

Подобная уединенная, чарующая мѣстность на рѣкѣ, изобилующей рыбою, естественно могла привлечь сюда послѣдователей раскола, какъ въ XVII ст., такъ и позже, въ XVIII, послѣ прекращенія Питиримова „озлобленія“. Судя по рассказамъ старообрядцевъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія здѣсь основанъ былъ скитъ. Тарасій, первый игумень этого единовѣрческаго монастыря (скончавшійся 10 августа 1876 года, имѣя 78 лѣтъ отъ роду), пришелъ къ своему учителю Пафнутію, жившему въ этой мѣстности и съ нимъ вмѣстѣ положилъ основаніе скиту. Обращеніе его къ единовѣрью, при содѣйствіи тогдашняго преосвященнаго нижегородскаго Іакова и благодаря убѣжденіямъ П. И. Мельникова, въ 1848 году, было однимъ изъ первыхъ сильныхъ ударовъ, нанесенныхъ раскольничьему міру въ Заволжьѣ.

Еще большимъ ударомъ для раскола было перенесеніе въ слѣдующемъ году въ Керженскій монастырь изъ Шарпанскаго скита иконы Казанской Божіей Матери, почитаемой въ старообрядческомъ мірѣ чудотворною святынею и отобранной изъ этого скита Мельниковымъ. Раскольники, однако, убѣждены, что Мельниковымъ увезенъ былъ изъ скита снимокъ этой иконы, а не самая икона; которая, будто бы, сохранилась въ ихъ рукахъ. Въ городѣ Семеновѣ еще живъ ямщикъ, который возилъ П. И. Мельникова въ Шарпанскій скитъ за иконой Казанской Богоматери. „По пріѣздѣ изъ скита съ иконою,—рассказываетъ этотъ ямщикъ,—Павелъ Ивановичъ взялъ икону къ себѣ въ спальню, а мнѣ приказалъ лечь въ дверяхъ. Только подъ утро слышу я, въ калитку кто-то стучится. Хозяинъ квартиры (раскольникъ) вышелъ. Слышу—шопотъ, а потомъ меня кличутъ. Выхожу я, мнѣ и говорятъ:—убей.. пять тысячъ не пожалѣемъ“. Ямщикъ отказался. Тогда раскольники поговорили и рѣшили по иному. Они предложили ямщику

тысячу рублей съ тѣмъ, чтобы онъ подмѣнилъ увезенную икону копіей съ нея. Народная молва говоритъ, что на этотъ разъ ямщикъ не устоялъ предъ соблазномъ легкой наживы, хотя раскольники и тутъ не могли не сплутовать: вмѣсто обѣщанной тысячи, они заплатили ему только пятьсотъ рублей. Есть и другая легенда относительно Шарпанской иконы: старцы слезно молили Мельникова пощадить ихъ святыню, но онъ не смягчился сердцемъ; великій выкупъ предлагали, но не польстился онъ и на золото. Тогда съ плачемъ проводила братія святую икону и Мельниковъ увезъ ее. На дорогѣ въ глухомъ лѣсу застала его ночь и тутъ совершилось чудо: отъ иконы изошли яркіе лучи и Мельниковъ ослѣпъ. Покаявшись, онъ повезъ было икону обратно, но ему встрѣтился дьяволъ и уговорилъ не отдавать иконы. Мельниковъ собирался уже будто-бы везти икону въ Петербургъ, какъ чудеснымъ образомъ она исчезла и появилась въ Керженскомъ скиту. Мельниковъ отправился было вторично за иконой, но Керженскій скитъ сталъ невидимъ.

Въ легендахъ говорится еще, что какимъ-то образомъ Мельниковъ проникъ въ скитъ, но икона приросла къ стѣнѣ, стали рубить стѣну, топоры ломались, а стѣна не поддавалась. Такъ и осталась Шарпанская икона въ Керженскомъ скиту *).

*) Павелъ Ивановичъ (такъ большею частью называютъ Мельникова на Керженцѣ) сдѣлался теперь у раскольниковъ какою-то мнѣической личностью. О немъ рассказываютъ разныя сказки, особенно относительно его прозорливости: все онъ зналъ, все видѣлъ, даже сквозь стѣну, и ничто отъ него не могло скрыться. Вотъ что, напримѣръ, рассказывала про него одна старуха-уоставщица, помнившая «скитское раззореніе». «Павелъ Ивановичъ,—говорила она,—часто заѣзжалъ въ нашъ скитъ, только худого отъ него не было намъ, да и то сказать, надежно было, припрятано все. Только пріѣзжаетъ однажды онъ съ дороги, усталый, въ холодную осеннюю пору; подали мы ему, по скитскому обычаю, всякаго угощенія; ѣсть онъ, похваливаетъ, вина вкусилъ—похвалилъ тоже. А хорошо, говорить, у тебя, мать, вино-то; за угощеніе спасибо, только ужъ если хотѣла

Первымъ настоятелемъ Керженскаго Благовѣщенскаго монастыря, какъ мы сказали, былъ игумень Тарасій. Память о немъ, умершемъ въ санѣ архимандрита и до сихъ поръ съ почтеніемъ сохраняется въ монастырѣ. Онъ, равно и его преемникъ, Евгеній похоронены въ монастырѣ, съ наружной стороны Троицкаго собора, у алтаря. При открытіи единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, въ 1866 г., архимандриту Тарасію предложили быть его настоятелемъ, но онъ отказался отъ подобнаго повышенія, несмотря на продолжительныя убѣдительныя просьбы. „Семьдесятъ лѣтъ прожилъ я на Керженцѣ,—сказалъ почтенный старецъ,—тамъ-же и умру. Нѣтъ иного мѣста для меня“. Не мало искушеній и даже мученій испыталъ этотъ маститый старецъ, послѣ своего обращенія къ св. Церкви, но мужественно съ истинно-христіанскою доблестію онъ претерпѣлъ ихъ до конца, памятуя слова преосвященнаго Іанова, ему сказанныя: „Старче Божій, ты идешь не къ славѣ, не къ почестямъ, не къ богатству, но ко всякимъ лишеніямъ, помни-же, что тебѣ надо терпѣть и много претерпѣть“.— И онъ дѣйствительно много претерпѣлъ. Жительницы оставшихся на Керженцѣ женскихъ скитовъ, яко зло, поносили имя Тарасія. Доселѣ онъ считался столбомъ Керженца и потому обращеніе его къ Православной церкви было слишкомъ тяжело для нихъ. Скитскія жительницы писали о Тарасіи къ московскимъ раскольникамъ, подаяніями которыхъ существовалъ Благовѣщенскій скитъ. Московскіе и другихъ городовъ раскольники покинули Тарасія съ братією, а единовѣрцы еще не знали ихъ. Средствъ не было, и дошелъ отецъ Тарасій до того, что почти нечѣмъ стало ему кормить

угостить всласть, напрасно не подала ты бутылочку, что у тебя въ погребѣ подъ лѣстницей направо стоитъ. Какъ молвилъ онъ это, сердце у меня такъ и обмерло: бутылочка-то бутылочкой, а вѣдь тамъ-же подъ лѣстницей хоронено было все запретное». («Ниж. Губ. Вѣд.», № 1, стр. 3, ст. «На Керженцѣ»).

новоприсоединяющуюся братію. Тогда раскольники стали склонять его къ обратному переходу въ расколъ, обѣщая богатую и изобильную жизнь, вмѣстѣ съ бѣлокри-
 ницкимъ омофоромъ. Обѣднѣвшій, можно сказать полу-
 голодный старецъ не поддавался искушенію. Не мало пре-
 терпѣлъ онъ при этомъ роптаній и укоризнъ отъ нѣко-
 торыхъ изъ братій, еще не вполне утвердившихся въ
 православіи. За тѣмъ послѣдовали иныя бѣды: окрест-
 ные крестьяне—раскольники обижали его; тайный рас-
 кольникъ, волостной старшина, не позволялъ ему поль-
 зоваться лѣсомъ, и было такъ, что окруженная дрему-
 чимъ лѣсомъ Тарасіева братія зимой терпѣла холодъ.
 Миновали, наконецъ, и эти бѣды; монастырь сдѣлался
 безбѣднымъ. Тогда окрестные раскольники распустили
 слухъ о неслыханныхъ богатствахъ у о. Тарасія, и од-
 нажды ночью нѣсколько разбойниковъ изъ раскольни-
 ковъ напали на монастырь, ограбили его, и, желая узнать
 куда спряталъ о. Тарасій небывалая сокровища, избили
 его и подвергнули пыткамъ; на горячей берестѣ палили
 ему подошвы. Достойный старецъ претерпѣлъ все съ
 христіанскимъ терпѣніемъ, и благодарностію къ Богу.
 Видный собой, высокій ростомъ, съ большою окладистою
 и, какъ лунь бѣлой бородой, о. Тарасій отличался умомъ,
 безграничною кротостію и трогательной простотою, напо-
 минающей простоту инока времянь давно минувшихъ *).

Съ уничтоженіемъ скитовъ, расколъ въ Нижегород-
 скомъ краѣ, какъ показываетъ дѣйствительность, мало
 потерялъ своей силы и численности своихъ членовъ.
 Измѣнилась только обстановка. Изъ разрушенныхъ и
 уничтоженныхъ скитовъ много раскольниковъ бѣжало
 въ дремучіе лѣса, и тамъ снова въ землянкахъ стало
 основывать притоны раскола. Не было только многочлен-
 ныхъ прежнихъ скитовъ. Обыкновенно эти бѣглецы сели-

*) Сборникъ для истор. старообр., изд. Пашова, т. II, вып. 5
 стр. 248.

лись по одиночкѣ, и большею частію въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другаго—подъ однимъ духовнымъ началомъ,—и мѣста выбирали глухія, обыкновенно—среди болотъ,—маленькіе островки, едва возвышающіеся надъ окружающими, почти непроходимыми болотами и вообще такія мѣста, гдѣ лучше можно было скрываться въ случаѣ розысковъ.

Живя въ глуши, эти старцы—бѣглецы нерѣдко выходили на свѣтъ Божій изъ своихъ тайныхъ притоновъ, и вездѣ, куда они ни появлялись, старались разгласить вѣру древнихъ отцевъ, дѣйствуя на жителей своимъ наружнымъ благочестіемъ, таинственнымъ появленіемъ, странническимъ видомъ, воздержаніемъ и тому подобными внѣшними подвигами. А извѣстно, что нашъ простой народъ склоненъ къ таинственности; и потому всякая религіозная пропаганда, прикрытая неизвѣстностію и странническимъ видомъ, распространяется между ними чрезвычайно быстро, находитъ помыслователей и сообщается изъ кельи въ келью, изъ деревни въ деревню.

Но тогда какъ одни изъ скитниковъ уничтоженныхъ обитателей бѣжали и скрывались гдѣ либо въ лѣсныхъ тущобахъ,—другіе—большая часть изъ женскихъ скитовъ—устремились въ села и деревни, и здѣсь образовали особый разрядъ такъ называемыхъ келейницъ или черничекъ. Онѣ живутъ, обыкновенно, по селамъ и деревнямъ въ кельяхъ, построенныхъ или позади крестьянскихъ дворовъ, или-же гдѣ-либо въ концѣ села или деревни. Онѣ-то и стали теперь поддерживать и распространять расколъ; имъ теперь раскольники стали отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе, которыхъ и воспитываютъ онѣ въ ненависти къ православной церкви, и особенно къ ея священнослужителямъ. Въ этомъ случаѣ, немало помогаютъ имъ внѣшній ихъ видъ и самая ихъ обстановка. Онѣ всегда кажутся безкорыстными, строгими въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, понимаемыхъ, разумѣется, своеобразно. На устахъ ихъ по-

стоянно молитва Иисусова. Кромѣ того, ихъ блѣдный цвѣтъ лица, ихъ черная, монашеская одежда, степенная походка, тихая, но самоувѣренная рѣчь,—все это чрезвычайно располагаетъ къ нимъ простой народъ. Ихъ жилища привлекаютъ также вниманіе своею замѣчательной чистотой и опрятностію: внутри всегда выметено, вымыто; стѣны, выкрашенныя по большей части бѣлою краской, увѣшаны священными изображеніями — преимущественно картинами страшнаго суда, мытарствъ Θεодоры, изображеніями расколоучителей и т. под., въ переднемъ углу стоятъ старинные образа въ стеклянномъ кіотѣ, завѣшанные желтой или другой зановѣсью стекла въ окнахъ свѣтлыя, чистыя и непремѣнно полужакрытыя бѣлыми или желтыми занавѣсками. Почти всегда въ домахъ сихъ носится дымъ ладона съ кадильницы, курящейся въ божницѣ. Хозяйка съ строгимъ, испостившимся лицомъ—въ черной одеждѣ, по исполненіи хозяйственныхъ работъ, не рѣдко садится за столъ и читаетъ какую-нибудь старинную, въ кожаномъ переплетѣ, книгу мѣрно, тихо, нѣсколько въ носъ и на распѣвъ. Все это, вмѣстѣ взятое, располагаетъ нашъ простой народъ къ благоговѣнію къ жителямъ сихъ мѣстъ, и раскольники дѣйствительно, гордятся своими черничками. Они, постигнутые какимъ-либо горемъ, неудачей, несчастіемъ, нерѣдко спѣшатъ сюда, напередъ зная, что здѣсь они могутъ успокоиться, наслушавшись отъ божественнаго, эти домики привлекаютъ къ себѣ также много и православныхъ, особенно женщинъ, которыя, побывавши здѣсь разъ, нерѣдко учащаютъ свои посѣщенія, и случается, что, поддавшись обаянію жизни бобылокъ, и сами переходятъ въ расколъ, и вмѣстѣ съ собою увлекаютъ другихъ. А своихъ дочерей-дѣвицъ нерѣдко подговариваютъ, или, по крайней мѣрѣ, не препятствуютъ избрать такой-же родъ жизни, какой ведутъ мнимыя монахини, почитая эту рѣшимость дочерей за внушеніе свыше, и надѣясь въ такомъ случаѣ имѣть молитвен-

ницу о своихъ и своей семьи грѣхахъ. Всѣ мнимыя монахини очень хорошо понимаютъ свое положеніе и пользуются имъ, какъ нельзя лучше. Не говоря объ обучающихся у нихъ грамотѣ, которыхъ онѣ почти всегда дѣлаютъ чрезъ свои внушенія ненависти къ Православію, истыми и закоренѣлыми раскольниками, онѣ много содѣйствуютъ вообще подлержкѣ раскола и пропагандѣ его. — Правда, много въ закулисной жизни сихъ черничекъ есть худаго, несогласующагося съ ихъ положеніемъ, много есть и безнравственнаго, но все это отъ большинства сокрыто. Къ тому-же и то нужно сказать, что въ понятіи раскольниковъ—развратъ, лишь-бы онѣ не были открытымъ, простителенъ, и на него смотрятъ снисходительно.

Въ числѣ замѣчательныхъ скитницъ, поселившихся послѣ скитскаго „раззоренія“ въ городахъ и селахъ Заволжья, слѣдуетъ отмѣтить мать Эсеирь, проживавшую въ гор. Семеновѣ и пользовавшуюся неограниченнымъ вліяніемъ на раскольниковъ и общимъ ихъ уваженіемъ. По рассказамъ старообрядцевъ, домъ ея представлялъ обитель и находился подлѣ дома, въ которомъ жилъ мѣстный исправникъ. Каждый Нижегородскій губернаторъ, при посѣщеніи города Семенова, считалъ какъ бы обязанностію побывать у матери Эсеири, что еще болѣе возвышало ея значеніе въ глазахъ старообрядцевъ. Она принадлежала къ тайному священству или бѣглопоповщинѣ, пользующейся услугами православныхъ священниковъ, перешедшихъ въ старообрядчество. Величественная осанка, живой, огненный взоръ, повелительное выраженіе лица были характерными особенностями этой женщины, обладавшей необыкновенными умственными способностями, умудренной оцѣтомъ жизни, проведенной среди немалыхъ затрудненій и бѣдствій, обрушившихся на старообрядцевъ Заволжья. Бесѣды съ матерью Эсеирью, по словамъ знавшихъ ее, были очень назидательны и оставляли по себѣ сильное впечатлѣніе, осо-

бенно на умы единовѣрныхъ съ нею *). Мать Эсеирь умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Подобная выдающаяся личность женскаго старообрядческаго міра, какъ Эсеирь была, повидимому, одной изъ послѣднихъ представительницъ его въ Заволжьѣ. На мѣсто старинныхъ и когда-то знаменитыхъ, но теперь полуразрушенныхъ, раскольничьихъ скитовъ въ послѣднее время въ Нижегородской губерніи стали появляться новые скиты и молельни. Такъ, напримѣръ, устроенъ скитъ на старообрядческомъ кладбищѣ подлѣ военнаго лагеря, расположеннаго тотчасъ за Нижнимъ-Новгородомъ, на Арзамасскомъ почтовомъ трактѣ. Внизу, подъ откосомъ, на берегу Волги, въ Нижнемъ у завода Курбатова устроена прекрасная старообрядческая молельня. Въ пяти верстахъ въ сторону отъ Уткинской станціи, лежащей на почтовомъ трактѣ изъ Нижняго Новгорода въ Семеновъ, подъ видомъ богадѣльни устроенъ въ Малиновѣ скитъ на средства, пожертвованныя двумя извѣстными нижегородскими милліонерами — старообрядцами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Частный бытъ нижегородскихъ раскольниковъ.

Въ своемъ частномъ быту раскольники очень религіозны. Это коренные люди, народностію которыхъ служить ихъ религія, ихъ расколъ. Въ своей практической дѣятельности они, рядомъ съ глубокою набожностію, нерѣдко представляютъ характерную для русскаго челоувѣка двойственность, — черту, которая можетъ показаться странною для челоувѣка, чуждаго русскаго духа. Раскольникъ молится Богу, наприм., даже при нечестномъ предпріятіи или планѣ; добрый и жалостливый по отношенію къ обѣднѣвшему своему сосѣду мужику, онъ

*) Усовъ «Среди скитницъ». «Истор. Вѣст.», 1887 г., февр., 333.

вдругъ дѣлается его притѣснителемъ, лишь обстоятельства его поправляются, — выживаетъ его вонъ изъ сосѣдства; почтительный къ вѣрѣ своихъ отцовъ, свято чтущій ея уставы, онъ иногда позволяетъ себѣ кощунственно смѣяться надъ ней и ея церковнымъ чиномъ; освятивъ начало дѣла молитвою, онъ вслѣдъ за ней идетъ въ кабакъ и т. д.

Но и при этой двойственности, въ характерѣ раскольника перевѣсъ остается все-таки за его религіозною набожностію, которая есть его неотъемлемое положительное качество. — Каждый шагъ свой онъ освящаетъ молитвой, и на всякое болѣе или менѣе выдающееся обстоятельство своей жизни онъ смотритъ какъ на милость или посѣщеніе Божіе. Поэтому, въ своихъ несчастіяхъ онъ далекъ отъ ропота. „Зачѣмъ на Бога роптать? Богъ лучше знаетъ, чему надо быть?“ — утѣшается онъ, въ конецъ обездоленный „злодѣями“. Въ своихъ отношеніяхъ къ расколу, какъ религіи собственной, имъ раскольникамъ принадлежащей по праву наслѣдства отъ отцевъ и дѣдовъ — всѣ они могутъ быть подведены подъ три главныя категоріи. Къ первой изъ нихъ мы причисляемъ раскольничье большинство, деревенскую массу раскольниковъ; ко второй — сравнительное меньшинство, — богатей купцовъ, отношеніе которыхъ къ расколу есть отношеніе покровительства и защиты, — и къ третьей — самое незначительное меньшинство, — людей просвѣщенныхъ, людей не чуждыхъ современныхъ новшествъ.

Масса раскольниковъ населенія въ большинствѣ случаевъ безсознательно относится къ вопросамъ своей вѣры, послѣдней она подчасъ и не знаетъ, и если какой раскольникъ крѣпко стоитъ за присвоенное право именоваться старообрядцемъ, то нерѣдко чисто изъ разчета, чтобы не стать отщепенцемъ среди своихъ односельчанъ, съ которыми связанъ неразрывными узами не только годовыхъ традицій, но и матеріальныхъ выгодъ. Невѣжественная раскольничья масса смѣло бредетъ за своими

вожаками. Среди этих вожаковъ, учителей и наставниковъ еще въ недавнее время не маловажную роль играли на Керженцѣ такъ называемые переходящіе стародубскіе старцы и старцы съ Вѣтки. Являлись изъ далекаго Стародубскаго Новопокровскаго скита (Черниг. губ.) и изъ „Вѣткинскихъ келій“ (Мог. губ.), они ходили изъ скита въ скитъ, изъ селенія въ селеніе, дѣлая поученія, совершая требы, и снова удалялись, возвращаясь обратно въ Стародубъ, или продолжая странствованіе по другимъ губерніямъ. Случалось, что простой какой-нибудь бродяга, никогда не выдавший ни Стародуба, ни Вѣтки, принималъ на себя монашескій видъ, начиная учить и совершать службы въ домашнихъ молельняхъ, и всѣ ему вѣрили, называли старцемъ, несли ему рѣбятъ для молитвованія и крещенія, или звали его для совершенія погребенія. Среди подобныхъ самозванныхъ поповъ нерѣдко попадались и бѣглые съ каторги и сбытки фальшивыхъ ассигнацій. Такого бродячаго народа много было въ мѣстныхъ закоулкахъ Заволжья, да называютъ и по сію пору они попадается въ Заветлужьѣ *).

Характерная черта раскольничьяго простонародья—это слѣпая приверженность къ буквѣ обряда, ко всему тому, что освящено стариной, хотя-бы и мнимой только. Такимъ образомъ, все старое древле-православное въ глазахъ старовѣровъ—свято; все же новое, проявляющееся въ реформахъ, въ перемѣнахъ семейныхъ и бытовыхъ отношеній, въ пиджакѣ, въ куреніи табаку и т. п. принимается ими съ явнымъ, или глухимъ протестомъ, иногда безъ раздѣленія новаго на полезное и вредное. Этотъ протестъ явился, можно сказать, въ силу историческихъ условій, такъ или иначе дѣйствовавшихъ на народную жизнь. Начавъ съ протеста противъ исправленія патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ старо-

*) Заветлужье — на границѣ Нижегородской и Костромской губерній.

вѣріе перенесло подобный же протестъ на всѣ новшества, — начиная съ брадобритія и нѣмецкаго платья, и кончая реформами Императора Петра I-го, — новшества въ большинствѣ случаевъ дѣйствованія на старовѣровъ не совсѣмъ пріятно.

Но было бы ошибкой считать старовѣровъ неспособными понять какую либо изъ реформъ, благопріятно повліявшихъ на мужицкую жизнь. Испытавши дѣйствіе подобной реформы, старовѣръ начинаетъ держаться за нее. Такъ нѣкоторые изъ нихъ поняли теперь, напри- мѣръ, пользу обученія и охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ школы.

Непросвѣщенный въ дѣлѣ своей религіи народъ допускаетъ въ нее множество элементовъ, совершенно ей чуждыхъ. Множество суевѣрій и предрасудковъ замѣняютъ ему истую религію, удовлетворяютъ его религиозное чувство. Онъ принимаетъ ихъ, не имѣя болѣе здороваго удовлетворенія потребностямъ своей религиозной души, и тѣмъ крѣпче ихъ держится, чѣмъ они нелѣпѣе; для него, какъ будто только чудовищная нелѣпость, искажающая самые доступные для грамотнаго человѣка историческіе факты, — одна она и можетъ внушать къ себѣ довѣріе, и тѣмъ больше, чѣмъ чудовищнѣе искаженіе. Всѣ сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ (большомъ и маломъ), объ ангельски-блаженномъ житіи въ немъ, о Васильгородской церкви и т. п., подкрѣпляемыя свидѣтельствами „Лѣтописцевъ“, „грамотокъ“ изъ самаго Китежа и друг. народъ принимаетъ на слово и не хочетъ, чтобы въ нихъ что нибудь было исправлено. Для него свято правило: „слушать святое писаніе въ молчаньѣ и страхѣ Божиѣмъ“.

Много между раскольниками есть и повѣрій языческихъ. Рядомъ съ христіанскими вѣрованіями и строгими обрядами твердо держатся они обрядовъ стародавнихъ, заботно берегутъ остатки вѣрованій веселыхъ старорусскихъ боговъ. Молодежь деревенская чтитъ ихъ

цѣлымъ рядомъ праздниковъ—лѣтнихъ и зимнихъ. Цѣлыя ночи уходятъ на веселыя игры, древнія, какъ самъ славянскій народъ. Благодаря тому-же невѣжеству массы послѣдователей раскола, въ немъ держатся до сихъ поръ повѣрья—относительно цѣлебныхъ свойствъ „крещенскаго снѣжка“, собраннаго молодыми дѣвками да бабами на деревенской околицѣ (отъ сорока болѣзней);—относительно крестовъ, которые пожилыми бабами да старыми старухами „клались“ мѣломъ надъ дверьми и надъ окнами („ради отгнанія нечистаго“);—относительно того, что вся окаянная сила съ Никитина осенняго дня спить („на покой христіанскимъ душамъ“) до самаго вешняго Никиты (съ 15 сентября до 3 апрѣля), относительно закармливанія домовыхъ на день святого Ефрема Сирина и др. Наполняютъ такія повѣрія незнаемый умъ невѣжественнаго раскольника, составляя его первобытное міровоззрѣніе, соединившееся съ христіанскимъ въ его своеобразномъ бытѣ.

Болѣе сознательное отношеніе къ расколу представляютъ люди второй категоріи. Сюда относятся богачи раскольники: купцы заволжскіе и столичныя. Условія жизни рѣзко различаютъ первыхъ отъ вторыхъ. При одинаковой преданности расколу они далеко расходятся въ своей жизни и отношеніяхъ къ обрядности.

Для первыхъ расколъ самое дорогое сокровище. На его поддержаніе и распространеніе, на его нужды и нужды его приверженцевъ, они не щадятъ никакихъ трудовъ, никакихъ издержекъ. Ихъ ревность къ вѣрѣ отцовъ почти не знаетъ предѣловъ. Въ своемъ обыденномъ быту, въ своихъ нравахъ заволжскіе богачи раскольники и въ настоящее время держатся старинной простоты; они еще не снимаютъ своихъ длинныхъ кафтановъ или поддевокъ и не мѣняютъ ихъ на фраки. Типъ такого богача-раскольника Мельниковъ въ своемъ романѣ изобразилъ въ лицѣ Потапа Максимовича Чапурина. И типъ этотъ совсѣмъ не вымышленный; онъ

сплошь и рядомъ встрѣчается въ расколѣ. Тотъ-же самый Мельниковъ въ своемъ отчетѣ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи такъ охарактеризовалъ извѣстнаго, теперь уже умершаго нижегородскаго милліонера-раскольника П. Е. Бугрова.

Этотъ обладатель милліоновъ, совершенно чуждый образа жизни новаго поколѣнія, жилъ, какъ простой рядовой мужикъ. Развѣзая по своимъ дѣламъ, онъ на пароходахъ бралъ мѣсто въ 3 классѣ, возилъ съ собой ржаной каравай съ огурцами или лукомъ и довольствовался подобною пищею, не прибѣгалъ къ услугамъ пароходнаго буфета. И его одежда, порядочно поношенная, соотвѣтствовала такому образу жизни. При суровомъ образѣ жизни, столь уважаемой раскольниками, Бугровъ и держитъ себя со всѣми просто; и своему работнику, и губернатору онъ говоритъ одинаково „ты“. Имѣя рѣдкій умъ и смѣтливость, онъ прикидывается неучемъ и тѣмъ много выигрываетъ въ свою пользу, привлекая къ себѣ кого нужно задушевною, повидимому простотою и дѣйствительною прямою поступковъ во всемъ, что не касается раскола. Имѣя нѣсколько большихъ, каменныхъ домовъ въ Нижнемъ Новгородѣ, большую водяную мельницу въ Семеновскомъ уѣздѣ и кредитъ чрезвычайно обширный, ворячая сотнями тысячъ, этотъ старикъ живетъ хуже всякаго мѣщанина средней руки и дѣлаетъ это не отъ скупости, не изъ ханженства и вообще не по какимъ-либо расчетамъ, а по привычкѣ къ простому быту.

Для опредѣленія обширности кредита Бугрова достаточно представить слѣдующій случай: однажды Бугровъ хотѣлъ взять большой подрядъ на перевозку казенной соли изъ нижегородскихъ оптовыхъ магазиновъ. Всѣ знали, что онъ значительно спуститъ цѣны и потому члены солянаго правленія, изъ своихъ расчетовъ, не хотѣли допустить Бугрова къ торгамъ. Узнавъ, что у Бугрова въ наличности денегъ нѣтъ, но что онъ дол-

женъ получить въ возвратъ залогъ свой изъ строительной комисіи, они устроили дѣло такъ, что строительная комисія подъ разными предлогами задержала выдачу ему залога, продержала тамъ до половины двѣнадцатаго часа и затѣмъ объявила, что залога онъ не можетъ получить ранѣе слѣдующаго дня. Оставалось только полчаса до переторжки. Бугровъ опрометью бросается на Нижегородскій базаръ и тамъ, сказавъ торговцамъ: „братцы, давайте денегъ скорѣе“, снялъ передъ ними малахай. Черезъ четверть часа въ малахай было накидано 20.000 руб. серебромъ, съ которыми Бугровъ поспѣлъ на переторжку и поставка осталась за нимъ *).

„Въ ветхой шубенкѣ, крытой крашениною, въ потертомъ малахай, на простыхъ роспускахъ, запряженныхъ клячею, разъѣзжаетъ онъ по городу, чтобы посмотреть за работами, взятыми имъ съ подряда или побывать у людей чиновныхъ, съ которыми, говоря о дѣлахъ по постройкамъ и подрядамъ, онъ, въ случаѣ надобности, ловко ввертываетъ хитрое словцо, которымъ убѣждаетъ нужнаго чиновника дѣйствовать въ пользу раскола. Въ той-же шубенкѣ, въ которой, глядя на мостовщика, не знающаго снаровки, Бугровъ самъ садится на запряженную имъ мостовую и бьетъ молотомъ булыжникъ, съ шуточною приговоркою, что достался-же крѣпышъ своему хозяину, — въ той-же шубенкѣ онъ приходитъ и въ пріемную губернатора, но не остается въ ней долго: въ то время, какъ болѣе или менѣе важные чиновники часа два ожидаютъ выхода начальника губерніи, Бугровъ немедленно впускается въ губернаторскій кабинетъ. Тамъ толкуетъ онъ съ начальникомъ губерніи о разныхъ дѣлахъ по подрядамъ, шутя и балагурия, уступаетъ цѣны на заготовляемые матеріалы, берется сдѣлать бесплатно сверхсметную работу и, при-

*) Такой-же случай былъ и съ Чапуринымъ, рассказъ въ Лѣсахъ, изд. 75 г., ч. I, 8.

обрѣтая такимъ образомъ расположеніе губернатора, ходатайствуетъ въ то-же время предъ нимъ за того или другого раскольника, но всегда заводитъ рѣчь о томъ осторожно, стороною. Ходатайству Бугрова Семеновскіе скиты обязаны, между прочимъ, тѣмъ, что тогдашній губернаторъ смотрѣлъ на возобновленіе ихъ сквозь пальцы; ходатайству Бугрова обязаны скиты тѣмъ, что кн. Урусовъ въ 1853 году писалъ даже о необходимости оставить скиты въ прежнемъ положеніи и т. п.

По слухамъ, послѣ своей смерти П. Е. Бугровъ оставилъ 7 милліоновъ рублей капитала и 180.000 десят. лѣса. Увѣряютъ, что принадлежащія ему лѣсныя богатства оцѣниваются въ 14 милліоновъ рублей. „Это цѣлое княжество въ нашей губерніи“, говорятъ Нижегородцы. Для разработки этого лѣсного богатства устроено нѣсколько паровыхъ лѣсопиленъ, соединенныхъ рельсовыми вѣтвями съ нижегородскою желѣзною дорогою. Огромный садъ въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ, бывшій князя Грузинскаго, также принадлежитъ наследникамъ Бугрова *).

Подобныхъ оригиналовъ-богачей среди Заволжскаго раскола и въ настоящее время не мало.

Другой типъ представляютъ богачи-раскольники, знакомые съ столичной жизнью или усвоившіе плоды ея. Столичная жизнь, жизнь среди утонченно-цивилизованнаго общества, невольно кладетъ на городскихъ раскольниковъ свою печать, увлекая ихъ въ даль отъ отеческой простоты въ нравахъ. Въ ея круговоротѣ невольно (а подѣ часъ и необходимо) забывается и оставляется расколичья преданность старинѣ; новшества одно за другимъ вкрадываются въ бытъ богатаго городского раскольника. То, чѣмъ возмущались, какъ ересью, старые раскольники, — нѣмецкою одеждою, табакокурениемъ, брадобритіемъ и т. п., теперь уже усвоено моло-

*) «Истор. Вѣстн.», 188 4 г., ноябрь, стр. 310—314.

дымъ раскольничьимъ поколѣніемъ. Молодые раскольники участвуютъ въ театральныхъ зрѣлищахъ, въ маскарадахъ, балахъ, разряженные въ новомоднаго покроя платья. Отъ нихъ не отстаютъ и старики. Обращенія съ „церковниками“ ни тѣ, ни другіе не бѣгаютъ и не считаютъ его грѣховнымъ. Вообще, свой взглядъ на обрядность они выражаютъ такъ: „Нашему брату купцу, особенно изъ молодыхъ, никакъ невозможно старыхъ обычаевъ во всемъ соблюсти. Что станешь дѣлать?“

Каково положеніе женщины въ расколѣ? Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ сектахъ женщина, наравнѣ съ мужчиной, принимаетъ дѣятельное участіе въ богослуженіи и, вообще, въ жизни религіозной; она читаетъ при богослуженіи, совершаетъ религіозные обряды, участвуетъ въ религіозныхъ спорахъ, въ семьѣ она почти всегда является руководительницей въ жизни религіозной: она слѣдитъ, чтобы дѣти ея молились „истово,“ она внушаетъ имъ раскольническія понятія и т. п. Но при всемъ томъ бракъ ея съ мужчиной не представляетъ въ большинствѣ случаевъ устойчивости. И это тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ толкахъ *) бракъ заключается только „по благословенію родителей“: благословили отецъ и мать—брачная пара считается законною у старообрядцевъ.

Съ точки зрѣнія жены такой порядокъ брачныхъ отношеній, конечно, выгоденъ въ томъ отношеніи, что она можетъ оставить мужа легче, чѣмъ при церковной формѣ брака. Но, съ другой стороны, жена лишенная экономической самостоятельности, еще болѣе закрѣпощается мужемъ, имѣющимъ возможность прогнать ее, особенно если у нихъ не имѣется дѣтей: исходъ такой женщины—наемъ въ работницы. Въ книгахъ волостного суда встрѣчаются иногда случаи въ родѣ слѣдующаго. Одна женщина, жила, въ брачныхъ отношеніяхъ съ од-

*) Наприм. въ толкахъ „Спасово согласіе“ и „Городецкой часовни“.

нимъ крестьяниномъ 8¹/₂ лѣтъ по раскольничьему бракосочетанію. Мужъ прогоняетъ ее; жена требуетъ съ него около 38 рублей за ея работу въ его домѣ за этотъ періодъ времени и на прокормленіе съ нимъ прижитаго ребенка—192 руб. Отвѣтчикъ показалъ на судѣ, что она ему—не жена, а работница, получавшая плату, а ребенокъ прижить не съ нимъ. Волостной судъ крестьянина оправдалъ. Женщина, кажется, въ этомъ случаѣ чаще проигрываетъ дѣло; извѣстно не мало случаевъ, когда жена по раскольничьему бракосочетанію получаетъ отказъ на волостномъ судѣ въ требованіи отъ своего мужа имущества. Расходятся жена съ мужемъ въ раскольничьемъ мірѣ нерѣдко, и „розжени“ чуть не обычное явленіе. Иной женится, такимъ образомъ, раза 2—3, часто бросая жену на произволь судьбы. Къ такому факту крестьяне относятся неодобрительно, а иные изъ нихъ даже глубоко возмущаются, видя его деморализующее дѣйствіе.

Каждый толкъ раскольничій старается показать предъ другимъ правоту своихъ заблужденій. Отсюда нерѣдко происходятъ между раскольниками разныхъ толковъ и согласій споры, порождающіе въ большинствѣ случаевъ своей пустотой и бессмысленностію. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ подобныхъ споровъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ П. И. Мельниковъ, этотъ лучший знатокъ нижегородскаго раскола.

Передъ нами лавка антикварія Чубалова. Она биткомъ набита народомъ. Другія научныя и археологическія рѣдкости (какъ-то: стариныя книги, образа, предметы церковной и хормной утвари и др.), собранныя съ безпримѣрною настойчивостію, привлекаютъ сюда цѣлыя толпы старообрядцевъ. Для избранныхъ между ними въ ней есть отдѣльное мѣсто; это особая „палатка“, вверху надъ лавкой. Въ ней (палаткѣ) вы застаете двухъ раскольниковъ разныхъ толковъ. Одинъ молодой былъ поповецъ; другой, пожилой, былъ по Спасову согласію

и держался толка дрождниковъ, которые пекутъ хлѣбы на квасной гущѣ, почитая хмѣльные дрожди за грѣховную скверну. Случайная встрѣча возбуждаетъ въ каждомъ изъ нихъ желаніе обличить другого и доказать правоту своего толка; и вотъ между ними разгорается споръ.

— Да почему же не слѣдъ хлѣбы на дрождахъ вкушать?—настойчиво спрашивалъ у дрождника поповецъ.

— Потому и не слѣдъ, что дрожди отъ діавола, отвѣчалъ дрождникъ.—На хмѣлю вѣдъ онѣ?

— На хмѣлю.

— А хмѣль-отъ кѣмъ сотворенъ?

— Творцомъ всяческихъ, Господомъ, отвѣчалъ молодой совопросникъ.

— Анъ нѣтъ, возразилъ дрождникъ.—Не Господомъ сотворенъ, а бѣсомъ вырощенъ на пагубу душамъ христіанскимъ и на вѣчную имъ муку. Такожде и табакъ, такожде и губина, сирѣчь картофель, и чай, и кофей— все это не Божье, а сатанино творенье, либо те аггеловъ его. И дрожди хмѣлевья отъ него же, отъ врага Божія, потому ядый хлѣбъ на дрождахъ плоти антихристовой приобщается, съ нимъ же и пребудеть во вѣки. Такъ-то молодецъ!

— А покажи отъ Писанія! съ задоромъ отвѣчалъ ему на то молодой поповецъ.

— Изволь, промолвилъ дрождникъ, и, вынулъ изъ за пазухи рукописную тетрадку, сталъ по ней громоглавно читать. „Сатана же завистию распалюемъ, позавидѣ доброму дѣлу Божію и нача со бѣсы своими бесѣдовати, како бы уловити родъ человѣческій во свою геенну пьянствомъ, наипаче же вѣрныхъ христіанъ. И выступи единъ бѣсъ изъ темнаго царства и треклятаго ихъ собора и тако возглагола сатанѣ: Азъ вѣдую, господине, изъ чего сотвори те пьянство; знаю бо, идѣже остана тоя трава, юже ты насадилъ еси на горахъ Араратскихъ и

прельсти до потопа жену Ноеву. Пойду азъ и обрящу траву и прельщу чловѣкъ“. И возставъ сатана съ престола своего сквернаго и поклонися тому бѣсу, честь воздая ему, и посади его на престолѣ своемъ и нарече ему имя пѣанный бѣсъ. И научи той пѣанный бѣсъ чловѣка и брагу дѣлати. Тако умудри его бѣсъ на погибель христіанамъ (изъ сказанія о хмѣльномъ питіи)“.

— А какое-жъ это писаніе? Кто его написалъ? Въ коихъ лѣтахъ и кѣмъ то писаніе свидѣтельствовано? Которымъ патріархомъ или соборомъ? настойчиво спрашивалъ у стараго дрождника молодой совопросникъ.

— Захотѣлъ ты въ наши послѣднія времена патріарховъ да соборовъ! съ укоризной и даже насмѣшливо отвѣтилъ ему дрождникъ.—Нешто не знаешь, что благодать со дней Никона взята на небо и разсыпая чинъ освященія, антихристъ поплѣни всю вселенную, и къ тому благочестіе на землѣ во вѣки не возсіяетъ.

— Не цвѣтникомъ, что самъ можетъ написалъ, а отъ писанія все обдержнаго доказывай. Покажи ты мнѣ въ печатныхъ патріаршихъ книгахъ, что яденіе дрождей мерзость есть передъ Господомъ. Тѣмъ книгамъ только и можно въ эвтомъ разѣ повѣрить.—Такъ говорилъ съ горячностью наступая на совопросника молодой поповецъ.—Можешь ли доказать отъ Святаго Писанія? съ жаромъ онъ приставалъ къ нему.

— Могу, спокойно отвѣчалъ дрождникъ.

— Проклятіе на дрожди въ 10-й каѳизмѣ положено, во псалмѣ Давыдовѣ: „Исповѣмся Тебѣ Боже“. Забылъ? „Дрождіе его не изгидошася, испіють вси грѣшныя земли“. Но-ка отвѣть, что сіи словеса означаютъ?

— Да гдѣ же тутъ проклятіе-то? спросилъ нѣсколько озадаченный поповецъ.

— На дрожди-то гдѣ проклятіе? Проклятіе на дрожди покажи ты намъ!

— Изгидошася! что означаетъ по твоему это самое слово? Какъ скажешь?—спрашивалъ молодого поповца

сѣдоватый дрождникъ и проговорилъ свои слова такъ властно и рѣшительно, будто спорный вопросъ о догматѣ на вселенскомъ соборѣ рѣшалъ.

— Изгидошася!.. Ты говоришь: изгидошася... началъ было отвѣчать ему смущенный неожиданнымъ вопросомъ поповецъ. — А ну-ка покажи мнѣ, что такое означаютъ тѣ святые словеса Давыдовы?

— Изгидошася... рѣшительно сказалъ дрождникъ, будто тѣмъ словомъ все писаніе истолковалъ.

— Да что жъ такое означаетъ то слово „изгидошася?..“ приставалъ пьяный, въ словопреніяхъ молодой, но много начитанный поповецъ.

— То и означаетъ, что прокляты дрожди. Одно слово „изгидошася...“ Понимаешь или нѣтъ?—толковалъ свое дрождникъ. Изгидошася—проклято, значитъ. Вотъ тебѣ и сказъ.

И доспорились до раздраженія, особливо молодой! Глаза горятъ, лицо пылаетъ, кулаки сжаты, а что такое „изгидошася“—ни тотъ, ни другой не разумѣютъ.

Таковы у раскольниковъ богословскія пренія. Только и толковъ, только и споровъ, что можно ли квашню на хмѣлевыхъ дрождахъ поставить, съ кожаной аль съ холщевой лѣстовкой слѣдуетъ Богу молиться, нужно ли ради души спасенья гуменцо на макушкѣ выстригать. А чаще и больше всего споровъ ведется объ Антихристѣ: народился онъ проклятый, или еще нѣтъ, и каковъ онъ собой: „чувственный“, т. е. съ руками, съ ногами, съ плотію или кровью, или только „духовный“—невидимый и неслышимый, значитъ духомъ противленія Христу и соблазнами рода человѣческаго токмо живущій...

Если раскольники спорятъ между собою, они, хотя и прибѣгаютъ къ разнаго рода уловкамъ, но не такъ безцеремонно, когда приходится имъ бесѣдовать съ „русскимъ попомъ“, тогда они пускаются на всѣ штуки, чтобы только сбить противника. Главная задача со сто-

роны раскольниковъ въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы перекричать „никоіанина“ и напустить, по возможности, туману; для этого они нерѣдко перевирають тексты, даже при чтеніи по книгѣ раскольникъ, въ случаѣ нужды сумѣеть, гдѣ надо, проглотить словечко или сдѣлать удареніе не на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ, чтобы только измѣнить смыслъ написаннаго.

Не смотря на то, что разныя секты и толки раскольниковъ ненавидятъ, повидимому, другъ друга, между ними съ давнихъ поръ установились тѣсныя сношенія въ видахъ противодѣйствія послѣдователямъ православной церкви.

Сношенія производятся у раскольниковъ въ строжайшемъ секретѣ и организованы съ замѣчательнымъ искусствомъ. „Раскольники всѣхъ краевъ Россіи ведутъ между собою,—говоритъ г. Мельниковъ,—постоянную и дружескую переписку и всегда не личную, т. е. не отъ лица къ лицу, а отъ братства къ братству. Сектаторы Петербурга, Москвы, Саратова, Екатеринбурга, Кишинева, Нижняго, Иркутска извѣщаютъ другъ друга объ отношеніяхъ своихъ къ церкви и правительству. Независимо отъ того, они ведутъ и заграничную переписку съ раскольниками австрійскими и турецкими. Письма, не составляющія слишкомъ большой важности, пересылаются по почтѣ въ обыкновенныхъ конвертахъ; если предметъ сношенія нѣсколько поважнѣе, тогда въ письмо вкладываютъ хотя небольшую сумму денегъ, чтобы оно будучи послано по денежной корреспонденціи, не могло затеряться, или, что еще хуже, попасть въ постороннія, опасныя для раскольниковъ, руки. Самыя важныя письма раскольники пересылаютъ не иначе, какъ съ извозчиками или съ судохозяевами, лоцманами и водоливами. Наконецъ, въ случаѣ чрезвычайной важности извѣстія, письма пересылаются съ нарочными. При такомъ устройствѣ раскольниковой почты, у нихъ заведены и особаго рода станціи, не всегда же случится найти довѣренныхъ

извозчиковъ, напримѣръ, изъ Москвы въ Иркутскъ. По-этому сектаторскія письма въ отдаленныя мѣста пересылаются изъ мѣста въ мѣсто до самаго назначенія. Раскольники, привыкшіе ходить околицей въ гражданскомъ быту, и письма свои пересылаютъ окольными путями. Такъ, до 1846 года сношенія нижегородскихъ раскольниковъ съ турецкими производились чрезъ деревню Моисеиху (Варнавинскаго уѣзда, Костромской губерніи), а первыя воззванія бѣлокриницкія о лжемитрополитѣ Амвросіи получены, между прочимъ, изъ Саратова“ *). Довѣренныя лица, чрезъ которыя у раскольниковъ производятся сношенія между собою, суть всего чаще нищіе и богомольцы, сборщики подаяній; въ случаяхъ экстренныхъ во всѣ стороны скачутъ верховые вѣстовщики.

Для секретной переписки раскольники употребляютъ иногда особый тайный языкъ. Онъ бываетъ трехъ родовъ: иносказательный, тарабарскій и офенскій.

1) Въ перепискѣ, производимой на языкѣ иносказательномъ, каждое слово имѣетъ свое особенное значеніе. Такъ, напримѣръ, въ одномъ скитскомъ письмѣ было написано: „мы купили соль, да сырую, просушили ее на рогожахъ и ссыпали въ сусѣкъ; теперь не страшно, что рыба протухнетъ, посолимъ ее, такъ и зимой будетъ не голодно и на базаръ за съѣстными хоть не ѣзди, и дома сытъ будешь“. Это значить: „мы сманили отъ церкви попа еще неисправленнаго, исправили его на рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, и помѣстили при своей часовнѣ; теперь не страшно, что души наши погрязнутъ въ грѣхахъ безъ покаянія, есть у кого исправиться (исповѣдаться), и старухамъ теперь очень хорошо, не надобно ужъ возить ихъ въ Городецъ приобщаться, можно и дома приобщить“. Въ письмѣ изъ Москвы, писанномъ въ Оленевскій скитъ, было писано,

*) См. въ «Отч. Зап.» 1866 г. № 24.

послѣ разныхъ извѣстій о домашнихъ дѣлахъ: „а что была у насъ рогожа—собаки все треплютъ, чуютъ соль, проклятыя, соль-то охочи больно лизать“. Это значитъ: „у насъ въ Москвѣ на рогожскомъ кладбищѣ правительство дѣлаетъ розыски, узнавъ о находящихся тамъ бѣглыхъ попахъ; очень старательно ищутъ поповъ, чтобъ ихъ взять“. Въ письмѣ изъ Городца въ Семеновъ было написано: „у насъ въ сусѣкѣ соли довольно, пересыпали ее по мѣшкамъ для сохранности, да больно черну купили, бузунъ. Масло у насъ прогоркло, а льняного сѣмени вовсе нѣтъ. Мы все-таки не тужимъ — теперь цѣны не подходящія. Все-таки соль барыши даетъ, да и масло купятъ,—теперь масло либо горькое, либо затхлое, а свѣжаго нигдѣ нѣтъ“. Это значитъ: „у насъ при городской часовнѣ есть іеромонахъ; для безопасности, держимъ его не въ самомъ Городцѣ, а по деревнямъ. Іеромонахъ—жизни нехорошей, горькій пьяница, да дѣлать нечего. Теперь затруднительно имѣть хорошаго попа. И то хорошо, что въ попѣ не нуждаемся, теперь во всѣхъ мѣстахъ попы — либо пьяницы, либо распутные, а благочестивыхъ нѣтъ нигдѣ“.—„Иванъ Ивановичъ поѣхалъ въ Шаукъ, а хозяйка его осталась при матери, и какъ ты увидишь его, и станетъ онъ тебя спрашивать про наши деньги, ты ему не давай, а то неровно пропѣетъ въ кабакѣ; вѣдь онъ съ цѣловальниками другъ и пріятель“. Это значитъ: „Иванъ Ивановичъ принялъ православіе, а жена его осталась въ расколѣ: и какъ ты увидишь его, и станетъ онъ съ тобою разговаривать о нашихъ дѣлахъ, ты ему ничего не говори, чтобъ не выдалъ тайны наши; будучи при церкви, онъ теперь сдружился съ православнымъ духовенствомъ“. Такой иносказательный языкъ раскольники нерѣдко употребляютъ и въ разговорѣ при постороннихъ; письма же ищутъ не сплошь этимъ языкомъ, отмѣчая таинственныя слова какимъ-нибудь условнымъ знакомъ.

2) Тарабарскимъ языкомъ называется употребленіе

въ письмѣ однѣхъ буквъ вмѣсто другихъ. Такихъ шифровокъ у раскольниковъ не одна, но болѣе употребительная имѣетъ слѣдующій ключъ:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	у	х	ѣ	т	с	р	п

Буквы, одна подъ другою написанныя, пишутся одна вмѣсто другой. На этомъ языкѣ, „Лерепа Туффрига исъ Ролштѣ, чошомякъ, шѣяси, а кенемъ на нмеогцмахепторъ Апкопъ Ишاپывъ, гко сепкы мощокаекъ“ значитъ: „Семена Кузмича въ Москвѣ, говорятъ, взяли, а теперь на Преображенскомъ Антонъ Ивановичъ, что ленты работаетъ“. Нерѣдко въ письмѣ, писанномъ обыкновеннымъ русскимъ языкомъ, раскольники пишутъ собственныя имена по тарабарски.

3) Офеньскій языкъ, — языкъ ходебщиковъ, тряпичниковъ, вязниковъ, которые съ тесемками, пуговками и всякой мелочью ходятъ по всей Россіи отъ Кяхты до Петербурга. Языкъ этотъ, сколько извѣстно, образовался болѣе 150 лѣтъ, и раздѣлился на нѣсколько вѣтвей: собственно офеньскій (во Владимірской губерніи), галивонскій (въ Костромской губерніи), мотройскій (въ Нижегородской и Рязанской губерніяхъ и пр.). Языкъ этотъ, подобно языку петербургскихъ мазуриковъ и приволжскихъ праховъ и пр., языкъ искусственный, слова придуманы, а грамматика русская. Здѣсь представляется отрывокъ раскольничьяго письма изъ Городца на офеньскомъ языкѣ: „у Рижайсы Исъича елтона хвяце захуртила, забачи сбракешъ ловака да поерци на курню коръ косей Хрутець тросты севрить, керъ косей мерковить, а на стодницѣ бакры хрудели съ іово нетарь, карякъ коврюкъ пріерцырь, съ іонъ и спрапался“. Это значитъ: „у Михайлы Ильича жена очень занемогла; заложилъ, брадецъ, лошадь, да поѣзжай въ деревню, гдѣ попъ, — отецъ старостинъ знаетъ, гдѣ попъ ночуетъ (живетъ), а въ часовнѣ двѣ недѣли его нѣтъ; какъ исправникъ (баринъ) пріѣхалъ, онъ и испугался...“ Въ письмахъ, пи-

санных на офеньскомъ языкѣ, собственныя имена пишутся по тарабарски, но имена многихъ городовъ, рѣкъ и пр. имѣютъ свои названія, напр., Башуся—Москва и т. п.“

Всѣми этими и другими подобными способами секретной переписки съ успѣхомъ пользуются и нижегородскіе раскольники.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Изъ раскольничьихъ легендъ и сказаній: 1) Невидимый градъ Китежъ, 2) Св. озеро и сосна въ с. Городцѣ.

Въ раскольничьемъ мірѣ Поволжья ходитъ не мало разнаго рода легендъ и сказаній, представляющихъ собою измышленіе досужей фантазіи „ревнителѣй старины“ и имѣющихъ своею цѣлію сильнѣе воздѣйствовать на суевѣрную народную массу и возбудить въ ней симпатію ко всему тому, что заклемено именемъ старообрядчества. Легенды и сказанія эти—какъ бы апологетика истинности и правоты раскола, предъявляемая со стороны его приверженцевъ.

Самая поэтическая изъ раскольничьихъ легендъ—это легенда объ исчезнувшемъ градѣ великомъ Китежѣ, что стоитъ невидимо надъ святымъ озеромъ Свѣтлояромъ. Незримъ онъ очамъ человѣческимъ, сокрылся онъ отъ грѣшныхъ взоровъ. Черезъ дебри лѣсныхъ, черезъ болота ведетъ къ нему то же невидимая, то же сокрывшаяся отъ взоровъ тропа Батыева *), по которой шель къ великому Китежу Батый со своими полчищами.

*) Подобныхъ тропъ, съ которыми связаны какія-либо сказанія, существуетъ въ Заволжьѣ не мало. Изъ нихъ извѣстна особенно великая Раменская тропа, составляющая путь бѣглыхъ изъ Сибири. Тропу эту, по увѣренію старообрядцевъ, знаютъ будто-бы только «божьи странники—бѣгуны» да «каторжане», она пролегаетъ большими лѣсами отъ самыхъ «бугровъ» (Уральскихъ горъ) и ведетъ на Керженецъ къ Раменскимъ лѣсамъ. По всему этому пути, говорятъ,

Вотъ какъ передается объ этомъ въ „Китежскомъ лѣтописцѣ“.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ спустившись по Волгѣ изъ Ярославля, построилъ городъ Малый Китежъ на берегу Волги (нынѣ Городецъ); потомъ пошелъ сухимъ путемъ по луговой сторонѣ и, переправившись черезъ тихія заволжскія рѣчки Усолу, Саиду и Керженецъ,—пришелъ къ озеру Свѣтлояру. „И видѣ то мѣсто зѣло прекрасно и многолюдно“, почему по умоленію жителей рѣшилъ построить здѣсь городъ Китежъ Большой. Такимъ образомъ (по устному преданію) оба Китежа построены одной рукой и даже однимъ топоромъ; князь украсилъ городъ, построилъ въ немъ церкви, монастыри, боярскія палаты; потомъ обвелъ ровомъ и вывелъ высокія стѣны съ башнями и бойницами. Окончивъ это дѣло, онъ вернулся на Волгу.

Въ это время началась великая „потрусà“ на Руся: двинулся на нее поганый царь Батый со своими татарами.

есть извѣстныя бѣгунамъ примѣты, чтобы не сбиться съ дороги: гдѣ вывороченный пенъ, гдѣ срубленная вершина, гдѣ камень. У каждаго изъ бѣгуновъ есть при себѣ такъ называемая «тамга»—кусокъ бересты, испещренной нацарапанными условными значками, причемъ каждый значекъ соотвѣтствуетъ дорожной примѣтѣ. Носятъ еще при себѣ бѣглые «матаки»,—самодѣльные компасы, въ которыхъ магнитная стрѣлка вставлена въ небольшую чашку, выдолбленную изъ сосновой коры. Если нѣтъ при бѣгломъ «матаки», онъ ночью идетъ по звѣздамъ и къ утру спѣшить добраться до лѣсу; здѣсь, говорятъ раскольники, сами деревья ему путь указываютъ. Сѣверъ и югъ бѣглый опредѣляетъ даже по липамъ, по древесной корѣ: примѣчено, что липаи гуще облѣпляютъ древесный стволъ со стороны, обращенной къ сѣверу. У бѣгуна за сапогомъ или за пазухой всегда есть ножъ, либо кистень, не противъ «лихого человѣка»,—«лихой человѣкъ», не трогаетъ бѣгуна (развѣ «желторотый», т. е. буряты нападетъ), а отъ звѣря лѣсного. Въ котомкѣ или пещурѣ непременно лежитъ у бѣгуна списокъ «благодѣтелей», у которыхъ онъ можетъ «притулиться» на время; противъ нѣкоторыхъ именъ встрѣчается помѣта: «поклонъ». (Ниж. Губ. Вѣд. 1894 г. № 2).

„Какъ темныя тучи по небу“, такъ шли по землѣ татары и подошли къ Городцу. Великій князь „много брася съ Батыемъ“, но не одолѣлъ, а брату его „сдѣлали татары конецъ“. Тогда князь опять удалился въ лѣса и, перейдя рѣки, скрылся въ Большомъ Китежѣ.

Батый потерялъ слѣды и сталъ „примучивать“ плѣнныхъ, выпытывая у нихъ о мѣстопробываніи князя. Одинъ изъ нихъ, Кутерьма „не могій мукъ терпѣти“, указалъ Батыю путь къ Свѣтлояру — и татарская туча залегла кругомъ города. Что затѣмъ было — въ преданіи говорится глухо. Извѣстно только, что князь убитъ, а городъ стоитъ и понынѣ кругомъ Свѣтлояра.

Только... никто не видитъ этого града. Китежъ скрылся отъ глазъ человѣческихъ и пребываетъ невидимъ: скрылись дома и стѣны, и монастыри, въ которыхъ многое множество бысть св. отецъ, просіявшихъ житіемъ, яко звѣздъ небесныхъ или яко песка морскаго. И кажется непросвѣтленному взору одинъ только лѣсъ, перешептывающійся на берегу Свѣтлояра, да холмы и болото.

Но въ ночь подъ праздникъ Владимірской Божіей Матери съ 22 на 23 іюня всякому, кто съ вѣрою посмотритъ въ тихія струи святого озера, — въ неясныхъ очертаніяхъ является отраженіе этого города, слышенъ бываетъ глухой звонъ колоколовъ китежскихъ, слышно далекое пѣніе святыхъ иноковъ и видно, какъ идутъ крестнымъ ходомъ китежскіе старцы въ бѣлыхъ ризахъ и рать св. Георгія, воспѣвая священные гимны; можно заживо попасть во святыи градъ, только ужъ возврата оттуда нѣтъ. Если отринуть отъ себя все земное и, раздавъ все имѣніе нищимъ, отговѣвъ и причастившись, безъ посоха и сумы придти къ святому озеру — въ одномъ изъ холмовъ открывается темная пещера: это и есть входъ въ городъ Китежъ. Великъ и труденъ путь туда, но если во время пути не поколеблется вѣра, отверзуются врата святого города и встрѣтятъ тебя святыя старцы съ ликованіемъ и колокольнымъ звономъ и обле-

куть въ бѣлыя ризы. Существуетъ легенда объ одномъ юношѣ, который попалъ въ городъ Китежъ и написалъ оттуда письмо своимъ родителямъ, описывая подробно тамошнее блаженное житіе).

Разсказываютъ также о нѣкомъ пастухѣ, который, заблудившись, нечаянно попалъ въ подземный монастырь. Въ монастырѣ онъ увидѣлъ благообразныхъ старцевъ, которые накормили его ужиномъ. Ужинъ подземныхъ обитателей показался пастуху до того вкуснымъ, что онъ рѣшился спрятать часть чудеснаго хлѣба за пазуху. По выходѣ изъ китежскаго города пастухъ осмотрѣлъ спрятанную часть хлѣба, но вмѣсто хлѣба оказалась гнилушка. Такъ какъ пастуху очень понравилось житіе въ подземномъ монастырѣ, то онъ хотѣлъ въ него опять возвратиться, только въ другой разъ не нашелъ уже туда дороги.

Свѣтлоярое озеро почитается не только раскольниками, но и единовѣрцами. Оно находится въ самомъ глухомъ углу лѣсистой части Макарьевского уѣзда, Ни-

*) Вотъ это письмо или посланіе: «Г. І. Х. С. Б. п. н. а.» (т. е. Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь). Родителямъ моимъ, батюшкѣ моему, имя рекъ, и матушкѣ моей, имя рекъ, по поклону до лица земли отъ мене, сына вашего, имя рекъ. Здравы будьте. Пишу вамъ азъ, родители мои, о семъ, что вы хотите меня поминать и псалтирь говорить друга моего совѣтнаго (жену) заставляете. И вы о семъ престаньте: азъ еще живъ; егда придетъ смерть, тогда я вамъ вѣдомость пришлю, нынѣ же сего не творите. Азъ живу въ земномъ царствіи, съ отцы святыми, въ мѣстѣ покойнѣ. По истинѣ, родители мои, царство земное. И покой, и тишина, и веселіе, и радость духовная, а не тѣлесная, сіи бо святіи отцы, съ ними же азъ живу, процвѣтоша, яко крини сельные, и яко финики, и яко кипарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнный бисеръ, и яко древа не старѣющіеся, и яко звѣзды небесныя, и отъ усть ихъ непрестанная молитва къ Отцу небесному, яко оиміамъ благоуханный, и яко кадило избранное, и яко муро добровонное. И егда ночь придетъ, тогда отъ усть ихъ молитва видима: яко столпы пламенные со искрами огненными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ велій не токмо оному мѣсту свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молнія. Въ

*

жегородской губерніи, верстахъ въ 20 отъ берега рѣки Ветлуги; мѣстность эта называется Люндой отъ рѣчки Люнды впадающей въ Ветлугу; около верховьевъ этой рѣчки, почти у самаго истока ея и находится святое озеро. Оно невелико; съ одной стороны прилегаетъ къ нему болотистая топкая луговина и далѣе открытое поле, съ другой по живописнымъ холмамъ разросся вѣковой лѣсъ. Каждый изъ этихъ холмовъ имѣетъ особое значеніе. Самый большой, на которомъ стоитъ православная часовня — мѣсто невидимо стоящаго главнаго собора Китежскаго во имя Пречистаго Спаса; рядомъ холмъ, гдѣ стоитъ незримая церковь Рождества Богородицы; на слѣдующемъ холмѣ — кельи иноческія, затѣмъ на небольшомъ холмикѣ стоитъ особо келья какого-то Китежскаго святого старца, а рядомъ маленькій бугорокъ — могила нѣкоего Макарія. На этой могилѣ, говорятъ, растетъ особая трава, имѣющая цѣлебныя свойства. Усердные богомольцы знаютъ, на какомъ холмѣ, сколько поклоновъ слѣдуетъ положить, сколько сотворить метаній *).

То время книги чести и писати можно, безъ свѣщнаго сіянія. Иже возлюбиа Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею и всѣмъ помышленіемъ своимъ, тѣмъ и Богъ ихъ возлюби и приклони ухо свое съ высоты святая своя, и возлюби ихъ яко мати любимаго си чада, и что просятъ въ молитвѣ своей отъ Бога, все подаютъ. Иже возлюбиа безмолвіе и вся добродѣтели исправиа всѣмъ сердцемъ и Богъ ихъ возлюби, и хранитъ ихъ яко зеницу ока, и покры ихъ невидимо дланію своею, иже достойно и праведнѣ. Тому припадающихъ, по словеси Господню, могутъ горы преставити съ мѣста на другое мѣсто. Но того убо не похотѣша отцы наши, но паче желаютъ житія на небесѣхъ, ниже богатство временное, но паче возлюбиа богатство на небесѣхъ, егда придетъ Господь судити живымъ и мертвымъ и воздастъ имъ за труды ихъ царство небесное, и покой, и радость, и веселіе. Вы же, родители, чѣго ради возлюбиа сей свѣтъ прелестный и временный, и богатство тлѣнное? Но паче поищите себѣ богатства на небесѣхъ, яже и тля не тлитъ, ни молие поядаютъ, ни татіе крадутъ. И еще другу моему любимому (женѣ) поклонъ отъ меня отдай же. Аминь». (Русс. Вѣст. 1863 г. № 4).

*) Поклономъ называется у раскольниковъ земной поклонъ метаніемъ — поклонъ въ поясъ, при чемъ рука должна коснуться земли.

Тысячи народа стекаются сюда въ ночь подь Владимірскую; приходятъ издалека, изъ другихъ губерній, приходятъ для того, чтобъ поклониться святому мѣсту, чтобъ обойти озеро со свѣчами и пѣніемъ, по обычаю, три раза. Сходятся сюда разные начетчики, разныхъ толковъ и согласій, для диспутовъ, затѣваются горячіе споры, доходящіе чуть не до драки. А между тѣмъ весь лѣсъ вокругъ озера горитъ огнями, между деревьями устраиваются временные иконостасы, предъ которыми раскольники разныхъ толковъ и согласій, всякій по своему, служатъ вечерни, тамъ и сямъ слышно пѣніе псалмовъ; вотъ собралась кучка старовѣровъ, усѣлась со свѣчами на травѣ-муравѣ въ кружокъ и затанули въ унисонъ говоркомъ въ полголоса какой нибудь стихъ божественный; вдоль дороги сидятъ слѣпцы и поютъ о томъ, какъ выпадала, вылетала съ неба книга голу-биная или о птицѣ Естрафиль, которая когда воспорхнется—океанъ-море восполохнется; побрякиваютъ гусли слѣпцы поютъ истово, дружно и громко. Все это просто ошемляетъ непривычнаго зрителя.

Вотъ полился цѣлый потокъ огней съ вершины большого холма, грянуло стройное пѣніе,—начался обходъ озера, вереница огней замелькала вдоль всего берега, а вотъ замигали огоньки и по самой зеркальной поверхности озера, мѣшаясь съ отраженными въ немъ звѣздами неба. Это свѣчи пускаютъ на воду на маленькихъ щепочкахъ.

Къ разсвѣту все мало-по-малу утихаетъ, гаснутъ огни и только кое-гдѣ еще раздаются голоса неугомонныхъ спорщиковъ да тихое пѣніе богомольцевъ, сидящихъ надъ озеромъ съ устремленными въ темную глубину его взорами... Они точно ожидаютъ появленія святого града, но не является градъ святой и не слышно колоколовъ Китежскихъ; неподвижно дремлетъ покойное озеро, только рыба иной разъ плеснетъ и пойдутъ по водѣ круги, да крякнетъ въ окрестномъ болотѣ коростель.

На разсвѣтъ богомольцы укладываются спать по всему берегу на росистой травѣ, и вотъ въ это-то время всякого, кто ляжетъ съ вѣрой, берега укачиваютъ, убаюкиваютъ и вотъ тутъ-то слышится звонъ, дальній глухой звонъ, словно съ небесъ, словно сама небесная лазурь звенить. Поднимается туманъ утренній, а сквозь туманъ виднѣются бѣлыя стѣны, да куполы церквей. Набѣжить утренній вѣтеръ—зашумятъ вершинами своими старыя сосны, словно море въ непогодь, зашумятъ,—и слышно сквозь шумъ деревьевъ тихое пѣніе старцевъ Китежскихъ; поютъ они о блаженномъ житіи во святомъ градѣ, поютъ они о близости пришествія царствія Божьяго, когда отрутся слезы плачущихъ.

Въ началѣ XIX ст. при Свѣтлоярѣ озерѣ построена была двумя крестьянами села Владимірскаго часовня. Она была деревянная, крытая тесомъ. На верху ея стоялъ деревянный восьмиконечный крестъ, обитый бѣлымъ желѣзомъ. Построенная на подобіе церкви, часовня раздѣлялась на два отдѣленія. Первое, въ видѣ трапезы, длиною въ $2\frac{1}{2}$ саж. и такую же шириною, а второе въ видѣ алтаря, длиною и шириною въ $1\frac{1}{2}$ саж. Съ южной стороны часовни сдѣланы были два окошка, переплетенныя желѣзными рѣшетками, въ которыя приходящіе богомольцы бросали деньги. Въ отдѣленіи, въ видѣ алтаря, на полкѣ находились образа: Вознесенія Господня и Владимірскаго иконы Богоматери. Въ трапезѣ на правой сторонѣ помѣщались образа,—справа—Воздвиженія Честнаго Креста и Николая Чудотворца, слѣва—Живоначальныя Троицы и Успенія Богоматери. Около часовни было кладбище, огороженное деревянною оградю и обсаженное березками. Изъ этихъ березокъ была въ особомъ почитаніи у старообрадцевъ одна, стоявшая вблизи самой часовни,—съ нея суевѣрные ломали сучья, грызли кору, даже брали изъ-подъ нея землю. Съ построеніемъ часовни стеченіе богомольцевъ на озеро съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивалось.

Многочисленные сходбища раскольниковъ около часовни на Свѣтлоярѣ не могли не обратить на себя вниманія мѣстнаго духовнаго начальства. По его настоянію, не безъ упорнаго, впрочемъ, противодѣйствія со стороны раскольничьяго населенія, почитавшаго часовню и озеро, въ 1844 году часовня, при посредствѣ полиціи, была сломана. Но и съ тѣхъ поръ раскольники не перестаютъ стекаться къ Свѣтлояру, хотя и не въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ прежде.

Распространена также среди нижегородскихъ раскольниковъ другая легенда,—о св. озерѣ и соснѣ въ Федоровскомъ монастырѣ въ селѣ Городцѣ.

По раскольническимъ сказаніямъ, задолго до построенія Городца и настоящаго монастыря, при немъ здѣсь находился будто-бы монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ небольшое озеро (внутри земляного вала), и будто-бы монастырь этотъ погибъ вмѣстѣ съ иночествующими, вслѣдствіе провала, отъ котораго образовалось то самое озеро. Это озеро съ давнихъ временъ носитъ названіе Святого, оттого-ли, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ прежде было святое мѣсто—храмъ или иноческая обитель, или оттого, что, какъ говоритъ преданіе, въ немъ принимали когда-то крещеніе новообращенные язычники. Въ настоящее время озеро обмелѣло и изъ него образовалось только болотистое мѣсто, не пересыхающее почти въ теченіи всего лѣта. Вблизи озера прежде находилась старая сосна, прозванная крестовою,—эту сосну жители не только уважали, но даже и обожали до суевѣрія. Такое почтеніе къ ней со стороны раскольниковъ вызвало распоряженіе начальства объ истребленіи этого дерева; около ста лѣтъ тому назадъ она была срублена и сожжена. Можетъ быть, сосна получила это названіе и оттого, что принимавшіе въ озерѣ св. крещеніе по выходѣ изъ воды подходили къ этому дереву и на нихъ возлагались крестики, которые, можетъ быть, и развѣшивались на сучьяхъ ея. Вблизи

срубленной сосны осталась другая сосна съ развѣтвленіями, не вполне правильнаго креста, на которой и теперь есть два или три мѣдныхъ небольшихъ креста, прикрѣпленные къ ней гвоздями, поэтому и существующая по настоящее время эта сосна носить названіе крестовой.

Любопытна слѣдующая легенда объ этой соснѣ и св. озерѣ. Изъ озера въ полночь выходилъ согбенный старецъ въ иноческомъ одѣяніи и, стоя предъ крестовой сосной, молился, чтобы Господь не подвергъ Городецъ и его жителей той же участи, какой подвергся вышеупомянутый монастырь. Явленіе сего старика, по рассказамъ, видѣли и въ иныхъ видахъ. Видѣли напр., какъ однажды онъ шелъ отъ сосны къ св. озеру въ бѣломъ колпакѣ, въ темномъ подрясникѣ съ бурачкомъ въ рукѣ, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ и, почерпнувъ воды изъ св. озера, возвратился къ соснѣ. Видѣвшему такое явленіе старецъ запретилъ разглашать о немъ и скрылся. Озеро и сосна пользовались у старообрядцевъ особымъ религіознымъ почтеніемъ. Въ озерѣ родители купали больныхъ и слабыхъ дѣтей своихъ, ставя ихъ лицомъ къ востоку или взятою изъ него водою вспрыскивали умирающихъ дѣтей при ихъ предсмертной агоніи и приписывали этой водѣ чудесную силу исцѣленія отъ недуговъ или тихую покойную кончину. Почтеніе же къ соснѣ выражалось въ частыхъ приношеніяхъ отъ усердствующихъ,—напр., приносились восковыя свѣчи, ладонь, холстъ, деньги и т. п., находямые въ дуплѣ ея. Легенды эти о старцѣ, озерѣ, соснѣ и провалившемся монастырѣ заимствованы изъ одной любопытной рукописи, находящейся, къ сожалѣнію, въ частныхъ рукахъ у одного изъ мѣстныхъ жителей, старообрядцевъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Хлысты въ Заволжьѣ.

Среди такъ называемыхъ мистическихъ сектъ наиболѣе прочное гнѣздо, особенно въ прежнее время, свила себѣ въ Нижегородской губерніи секта хлыстовская. По авторитетнымъ словамъ проф. Н. И. Ивановскаго, „въ обширной области сектанства хлыстовщина занимаетъ опредѣленное мѣсто и представляетъ собою явленіе очень любопытное съ разныхъ сторонъ:—и съ догматической, и съ нравственной, и бытовой, и психологической. Много въ ней и страннаго и загадочнаго; нигдѣ святошество не соединяется столь близко съ явленіемъ нравственнаго безобразія, нигдѣ не опошляются такъ священныя имена, нигдѣ не унижается столько нравственность и ея законы, нигдѣ нѣтъ такой скрытности и лицемерія, какъ въ хлыстовщинѣ *)“.

Появленіе хлыстовщины въ Нижегородскихъ предѣлахъ можно отнести ко второй половинѣ XVII вѣка. Основатель ея, Данила Филиппычъ, бѣглый солдатъ, а прежде поступленія на военную службу крестьянинъ Юрьевоцкаго уѣзда (нынѣ Костромской губ.), объявилъ себя лже-саваоомъ въ 1645 г. на горѣ Городинѣ, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Вотъ какъ передается объ этомъ въ хлыстовскихъ сказаніяхъ: „Въ стародавніе годы, на рѣкѣ Окѣ, въ Стародубской сторонѣ, на горѣ Вородынѣ (Городинѣ) явился „верховный гость“, „богатый-богатина“ Данило Филиппычъ. Живя потомъ въ деревнѣ Старовой (въ верховой Костромской сторонѣ), онъ поучалъ „приходившихъ къ нему“. „Такъ пришелъ онъ однажды на Волгу, а народу было тутъ многое множество. И шли середь людей великіе споры о томъ, которыя книги лучше: старыя или новыя, Никономъ печатанныя. И спросили люди богатаго-богатину — по ка-

*) «Миссіон. Обзор.», 1898 г., янв., «Хлыстовство», 28.

кимъ книгамъ велишь молиться намъ? Старыя опорожены, новыя многимъ сумнительны“. И собралъ Данило Филиппычъ и старыя книги и новыя, побросалъ всѣ въ Волгу рѣку и такія слова Божьимъ людямъ сказалъ: „Ни старыхъ, ни новыхъ книгъ не пріемлите, да и грамота вся и ученье вамъ не надобны. Есть у насъ писаніе. Писано оно не на бумагѣ, не на хартіи, не на скрижаляхъ золотыхъ или каменныхъ, а на скрижаляхъ сердець вашихъ“.

Взамѣнъ брошенныхъ книгъ Данило далъ слѣдующія 12 заповѣдей:

1. Азъ есмь Богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю вторично для спасенія душъ рода человѣческаго; нѣтъ Бога, кромѣ меня.

2. Нѣтъ и не искать другаго ученія.

3. На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4. Храните Божію заповѣдь и будете вселенныя ловцы.

5. Хмѣльнаго не пейте и плотскаго грѣха не творите.

6. Не женитесь, а кто женатъ, тотъ живи съ женою, какъ съ сестрою, что означено и въ древнемъ писаніи: не женимые—не женитесь, а женимые—разженитесь.

7. Скверныхъ словъ и чернословія не произносить.

8. На свадьбы и на крестины не ходить и на хмѣльныхъ бесѣдахъ не бывать.

9. Не воровать, а если кто хотя одну копѣйку украдетъ, то на страшномъ судѣ положить ее на темя головы и когда монета на головѣ въ огнѣ растопится, тогда только будетъ дано прощеніе.

10. Правила сіи содержать въ тайнѣ, никому, отцу и матери не объявлять. Ежели кнутомъ будутъ бить и огнемъ печь, то терпѣть. За что вѣрные, по примѣру древнихъ мучениковъ, получаютъ царствіе небесное, а на землѣ духовное благополучіе.

11. Другъ къ другу ходите, хлѣбъ и соль водите, любовь творите и заповѣди мои храните и

12. Св. Духу вѣрьте.

Свое учение Данило Филиппычъ проповѣдывалъ главнымъ образомъ въ губерніяхъ: Костромской, Владимірской и Нижегородской.

Скоро у мнимаго саваоа Данилы объявился и „Сынъ Божій“ или „сыночекъ“—Иванъ Тимофеевичъ Сусловъ, крестьянинъ изъ Муромской области, деревни Макаковой. Иванъ Тимофеевичъ, по преданію хлыстовъ, родился отъ столѣтней женщины, Ирины Нестеровой Сусловой. Шесть недѣль оставался ребенокъ безъ крещенія, такъ какъ священникъ, изумленный такимъ событіемъ, не хотѣлъ его крестить, да никто не хотѣлъ быть и воспріемникомъ новорожденнаго. Когда-же нашелся кумъ и священникъ приступилъ къ крещенію, онъ увидѣлъ себя подъ лавкою на церковной паперти. 33 года было Ивану Тимофеевичу, когда Данило Филиппычъ далъ ему божество, назвавъ „Сыномъ Божиимъ“.

Усыновленный лже-саваоомъ, лже-христосъ Сусловъ избралъ себѣ 12 учениковъ, названныхъ имъ апостолами, скитался съ ними по разнымъ мѣстамъ, деревнямъ и селамъ, лежащимъ при Окѣ и Волгѣ, для проповѣдыванія своего ученія. Главное-же свое мѣстопробываніе Иванъ Тимофеевичъ имѣлъ въ селѣ Павловѣ, Нижегородской губ., какъ свидѣтельствуешь о томъ св. Дмитрій Ростовскій. По словамъ святителя, при себѣ онъ „водилъ“ дѣвицу „краснолицку“, которую называлъ своею матерью, а его послѣдователи звали ее „богородицею“ (Розыскъ, ч. III).

Преемникъ Ивана Тимофеевича Сулова — Прокопій Лупкинъ, второй лже-христосъ „людей божіихъ“ имѣлъ свое мѣстопробываніе также въ Н.-Новгородѣ, изъ котораго была родомъ и жена его Акулина Ивановна. Онъ проповѣдывалъ свое учение по преимуществу въ Нижегородской губерніи. Дѣятельность этого мнимаго Христа относится уже къ началу XVIII ст., когда большая часть Нижегородской епархіи, какъ извѣстно, заражена была

расколомъ, противъ котораго такъ энергично боролся въ это время преосвященный Питиримъ.

Послѣ этихъ христовъ, въ послѣдствіи стали появляться еще „пророки“, „милостивые батюшки“, „кормилицы“, „пророчицы“ и т. п. Всѣ они также въ существѣ дѣла— „боги“, „богородицы“, „духи“.

Такимъ образомъ, по хлыстовскимъ пѣснямъ

«Слово Божіе воплощается,
Среди насъ открывается,
Въ существѣ является,
Съ нами вмѣстѣ обитаетъ
И насъ наставляетъ.
И вотъ Богъ на землѣ
Царство Божіе устроилъ».

Изъ такихъ „второстепенныхъ боговъ“ въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія извѣстенъ былъ въ Нижегородской губерніи „пророкъ“ Радаевъ, проповѣдывавшій свое ученіе въ Арзамасскомъ уѣздѣ. По увѣренію хлыстовъ и собственному самообману, онъ творилъ чудеса, предсказывалъ будущее, усвоилъ себѣ власть „вязать и рѣшать“ и обѣтовалъ послѣдователямъ своимъ въ „горнемъ Іерусалимѣ вѣнцы славныя“.

Догматическое ученіе хлыстовъ, со времени основателя секты, съ теченіемъ времени значительно измѣнилось, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ можно считать устойчивыми въ этомъ ученіи слѣдующія частныя положенія:

„Богъ сотворилъ не всего человѣка, а только душу“; плоть (или тѣло) создана „врагомъ Божіимъ“ *), а по-

*) Хлысты никогда не употребляютъ словъ: «дьяволъ», «сатана», «чортъ» и т. п., дабы не осквернить проклятымъ именемъ своего языка. Одно у нихъ имя ему— «врагъ», иногда «врагъ Божій», рѣдко «врагъ человѣческій». Нѣкоторые учителя ихъ о дьяволѣ такъ говорятъ: какой онъ врагъ человѣкамъ? Онъ другъ имъ и покровитель, какъ любимымъ своимъ созданіямъ. Онъ врагъ только намъ, пришедшимъ изъ внѣшняго міра и познавшимъ правый путь и сокровенную

тому надобно всячески умерщвлять ее. „Воплощенный Христосъ живетъ на землѣ постоянно“. „Священное писаніе есть рядъ иносказаній и притчей, хотя и имѣющихъ таинственный и спасительный смыслъ“; таковъ, напримѣръ, евангельскій рассказъ о сестрахъ Лазаря—Маретъ и Маріи; ни той, ни другой въ дѣйствительности не было; то, что объ нихъ рассказывается, есть не болѣе, какъ притча, въ которой Марія означаетъ душу, а Марета—плоть. Богъ нисходитъ на вѣрныхъ—праведныхъ благодатію Святаго Духа. „Просвѣщенные между ними благодатію бываютъ озарены неприступнымъ свѣтомъ“. Самъ Богъ вселяется въ нихъ, и что они ни говорятъ, говорятъ не отъ себя, а отъ Бога. Эти рѣчи есть „живое слово“. Его должно исполнять. Тѣ, которые произносятъ его, приходятъ въ восторгъ неописанный, наслаждаются блаженствомъ. Озаренные божественнымъ свѣтомъ они читаютъ въ душѣ каждаго его мысли и чувства, узнаютъ поступки, какъ-бы скрытно они совершены ни были. Подъ вліяніемъ того-же озаренія, они могутъ обличать и пророчествовать. Но не всѣ пророки одинаковы. Между ними есть выдающіеся по своимъ озареніямъ. Таковымъ сообщается благодатію особый даръ говорить „новыми языками“. „Это дѣло святѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ, это высочайшая изъ всѣхъ тайнъ, мало доступная даже для праведнѣйшаго изъ праведныхъ; это тѣ самыя слова, или языки, которыми говорятъ небесныя силы“. „Людемъ Божиимъ новые языки нужны всего болѣе для привлеченія въ праведную вѣру невѣрныхъ“. „Они уви-

тайну. Хлысты вполне увѣрены, что смертное тѣло человека сотворилъ Сатанаилъ по образу и подобію своему, потому онъ и владѣетъ тѣломъ, а Богъ въ это тѣло вдунулъ дыханіе жизни, то есть душу, по своему образу и подобію, отъ того душа и бессмертна. Только познавшіе правый путь и сокровенную тайну, по мнѣнію ихъ, войдутъ въ селенія праведныхъ, остальные вѣчно будутъ мучиться, заключенные въ тѣла и находясь въ полной власти отца своего Сатанаила.

дять и услышать (невѣрные), и будетъ это для нихъ знаменіемъ“. Такими-же средствами привлеченія служить въ рукахъ хлыстовъ и ихъ ученіе о духовномъ супружествѣ и о святой любви. Духовнымъ супружествомъ своимъ хлысты воспроизводятъ тотъ бракъ, для котораго были созданы Адамъ и Ева и которымъ они пользовались до своего паденія. Съ первороднымъ грѣхомъ духовное супружество потеряно какъ для нашихъ прародителей, такъ и для всего человѣчества. Только „Божьи люди“ обладаютъ имъ и то потому, что самъ Богъ освящаетъ ихъ собранія и руководитъ ими. „Самъ Духъ указываетъ, кому надо соединиться, кому изъ двухъ составить одно“. Поэтому, въ духовномъ супружествѣ нѣтъ мѣста ни предложенію, ни сватовству, ни даже выбору. Одно условіе необходимо для него—это принадлежность къ „людямъ Божиимъ“ и „приведеніе“ въ ихъ корабль. Разъ это условіе выполнено, остальное совершается само собой: „мужчины приводятъ въ „тайну“ женщинъ, а эти—мужчинъ“. „Такое супружество бессмертно, какъ человѣческая душа“. „Оно сохраняется и въ будущей жизни, и нѣтъ конца ему“. Но это опять „тайна великая!“

Нравственное ученіе хлыстовъ обнимаетъ собою множество правилъ частнаго поведенія. Самъ основатель хлыстовства проповѣдывалъ аскетизмъ и строгое воздержаніе. За нимъ ближайшіе его преемники и всѣ хлыстовскіе пророки до настоящаго времени проповѣдали и проповѣдуютъ тоже, присовокупляя: „Блюдите чистоту, аки зеницу ока!“ И внимающіе этой проповѣди послѣдователи хлыстовства не пьютъ вина, не ходятъ на свадьбы и крестины, не участвуютъ въ народныхъ гуляньяхъ, многіе, едва ли не всѣ, не ѣдятъ мяса, пожилые супруги — оставляютъ сожителство; въ то же время между собою они замѣчательно дружны: „братецъ“, „сестрица“, „тетенька“, — вотъ ихъ любимыя слова при обращеніи къ другому, нѣтъ ни брани, ни скверно-

словія, столь обычныхъ въ народѣ, женщины и дѣвушки очень скромны и чисто одѣваются, безъ всякаго щегольства и по возможности однообразно. Они скромны и въ своихъ манерахъ, съ потупленными взорами; къ женщинамъ и дѣвушкамъ со стороны мужчинъ — полное уваженіе, ибо нѣсть мужской полъ, ниже женскій *). „Ужъ другъ друга обнимемъ всѣ святымъ братскимъ лобзаніемъ. Тяготы станемъ другъ друга носить“.

«Братъ за брата всѣ молитесь,
Другъ предъ другомъ вы смиритесь,
Передъ слабымъ не гордитесь».

Вообще съ казовой стороны хлысты представляются людьми богобоязненными, благочестивыми, готовыми жертвовать на нужды церковныя, съ уваженіемъ говорящими о пастыряхъ церкви, нерѣдко усердными церковными старостами. Начиная съ мнимаго христа Сулова и доселѣ пророки хлыстовскіе заповѣдуютъ ходить въ церковь и уважать ея служителей. Они всячески стараются поддерживать видимую связь съ церковію и особенно съ представителями церковной власти. „Братія мои, писалъ хлыстовскій пророкъ Радаевъ, — обращаясь къ своимъ послѣдователямъ, — будьте усердны къ св. церкви, вѣруйте, что все, что въ ней установлено, — свято: три поклона въ ней дороже 300 домашнихъ. Почитайте іереевъ, попремногу и весь причетъ церковный любите, пороки ихъ не смотрите, но санъ и должность ихъ великую. Они служители Бога Вышняго, Господу зѣло угодно ихъ почитать, кто ихъ почитаетъ, Бога почитаетъ“. „Это на страшномъ судѣ предъ Богомъ, вся своя согрѣшенія до малѣйшаго открытъ и признаться предъ Богомъ и духовнымъ отцемъ, — Господь повелѣваетъ: „покайтесь, приблизитесь царствіе Божіе“. Когда человѣкъ чисто признается въ своихъ грѣхахъ предъ

*) Свящ. Рождественскій «О хлыстахъ», стр. 144.

Богомъ и духовнымъ отцемъ, тогда онъ крещается, беретъ разрѣшеніе и душа омывается та, аки водою, разрѣшеніемъ отъ священника, отъ Бога освящается благодатью... Братія мои, почаще причащайтесь; велія польза частое причащеніе великой тайны *).

Такимъ образомъ, хлысты, повидимому, строго слѣдуютъ въ своей жизни высокимъ нравственнымъ предписаніямъ и по паружности своей являются вѣрными сынами церкви. Но не такъ это на самомъ дѣлѣ. Врядъ ли есть какая-либо другая секта безнравственнѣе хлыстовщины.

Важнѣйшую часть культа хлыстовъ составляютъ радѣнія. „Порадѣть на языкѣ сектантовъ значитъ: слова Божія послушать, мягкихъ пироговъ покушать“. Учрежденіе это снесено на землю съ небесъ, „чтобы души человѣческія, еще будучи во плоти, молились такъ же, какъ молятся силы небесныя“. Такъ понимаютъ, радѣнія сами хлысты. Они бываютъ неодинаковой торжественности. Высшей степени послѣдняя достигаетъ на „большихъ соборахъ“, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ члены хлыстовской (мѣстной) общины; менѣе торжественны „малые соборы“, — еще менѣе — частныя радѣнія, при соучастіи трехъ-четырехъ членовъ.

Для радѣній „великихъ соборовъ“ требуются извѣстныя приготовленія; они имѣютъ свои необходимыя принадлежности. Первое мѣсто между ними занимаетъ „Сіонская горница“. Такъ называется комната, назначенная для хлыстовскихъ собраній. Ея исключительное назначеніе требуетъ соответственныхъ приспособленій и украшеній; тѣ и другія зависятъ, конечно, отъ богатства хлыстовской общины. Такъ въ Заволжьѣ, въ Фатьянкѣ, въ „сіонской горницѣ“ принадлежавшей богатому и знатному роду господъ Луповицкихъ не было ни въ чемъ недостатка. Въ ней (въ 30-хъ, 40-хъ годахъ теку-

*) Мисс. Обзор. 1898 г., янв. стр. 34.

шаго столѣтія) въ двухъ старинной работы мостахъ, похожихъ на церковныя паникадила, со множествомъ граненыхъ хрустальныхъ подвѣсокъ, во время собора горѣло больше полусотни свѣчей. Въ трехъ углахъ и по сторонамъ дверей (ихъ было двѣ; одна входная, другая вела въ корридоръ) стояли высокія бронзовыя канделябры тоже съ зажженными свѣчами, а въ переднемъ углу передъ образами теплилось двѣнадцать разноцвѣтныхъ лампадъ. Весь потолокъ былъ расписанъ искусной кистью извѣстнаго въ свое время художника Боровиковскаго *), бывшаго въ корабль Татариновой **) и пріѣзжавшаго въ Луповицы для живописныхъ работъ въ только что устроенной тамъ сіонской горницѣ. На потолокъ были изображены парившіе въ небесахъ ангелы, серафимы, херувимы; девятью кругами летали они — одинъ кругъ въ другомъ, а въ срединѣ парилъ св. Духъ въ видѣ голубя съ сіяніемъ, озаряющимъ парящіе круги небесныхъ силъ. По стѣнамъ развѣшаны были картины того же художника: „Распятіе плоти“, „Изліяніе благодати“, „Ликовствованіе“, „Ангельскій соборъ“ точно такой же, какъ на потолокъ, а возлѣ него соборъ Катерины Филиповны (Татариновой). Вдоль стѣнъ разставлены были стулья и диванчики, другой мебели въ Сіонской горницѣ не было, кромѣ стола въ переднемъ углу, накрытаго чистой скатертью изъ гладкаго серебрянаго глазета. На немъ лежалъ золотой напрестольный крестъ и въ дорогомъ окладѣ Евангеліе ***).

Такой обстановкѣ Сіонской горницы соотвѣтствуютъ

*) Совѣтникъ академіи художествъ, ученикъ Лампи (ум. 1825 г.), былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ хлыстовскаго корабля Татариновой. Въ 1819 г. онъ на потолокъ Сіонской горницы, бывшей въ квартирѣ Татариновой, въ Михайловскомъ замкѣ, написалъ Св. Духа, окруженнаго девятью кругами небесныхъ силъ. Писалъ картину съ портретами членовъ корабля и другія. Онъ ѣзжалъ и въ провинціи къ богатымъ хлыстамъ-помѣщикамъ.

**) Притономъ его былъ Михайловскій замокъ въ Петербургѣ.

***) Чт. въ общ. любит. д. просв. 1885 стр. 358.

обыкновенно и прочія принадлежности „собора“. Одежды его членовъ—бѣлыя, до пятъ доходящія, рубахи, перехвачиваемыя поясомъ; женщины повязываются шелковыми бѣлыми платками. Во главѣ „корабля“ стоитъ кормчій. Передъ входомъ въ „Сіонскую горницу“ всѣ привѣтствуютъ другъ друга, стоя въ кругу, земными поклонами и различными возгласами, въ родѣ слѣдующихъ:

- Христось воскресе!
- Свѣтъ истинный воскресе!
- Богъ истинный воскресе!
- Сударь батюшка воскресе!
- Царь царемъ воскресе! и т. п.

Открытію собора кормчимъ предшествуетъ нѣмая молитва, во время которой мужчины стоятъ на одной сторонѣ, а женщины, образуя съ ними полукругъ,—на другой, молитвеннымъ знакомъ служатъ земные поклоны: каждый кланяется другому въ землю по три раза и при этомъ крестится обѣими руками.—Послѣ этого, какъ-бы испросивъ себѣ благословеніе у собора словами: „простите, братцы и сестрицы мои любезные, простите ради государя нашего милостиваго, ради батюшки нашего свѣта Искупителя, ради Духа Святаго нашего утѣшителя“,—кормчій открываетъ соборъ чтеніемъ какого-нибудь житія и поученія. — Дальше въ составъ радѣній входятъ слѣдующія части; пѣніе на мѣстахъ, пѣніе въ кругу—посрединѣ „горницы“. Поютъ разные гимны. Изъ нихъ наибольшею извѣстностію пользуется слѣдующій:

«Дай къ намъ, Господи, дай къ намъ Исуса Христа;
 Дай къ намъ Сына Божьяго, и помилуй, Сударь насъ!
 Пресвятая Богородица, упроси за насъ Сына Твоего,
 Сына Твоего, Христа Бога нашего,
 Да тобою спасемъ души наши многогрѣшныя».

Или вотъ еще:

Изведетъ изъ темницъ
 Сонмы чистыхъ дѣвиць,

Привлечетъ въ Божій чинъ
 Сонмы грѣшныхъ мужчинъ,
 Самъ Спаситель ей радъ,
 Возведетъ въ вышній градъ,
 Осѣнитъ Святой Духъ
 Ея огненный духъ,
 И на радость она
 Будетъ Богу вѣрна
 Поручусь за нее
 И молюсь на нее,
 То—невѣста Христа
 Сниметъ насъ со креста,
 Силу вышнюю дастъ,
 Благодать преподастъ».

Замѣчательно при этомъ, что сектанты съ пѣніемъ своихъ гимновъ часто соединяютъ и пѣніе священныхъ пѣсней; „Царю Небесный“, „Многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній“, „Воскресеніе Христово видѣвше“ и другихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются „радѣнія кораблемъ“, т. е. хожденіе, постепенно переходящее въ бѣганье, двумя кругами—внутреннимъ и внѣшнимъ, женскимъ и мужскимъ, изъ которыхъ первый обращается противъ солнца, а второй — по солнцу, — и „радѣнье круговое“. Передъ этимъ послѣднимъ опять произносится поученіе и наставленіе „хорошенько порадыть“.

То и другое изъ этихъ радѣній акомпанируются пѣснями и въ общемъ совершаются одинаково; но второе всегда бываетъ неистовѣй перваго. Во время его „дикіе крики, рѣзкій визгъ, неистовые вопли и стenanья, топотъ ногами, хлопанье руками, шумъ подоловъ радѣльныхъ рубахъ, нестройныя пѣсни сливаются въ одинъ зычный потрясающій ревъ... Всѣ дрожать, у всѣхъ глаза блестятъ, лица горять, у иныхъ волосы становятся дыбомъ. То одинъ, то другой восклицаютъ:

— Ай духъ! Ай духъ! Царь Духъ! Богъ Духъ!

— Накати, накати! визгливо вопять другіе.

— Ой Ева! Ой Ева! хриплыми голосами и зады-

хаясь изступленно въ дикомъ порывѣ восклицаютъ третьи.

— Благодать! Благодать! однѣ съ рыданіемъ и сто-нами, другіе съ безумнымъ хохотомъ голосятъ во всю мочь вертящіяся женщины. Со всѣхъ потъ леть ручьями, на всѣхъ взмокли радѣльные рубахи, а „Божьи люди все радѣютъ, лишь изрѣдка отирая лицо полотенцемъ“... Такъ продолжается радѣніе до тѣхъ поръ, пока ктонибудь ни выкрикнетъ магическихъ словъ!..“

— Накатилъ!.. накатилъ!..

„Еще нѣкоторое время продолжается пѣніе,—и начинаютъ возглашать „живое слово“ и „трубить въ трубу живогласную“.

Особенный видъ „живаго слова“ составляютъ личные обращенія къ каждому изъ присутствующихъ. Въ то время, какъ онѣ исполняются, всѣ сидятъ. Одинъ пророкъ или пророчица держится на ногахъ, обходя всѣхъ по одиночкѣ. „Отъ одного къ другому переходятъ они и каждому судьбу прорекаютъ“. „Кого обличаютъ, кого ублажаютъ, кому семигранные вещи въ раю обѣщаютъ, кому о мірской суетѣ вспоминать запрещаютъ“. „Больше же всего говорятъ милосердныя и любовно все покрывающія обѣтованія. Напримѣръ: „Высокій будетъ ходить во „святѣмъ кругу“. Высока ея доля небесная, всѣмъ праведнымъ будетъ она любезная. Велики будутъ труды, да и правильны суды“.— На cadaго послѣ обращенія, выслушиваемаго на колѣнахъ, пророки машутъ трижды платками. Въ заключеніе „радѣній“ дается такъ называемое „цѣлованіе ангельское, лобызаніе херувимское“, какъ Духъ повель...

Вступленіе въ „корабль“ людей Божіихъ производится чрезъ извѣстный обрядъ. Сущность пріема или „привода“ новаго члена заключается въ произнесеніи обѣтовъ хранить тайну, никому не объявлять, ни отцу, ни матери, ни роду, ни подростку, ни попу-отцу духовному, ни другу мірскому, хотя-бы огонь принять, хотя-

бы кнутъ принять, хотя-бы топоръ принять *), слушать пророка больше отца и матери. Обѣты обставляются такъ, что присоединяемые должны дать за себя порукой „Самого Христа, Царицу Небесную“,—„Смотри-же, замѣчаютъ ему, чтобы Христосъ отъ тебя поруганъ не былъ“, и при этомъ приводятъ его къ присягѣ предъ иконою. Послѣ произнесенія обѣтовъ идутъ прошенія предъ Богомъ, Богоматерію, предъ ангелами, предъ небомъ, землей и всѣми тварями, въ томъ, что до этого времени они не принадлежали къ сектѣ. Затѣмъ испрашиваются прощенія и молитвы у присутствующихъ: „Простите насъ, простите братцы и сестрицы: виноваты, виноваты мы, грѣшныя, помолитесь за насъ, за наши грѣшныя души“.

Когда наступаетъ часъ „привода“, новый подвижникъ входитъ въ „Сіонскую горницу“ въ сопровожденіи воспріемника или воспріемницы. Божьи люди поютъ тогда „прійдите поклонимся и припадемъ ко Христу“...

Для лучшаго ознакомленія съ порядкомъ пріема въ хлыстовскую секту новаго члена приведемъ картину „привода“ Дуни Смолокуровой изъ романа Мельникова „На Горахъ“.

Кормчій корабля, стоя у своего стола съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, строгимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты пришла сюда?

Дуня смѣшалась. Забыла наставленія, изъ памяти вонъ, что надо ей отвѣчать.

Марья Ивановна (воспріемница) подсказала, и она, опускаясь на колѣни, слабымъ голосомъ отвѣчала:

— Душу спасти.

— Доброе дѣло, спасеное дѣло, сказалъ Николай Александровичъ (кормчій). Благо твое хотѣніе, дѣвица. Но безъ крѣпкой поруки невозможно мірскому войти во святыи кругъ вѣрныхъ праведныхъ. Кого дашь порукой?

*) Рождественскій 214—215.

— Матушку Царицу Небесную, чуть слышно промолвила Дуня.

— Хорошо, если это такъ,—сказалъ Николай Александровичъ.—Смотри-же, блюди себя опасно, не была-бъ тобой поругана Царица Небесная.

— Всегда обѣщаюсь пребывать въ заповѣдяхъ истинной вѣры, никогда не поругаю свою поручительницу.

— Доброй-ли волей пришла въ сей освященный соборъ?—продолжалъ Николай Александровичъ. Не по страху, или по неволѣ, не отъ празднаго-ли любопытства?

— Доброй волей пришла. Спасенье получить желаю, отвѣчала Дуня.

— А извѣстны-ли тебѣ тягости и лишенія, что тебя ожидаютъ? Не легко знать, не легко и носить утаенную отъ міра тайну,—сказалъ Николай Александровичъ. Иго тяжелое, неудобноносимое хочешь ты возложить на себя. Размыслила-ли о томъ? Надѣнешься-ли на свои силы?

— Размыслила; рѣшилась и на себя надѣюсь, подсказала Дунѣ Марья Ивановна, и та повторила.

— Должна ты отречься отъ міра и отъ всего, что въ немъ есть,—продолжалъ Николай Александровичъ. Должна забыть отца и мать, братьевъ, сестеръ, весь родъ свой и племя. Должна отречься отъ своей воли, не должна имѣть никакихъ желаній, должна все исполнять, что-бъ тебѣ ни повелѣли, хотя-бъ и подумалось тебѣ, что это зазорно или неправедно... Должна ты не помышлять о грѣховной мірской любви, ничего не вспоминать, ни о комъ не думать. Должна избѣгать суеты въ гости не ходить, на пирахъ не бывать, мяснаго и хмѣльнаго не вкушать, пѣсни пѣть только тѣ, что въ соборахъ вѣрныхъ поются. Должна ты быть смиренною, изо всѣхъ грѣховъ нѣтъ тяжелѣй гордости, это самый великій грѣхъ, за гордость свѣтлѣйшій архангелъ былъ низвергнутъ во адъ. Ничѣмъ не должна ты гордиться, ни даже своимъ цѣломудріемъ... О тайнѣ-же сокровенной, о святомъ служеніи Богу и Агнцу не должна ни-

кому сказывать: ни отцу родному, ни отцу духовному ни царю и никому, кто во власти... Доведется пострадать за тайну, должна безропотно принять и гоненія, и всякія муки—огонь, кнутъ, плаху, топоръ, но тайны сокровенной никому не повѣдать... Если-же предашь ее—будеть тебѣ одна участь съ Іудой. Исполнишь ли все, что говорю?

— Исполню, дрожа отъ волненія, прошептала Дуня.

— Поди сюда, сказалъ Николай Александрычъ. Дуня подошла къ столу. Положивъ крестъ и евангеліе, кормчій взялъ ее за руку и трижды посолонь обвелъ вокругъ стола. Марья Ивановна шла за нею. Всѣ пѣли: „елицы отъ Христа въ Христа креститесь, во Христа облекостесь“.

Поставивъ Дуню предъ крестомъ и евангеліемъ, Николай Александрычъ велѣлъ ей говорить за собою:

— Пришла я къ Тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія не по неволѣ, а по своей волѣ, по своему хотѣнью. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, про сіе святое дѣло никому не открывать даже предъ смертною казнію, въ чемъ порукою даю Царицу Небесную Пресвятую Богородицу. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, на всякій день и на всякій часъ удаляться отъ міра и всей суеты его, и всего разврата его. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, не имѣть своей воли, во всемъ творить волю старшихъ, что-бъ они ни повелѣли мнѣ—все исполнять, безо всякаго сомнѣнья... Прости меня Господи, прости Владычица Богородица, простите ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся сила небесная!.. Прости небо, прости солнце, простите мѣсяць, звѣзды, земля, озера, горы, рѣки, и всѣ стихіи небесныя и земныя!..

Послѣ того Дуня приложилась ко кресту и евангелію, и кормчій сказалъ ей:

— Въ сіе время Божій ангелъ сходитъ съ неба. Онъ стоялъ передъ тобою и записывалъ обѣщанья твои! Помни это.

По слову Марьи Ивановны, Дуня перекрестилась обѣими руками и поклонилась въ землю Николаю Александровичу. Онъ тѣмъ-же отвѣтилъ ей. Потомъ Марья Ивановна подводила ее къ каждому изъ людей Божьихъ и на каждаго она крестилась и каждому отдавала земной поклонъ. И они тѣмъ-же ей отвѣчали, поздравляя съ обновленіемъ души, съ крещеніемъ Святымъ Духомъ. Поздравляли и другъ друга съ прибылью для корабля, съ приводомъ новой праведной души.

Подала Марья Ивановна Дунѣ бѣлый батистовый платокъ, пальмовую вѣтку и рядомъ съ собой посадила. Послѣ того былъ новый приводъ (Василисушки). Затѣмъ, обращаясь къ обѣимъ новымъ сестрицамъ Божьи люди запѣли „приводную“ пѣснь:

«Ай вы дѣвушки, дѣвицы,
Вы духовныя сестрицы,
Когда Богомъ занялись,
Служить Ему задались—
Вы служите, не робѣйте
Живу воду сами пейте,
На землю ее не лейте,
Не извольте унывать
А на Бога уповать,
Рая въ немъ ожидать».

Потомъ запѣли—„Дай къ намъ, Господи“ и началось радѣнье. Сначала тихо и робко Дуня ходила въ женскомъ кругу, но потомъ стала прыгать съ увлеченіемъ, потрясая пальмой и размахивая батистовымъ покрывцемъ.

Такова въ своей сущности и внѣшнихъ проявленіяхъ хлыстовская секта. Здѣсь рядомъ съ подвигомъ и особое наслажденіе до самозабвенія. Въ то время, какъ христіанство говоритъ объ утѣхахъ радости и блаженства, какъ о чемъ-то слишкомъ отдаленномъ, за порогомъ земного бытія находящемся, въ хлыстовствѣ это—такъ близко: приходи и бери его. Вотъ чѣмъ между прочимъ заманчива мораль хлыстовства, вотъ съ чѣмъ могла и можетъ мириться легкомысленная

натура, вотъ почему она можетъ уживаться съ фанатически-дикимъ ученіемъ о безконечныхъ богоявленіяхъ въ лицѣ смертныхъ людей.

Широкое распространеніе хлыстовщины въ Нижегородскомъ Заволжьѣ въ первой половинѣ XIX столѣтія не могло не обратить на себя вниманія духовной и свѣтской власти. Скоро наступилъ, повидимому, ихъ конецъ. Дѣло объ нихъ возникло въ Москвѣ. Слѣдствіе обнаружило существованіе и луповицкихъ, и заволжскихъ хлыстовъ (фатьяновскихъ). Правительство узнало, что извѣстный коноводъ сектантовъ Егоръ Денисовъ будетъ (къ такому-то времени) въ Луповицахъ, и рѣшено было здѣсь взять его. Одновременно съ нимъ арестованъ былъ и кормчій корабля, старшій Луповицкій. Черезъ недѣлю аресты произошли и въ Заволжской Фатьянкѣ. Ему подверглись, какъ владѣтельница этой усадьбы, Алымова, такъ и крестьяне, переселенные ею изъ симбирскаго владѣнія.

Въ теченіе нѣкотораго времени аресты не прекращались; имъ подверглись, какъ главные представители секты, такъ и ея простые члены: всякаго привлекали къ суду и законной отвѣтственности за малѣйшее сношеніе съ хлыстами.

Тѣмъ не менѣе хлысты не исчезли совсѣмъ въ Нижегородскомъ краѣ. Черезъ нѣсколько времени они появились даже въ церковномъ клирѣ одного селенія Лукояновскаго уѣзда. И теперь, говорятъ, ихъ можно еще „накрыть“ въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ Заволжья.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Немоляки.

Около 1869—1870 гг. въ Нижегородской губерніи появилась новая секта, носящая мистико-раціоналистическій характеръ. Это—такъ называемые „немоляки“. Первые послѣдователи этой секты появились въ де-

ревняхъ раскольническихъ по р. Керженцу, гдѣ населеніе съ давнихъ временъ болѣе всего склонно къ „стародавней обрядности“.

Секта „немоляковъ“ первоначально возникла въ землѣ Войска Донского. Это было въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Основателемъ ея считается казакъ донского войска Гавріиль Зиминъ, житель Федосьевской станицы. Въ молодыхъ годахъ Зиминъ участвовалъ въ походахъ противъ французовъ, откуда вернулся домой съ георгиевскимъ крестомъ. За пропаганду своего новаго совершенно „неслыханнаго ученія“, онъ сосланъ былъ въ 1837 году на Кавказъ. Названіе свое немоляки получили отъ того, что они не совершаютъ моленій наружно.

Исходнымъ пунктомъ, основой всего міросозерцанія немоляковъ является понятіе „о временахъ вѣка“. Такихъ „временъ вѣка“, по ученію немоляковъ, четыре, а именно: отъ сотворенія міра до Моисея—весна или вѣкъ праотеческій; отъ Моисея до Рождества Христова—лѣто или вѣкъ отеческій; отъ Рождества Христова до 1666 года—осень, вѣкъ сыновній, а съ 1666 года—зима, вѣкъ Святаго Духа.

Истина погасла,—учать немоляки, вѣра скрылась и такъ какъ уже насталъ вѣкъ Св. Духа, то поэтому „осталась только одна надежда на спасеніе души въ исполненіи тѣхъ предметовъ, кои приказано совершать въ духѣ, но ничуть не плотью или какими вещественными обрядами“. Усвоивъ себѣ мысль, что они существуютъ въ вѣкѣ Духа, немоляки считаютъ долгомъ все священное писаніе, безъ исключенія, толковать и понимать не иначе какъ въ духовномъ смыслѣ; не даромъ, думаютъ они, сказано въ писаніи: „отверзу уста моя въ причтахъ“.

Слѣдуя этому правилу, немоляки дошли, наконецъ, до того, что даже Рождество Іисуса Христа, Его страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе превратили въ

духовный смысл, толкуя такъ: Дѣва Марія есть благое дѣло, отъ котораго родилось слово Божіе, т. е. Иисусъ Христосъ, сынъ Божій; тѣлеснаго-же пришествія Христа они не признаютъ. Далѣе немоляки толкуютъ, что Богъ-Отець означаетъ отеческое правило, бывшее до Р. Христова, Богъ-Сынъ сыновнее правило, имѣвшее силу отъ Р. Христова до 1666 года и, наконецъ, Св. Духъ означаетъ существующее нынѣ правило на послѣднія нынѣшнія времена.

По ученію немоляковъ, со времени окончанія 7-й тысячи лѣтъ духовныя власти и церковное богослуженіе съ разными наружными обрядами потеряли всякую силу и значеніе. Поэтому они отрицаютъ священство и церковную іерархію. Церкви и храмы православныя немоляки признаютъ за простые дома.

Таинства церковныя, по ученію немоляковъ, совершались въ угодность Богу только до 7-й тысячи лѣтъ; въ подтвержденіе такого взгляда они приводятъ изреченіе св. писанія: „премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седьмъ“, т. е. что все утвержденное семью вселенскими соборами существовало въ надлежащей силѣ только до окончанія 7-й тысячи лѣтъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, немоляки отрицаютъ таинства. Брачный союзъ, напримѣръ, у нихъ заключается „безъ всякихъ чиноположеній и молитвъ, а по одному только обоюдному согласію жениха съ невѣстою и родителями“. Мужъ и жена „безъ явныхъ причинъ, нарушающихъ вѣрность супружества, не должны оставлять другъ друга“.

Крещенія у немоляковъ нѣтъ, точно такъ-же нѣтъ и никакихъ обрядовъ, которые-бы замѣнили собою крещеніе. Поэтому поводу немоляки говорятъ, что крещеніе водою существовало до 7-й тысячи лѣтъ, а теперь крещеніе должно совершаться духомъ. Имена дѣтямъ немоляки даютъ по общему обыкновенію, на восьмой день по святцамъ.

Умершихъ немоляки погребаютъ „безъ всякихъ пѣній и молитвословій, но сколь возможно въ самомъ простѣйшемъ видѣ, толкуя, что трупъ есть земля и въ землю идетъ“. На этомъ основаніи они отвергаютъ все совершаемое надъ умершими и никакого поминовенія объ нихъ не дѣлаютъ.

Точно такъ-же немоляки отвергаютъ и священство. У нихъ нѣтъ даже выборныхъ старѣйшинъ или пресвитеровъ, какіе существуютъ, напримѣръ, у молоканъ, штундистовъ и т. п. Немоляки „уважаютъ только тѣхъ, которые искусно каждый текстъ священнаго писанія объясняютъ духовно, къ одной цѣли ихъ толка“. При моленіи Богу немоляки не употребляютъ ни поклоновъ, ни молитвъ; они говорятъ, что Богу слѣдуетъ „возсылать не ту молитву, которая написана въ книгахъ, но исходящую отъ собственныхъ чувствъ, произносимую духомъ ума“. При этомъ они ссылаются на тѣ мѣста священнаго писанія, въ которыхъ упоминается о „поклоненіи духомъ и истиною“, а также перетолковываютъ по своему разныя евангельскія изреченія. Такъ, напримѣръ, слова: „вниди въ клѣтъ твою, затвори двери твоя и помолися въ тайнѣ“—немоляки объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „войти въ клѣтъ“, говорятъ они значить умолкнуть, а „затворить дверь“ значить закрыть уста.

Кромѣ евангелія, немоляки въ дѣлѣ отрицанія поклоновъ и молитвъ опираются также на книгу „Альфа и Омега“, а именно на слѣдующее мѣсто этой книги: „оную быти молитву разумѣемъ, яже не престающе отъ души весь день и ночь, яже не въ протяженіи рукъ и предстояніи тѣлеси и языкомъ гласѣ зрящимъ видится, но во умномъ поученіи и ума дѣланіи, Божіей памяти, прилежнымъ умиленіемъ видящимъ разумѣвается“.

„Крестъ, который православные христіане носятъ на себѣ, немоляки совершенно отвергаютъ, толкуя, что видимое или вещественное—безполезно, особенно въ нынѣшнія времена духа“.

По ученію немоляковъ, второе пришествіе Христа уже было; объ этомъ знаютъ только они, немоляки, вслѣдствіе особаго откровенія Божія. „Судный день“ они не признаютъ, а говорятъ, что писано есть: „Отець даде судъ свой Сынови,“ а Сынъ есть слово, и слово судъ свой произнесло уже въ свое время, т. е. до окончанія 7-й тысячи лѣтъ; далѣе же никакого пришествія Христа и суда его страшнаго не ожидаютъ“.

Посты и праздники немоляки отвергаютъ, и „различія никакимъ днямъ не полагаютъ, вкушаютъ пищу произвольную во всякое время, хотя бы и скоромную, толкуя, что посты и праздники есть одно только прозnamenovanie вѣка, дабы изъ одного тѣ люди, кои поступятъ въ немоляцкую секту, извлекали одно разумѣніе и тѣмъ болѣе утверждались въ познаніи временъ, прошедшихъ и настоящихъ“.

Что касается мощей, то немоляки признаютъ тѣ изъ нихъ, которыя явились до 7-й тысячи лѣтъ; мощи же болѣе поздняго періода самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаются ими. Немоляки толкуютъ, что съ наступленіемъ вѣка Духа не только не должны появляться мощи, но и прежнія утратили уже всякую силу чудодѣйствія Божія, ибо „время плотское миновалось“.

Наконецъ, немоляки учатъ, что все изложенное въ священномъ писаніи относится лишь до здѣшней, т. е. земной жизни; что же касается до будущей, загробной жизни, то о ней немоляки толкуютъ такъ: этого никто познать не въ силахъ, ибо это есть непостижимость“.

Всѣ исправленія, сдѣланныя въ церковныхъ книгахъ патриархомъ Никономъ, немоляки признаютъ поврежденіемъ истины, самаго Никона считаютъ „предъуготовителемъ того пути развращенія (предъ наступленіемъ вѣка Духа), по которому почти всѣ россійскіе народы нынѣ шествуютъ“.

Кромѣ книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ немоляки признаютъ также книги, написанныя святыми отцами

церкви; затѣмъ между ними пользуются уваженіемъ нѣкоторыя рукописи, составленныя старообрядцами, какъ, напримѣръ, „Григоріево видѣніе“ и др. Но все это они перетолковываютъ по своему, „въ духовномъ смыслѣ“ и сообразно съ основными началами своего ученія. Такъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ св. писанія, въ которыхъ говорится о „семи дняхъ,“ о „семи свѣтильникахъ,“ о „семи очесахъ“ и т. п.—они видятъ указанія на ту седьмую тысячу лѣтъ, съ окончаніемъ которой духовныя власти и церковное богослуженіе потеряли, по ихъ мнѣнію, всякую силу и значеніе.

Немоляки уклоняются отъ прямого исполненія правилъ православной церкви и гражданскихъ законовъ. По ихъ мнѣнію, въ государственную службу, какого бы она рода ни была, можно поступать только при неизбѣжныхъ обстоятельствахъ,“ т. е. лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда „правительство побудительными мѣрами къ тому опредѣлитъ“.

Войну немоляки категорически отрицаютъ. Если бы даже случилось немоляку стать противъ непріятели съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ отнюдь не долженъ сражаться, помня евангельскія слова: „всѣ, поднявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ“ (Матѣ. 26,52). Христіанскимъ же воинствомъ немоляки называютъ только тѣхъ, которые имѣютъ брань съ невѣрными, подразумѣвая подъ этимъ названіемъ всѣхъ тѣхъ, кои не вѣрують одинаково съ ними и не вѣдаютъ о наступившемъ уже вѣкѣ Духа *).

Подобныя нелѣпыя заблужденія упорно защищаются сектантами.

Г. Гацисскому удалось однажды присутствовать при спорѣ о вѣрѣ, который вели немоленные съ православными и послѣдователями разныхъ старовѣрческихъ сектъ. Дѣло происходило на одномъ изъ сельскихъ

*) Вѣсти. Евр. 1883 г. № 3. Пругавиць «Немоляки».

праздниковъ, на Керженцѣ; диспутъ велся въ лѣсу, на открытомъ воздухѣ. Приведемъ здѣсь описаніе этого диспута, какъ оно изложено г. Гацисскимъ.

„Немоленныйъ безпощадно громить своихъ противниковъ однимъ евангеліемъ. Становясь въ тупикъ, противники кидаются подъ защиту Златоустаго, а немолненный прямо имъ рѣжетъ:

— Не знаю, не мое дѣло... Книгъ много, всѣхъ не узнаешь. Я одну книгу знаю, больше мнѣ не надо...

— Да и вѣрѣ много!—вставляетъ кто-то некстати.

— Какъ много?—привязывается молодой парень изъ немолненныхъ.

— Вѣстимо много: истинная, никоніанская, лютерская, австрицкая, поморская.

— Врешь. Всего двѣ вѣры.

— Извѣстно двѣ, это оно правильно: одна правая, отъ Бога, другая неправая, отъ дьявола.

— Да хрестъ-отъ на тебѣ есть аль нѣту?—пристаетъ къ немоленному поморецъ.

— Ана что онъ мнѣ? Гдѣ про него въ евангеліи писано?

— И иконъ, значить, не признаешь?

— И доски ваши не признаемъ!..

„Во многихъ селеніяхъ,—замѣчаетъ г. Гацисскій,—почва для новой вѣры совсѣмъ расчищена и люди сдерживаются только приросшей къ нимъ привычкой да разными случайными причинами. Такъ одно большое селеніе готово было сплошь расщепать свои иконы и пустить ихъ по Керженцу (первое дѣйствіе новообращеннаго), но случись въ селеніи пожаръ и горсточка, еще твердо стоявшихъ на старинѣ, пугнула-этимъ остальныхъ и отклонила ихъ отъ немоленщиковъ... Болѣе твердые въ новомъ ученіи устояли и въ числѣ четырехъ дворовъ покончили съ иконами; пойдутъ за ними и другіе, конечно“ *).

*) Др. и Нов. Росс. 1877 г. № 11.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ относительно положенія раскола въ Нижегородской губерніи въ настоящее время. Точнаго числа раскольниковъ здѣсь статистика не указываетъ; по даннымъ же 3-го миссіонерскаго съѣзда, бывшаго въ Казани, число ихъ приблизительно опредѣляется въ 73,667 челов. Между ними особенно сильны бѣглопоповцы, покровительствуемые извѣстнымъ купцомъ Бугровымъ, а также раскольники австрійскаго согласія,—во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный апологетъ раскольничій Онисимъ Швецовъ. Среди раскольниковъ нижегородскихъ числится 667 „немоляковъ“. Есть въ с. Горкахъ и штундисты до 509 чел., изъ того числа воссоединились болѣе 40. Для борьбы съ расколомъ въ Нижегородской епархіи существуетъ съ 1875 г. Братство св. Креста. Управляется оно совѣтомъ, подѣ предсѣдательствомъ преосвященнаго викарія и имѣетъ 20 отдѣленій. Въ епархіи есть 2 епархіальныхъ миссіонера, 2 братскихъ, 3 миссіонера благочинническихъ окружныхъ,—„отдѣленскихъ,“ т. е. состоящихъ при отдѣленіяхъ совѣта, 20 миссіонеровъ—сотрудниковъ Всѣхъ собесѣдниковъ съ раскольниками имѣется въ епархіи 52 челов. изъ духовенства и мѣстныхъ начетчиковъ. Дѣятельность братства выражается въ устройствѣ собесѣдованій съ раскольниками и приобрѣтеніи для раздачи народу книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Средства содержанія миссіонеровъ изыскиваются братствомъ и епархіей. Воссоединенія съ православною церковью бывають ежегодно. Во время нижегородской ярмарки ведутся организованныя собесѣдованія, на которыя приглашаются братствомъ извѣстный проф. Ивановскій и другіе выдающіеся миссіонеры.

К О Н Е Ц Ъ .